

Том 2, № 1
2005

Учредитель

Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Л. Журавлев

Г.В. Иванченко

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

И.Е. Сироткина

Е.Н. Соколов

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

Отв. секретарь

В.В. Овсянникова

Редактор *А.В. Александрова* и

О.В. Шапошникова

Переводы *И.Е. Сироткиной*

Корректурa *О.В. Гаврильченко*

Компьютерная верстка

Е.А. Валуевой

Адрес издателя

и распространителя:

101990, Москва, ул. Мясницкая, 20.

Тел. 772-95-71; факс 772-95-71

E-mail: id.hse@mail.ru

Перепечатка материалов только
по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2005 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 3

Философско-методологические проблемы

Т.Н. Ушакова. Семантика речи: имя, слово,
высказывание 4

Теоретико-эмпирические исследования

О.А. Конопкин. Структурно-функциональный и
содержательно-психологический аспекты
осознанной саморегуляции 27

Специальная тема выпуска:

В поисках методологических ориентиров

От редколлегии 43

В.М. Аллахвердов. Блеск и нищета
эмпирической психологии
(На пути к методологическому манифесту
петербургских психологов) 44

Выступления участников дискуссии

**А.И. Ватулин (66) М.В. Иванов (74) А.С. Кар-
мин (78) А.Д. Наследов (86) В.Ф. Петренко (93)
А.Н. Подьяков, Я. Вальсинер (102) Е.А. Серги-
енко (112) Т.В. Черниговская (116) Ю.М. Шил-
ков (119) А.В. Юревич (124)**

Заключительное слово

В.М. Аллахвердов. Грустный
оптимистический взгляд на психологическую
науку 130

Короткие сообщения

С.С. Белова. Логические и интуитивные
основания первого впечатления
об интеллекте ребенка 140

Обзоры и рецензии

Е.Н. Соколов. Размышления над книгой:
Т.Н. Ушакова. Речь: Истоки и
принципы развития 148

**В. Куинси, Т. Скилинд, М. Лалумьер,
В. Крейг.** Юношеская делинквентность:
понимание происхождения индивидуальных
различий. *Рецензия М.А. Кулыгиной* 158

Резюме выпуска на европейских языках 165

Vol. 2, № 1
2005

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaia

N.A. Almaev

T.Y. Bazarov

V.A. Barabanschikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisov

G.V. Ivanchenko

E.A. Klimov

A.N. Lebedev

D.A. Leontiev

D.V. Lioussine

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiaikov

V.A. Ponomarenko

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrikov (Vice Editor)

A.G. Shmelev

I.E. Sirotkina

E.N. Sokolov

D.V. Ushakov (Vice Editor)

A.L. Zhuravlev

Managing Editor

V.V. Ovsianikova

Translation I.E. Sirotkina

Copy editing A.V. Alexandrova,

O.V. Shaposhnikova,

O.V. Gavrilchenko

Page settings E.A. Valueva

Publisher and Distributor's Address:

ul. Miasnitskaia, 20, 101990,

Moscow, Russia.

Tel. 772-95-71; fax 772-95-71

E-mail: id.hse@mail.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© SU HSE, 2005

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Editorial	3
<i>Theory and Philosophy of Psychology</i>	
T.N. Ushakova. Semantics of Speech: Name, Word, Utterance	4
<i>Theoretical and Empirical Research</i>	
O.A. Konopkin. Conscious Self-Control: the Structure/Function and Content Aspects ...	27
<i>Special Theme of the Issue. In Search of Philosophical Reference Points</i>	
Editorial	43
V.M. Allakhverdov. Splendour and Misery of Empirical Psychology: Towards a Methodolo- gical Manifesto of Petersburgian Psychologists ...	44
<i>Interventions of the Participants of the Discussion</i>	
A.I. Vatulin (6) M.V. Ivanov (74) A.S. Karmin (78) A.D. Nasledov (86) V.F. Petrenko (93) A.N. Pod- diakov and J. Valsiner (102) E.A. Sergienko (112) T.V. Chernigovskaia (116) Y.M. Shilkov (119) A.V. Yurevich (124)	
<i>Final Comments</i>	
V.M. Allakhverdov. A Sad Optimistic View on Psychological Science: What My Colleagues Think of Psychological Knowledge	130
<i>Work in Progress</i>	
S.S. Belova. Logic and Intuitive Basis of the First Impression of the Child's Intelligence	140
<i>Reviews</i>	
E.N. Sokolov. Meditations on the Book: T.N. Ushakova. Language: Origins and Principles of Development	148
V.L. Quinsey, T.A. Skilling, M.L. Lalumiere and W.M. Craig. Juvenile Delinquency: Understanding the Origins of Individual Differences. <i>Reviewed by M.A. Kulygina</i>	158
Summary of the Issue	165

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В этом номере, знаменующем начало второго года выхода журнала, мы отмечаем юбилей нашего главного редактора, академика Российской академии образования Татьяны Николаевны Ушаковой.

Имя Татьяны Николаевны связано с рядом крупных достижений российской психологии. Ею разработана фундаментальная концепция в сфере психологии речи, осуществлены новаторские исследования истоков и принципов развития речезыковой функции человека. Предложены практические направления применения теоретических идей: интент-анализ публичных выступлений, анализ речевого искусства, методы речевого управления техникой, подходы к оказанию помощи детям с задержкой речевого развития.

В течение многих лет Татьяна Николаевна руководит исследовательским направлением в сфере психолингвистики. После защиты докторской диссертации она с 1972 года возглавляла лабораторию в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне — Психологический институт РАО), затем — в Институте высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР, затем — Институте психологии АН СССР (ныне — РАН). В настоящее время Татьяна Николаевна является руководителем научной школы, поддержанной грантом Президента РФ.

Татьяна Николаевна внесла большой вклад и в институциональное становление отечественной психологии. В трудном 1992 году она организовала журнал «Иностранная психология», который выполнял очень важную функцию — способствовал сближению отечественной психологии с зарубежной после падения «железного занавеса». Благодаря «Иностранной психологии» многие отечественные ученые смогли установить контакты с зарубежными коллегами, участвовали в конференциях, проходили стажировки на Западе. Журнал «Психология. Журнал Высшей школы экономики», номер которого вы держите в руках, стал дальнейшим развитием «Иностранной психологии».

Как координатор совета по психологии Российского гуманитарного научного фонда Татьяна Николаевна награждена почетной грамотой фонда «За заслуги в становлении РГНФ».

В связи с юбилеем Татьяны Николаевны поступили приветствия от президента Российской академии образования Н.Д. Никандрова, председателя правления РГНФ члена-корреспондента РАН Ю.А. Воротникова, многих видных отечественных психологов и зарубежных коллег.

Мы присоединяемся к этим поздравлениям и желаем Татьяне Николаевне успеха, здоровья и дальнейших достижений в руководстве нашим журналом и работе на ниве психологической науки.

Философско-методологические проблемы

СЕМАНТИКА РЕЧИ: ИМЯ, СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ¹

Т.Н. УШАКОВА

Ушакова Татьяна Николаевна — академик РАО, доктор психологических наук, профессор, главный редактор журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики», главный научный сотрудник Института психологии РАН.

Автор книг «Функциональные структуры второй сигнальной системы. Психофизиологические механизмы речи» (1979), «Речь человека в общении» (колл. монография, 1985), «Ведение политических дискуссий» (колл. монография, 1995), «Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса» (колл. монография, 1995), «Речь: Истоки и принципы развития» (2004).

Редактор книг «Психологические и психофизиологические исследования речи. Сборник трудов» (1985), «Когнитивная психология» (в соавт., 2 издания — на русском и английском языках, 1985), «Теоретические и прикладные исследования психологии речи» (1988), «Современные модели психологии речи и психолингвистики» (1990), «Лидерство» (в соавт., 1997), «Детская речь: психолингвистические исследования» (в соавт., 2001), «Психология высших когнитивных процессов» (в соавт., 2004).

Контакты: t.ushakova@mtu-net.ru

Резюме

Термин «семантика» относится в данной работе к той области психологического функционирования, где у субъекта происходит «осмысливание», «понимание» явлений или сторон действительности, включая языковые элементы. Рассматриваются центральные моменты формирования семантики в онтогенезе: ее начальные проявления у младенцев, развитие в раннем периоде, возникновение феномена именованя. Раскрывается психологическое и психофизиологическое содержание семантики слова. Предлагается новое понимание процесса словесного формулирования мысли.

¹Подготовка статьи поддержана грантом Президента РФ ведущей научной школе № 1870.2003.6 и грантом РГНФ № 05-06-06164.

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.*

Н. Гумилев

В психологии совокупность явлений, связанных с осмысленностью речи, относится обычно к области, получившей название *семантики речи*. В этой терминологии содержатся неясности, в обход которых в рассматриваемой области используются считающиеся в общем смысле синонимическими термины из смыслового поля: *значение, смысл, понимание, сознание, психологическое содержание речи*. Интуитивно мы ощущаем, что приведенные термины принадлежат к общей области. В то же время полной ясности в их употреблении не достигнуто. Дополнительная сложность связана с тем, что указанные понятия используются не только в психологии, но и в других науках, разумеется, со своими оттенками содержания. Термины *семантика, сознание, смысл, значение* активно применяются в философии, особенно в философии языка, логике. *Содержание речи* является предметом изучения филологии, языкознания, а также других наук.

Последний термин — *содержание речи* — требует специального разъяснения. У человека им может быть, в принципе, любое явление действительности: исторические события, литературные произведения, экономика, физические и химические процессы, технические устройства, многое другое. Описываемые в форме речевых текстов явления, относящиеся к окружающей действительности, составляют предмет различных наук и

текстов и могут вовсе не иметь отношения к психологии. В отличие от этого, занимаясь *психологическим содержанием речи и ее осмысленностью*, мы должны иметь своим предметом процессы и операции, которые *лежат в основании построения речи и в связи с ней* реализуются в психике говорящего. Тогда в круг явлений, относящихся к психологическому содержанию речи, войдут вопросы: как в психике человека образуется имя, значение слова; каким образом слово «выбирается» для его использования, соответствуя мысли говорящего; каким путем младенец научается осмысленной речи, как развивается ее осмысленность, и многое другое.

Ориентируясь на психологическую (психолингвистическую) сторону в обсуждаемом предмете, удобно вместе с тем использовать для ее именованья не совсем психологический термин *семантика речи*: он стал привычным в психологии для обозначения содержательно-психологических явлений общего характера, и психологи уже приняли его в связи с разработкой темы *психосемантики* (Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко и другие).

Встает вопрос: можно ли считать равнозначным содержание термина *семантика* в психологии и философии языка, логике? Как об этом пишет Ю.С. Степанов, в философии языка содержание термина *семантика* сближается с проблемой имени и его отношением к миру (Степанов, 1985; 1998). Наилучшей минимальной схематизацией именованья считается так называемый *семантический треугольник*, предложенный логиком Г. Фреге. В треугольнике в графической форме отражено строение знака.

Это: а) *предмет*, или *денотат*, — вещь, явление действительности; в) *знак*, или *имя*, — фонетическое слово, математический символ; с) *понятие* о предмете, вещи, или *сигнификат* (Степанов, 1998).

Представляя основные элементы имени и их связанность, предложенные обозначения полезны в психологии, поскольку очерчивают круг отношений, существующих между различными сторонами слова. В то же время следует признать, что с психологической стороны схема оставляет много вопросов и вряд ли способствует пониманию психологической природы именования. Неясным остается, в какой форме обозначенные стороны знака существуют в человеческой психике, в чем конкретно состоит их взаимосвязанность, в какой форме она осуществляется.

Обнаруживается, что задачи, решаемые психологами и другими специалистами в данной теме, не всегда близки. По-видимому, психологу целесообразно рассматривать встающие проблемы на основании собственно психологического материала. Продуктивным на первом шаге этого пути могут быть данные, получаемые при исследовании раннего речевого онтогенеза, где процессы семантического плана находят свои наиболее простые, а потому и более ясные проявления.

Истоки семантических процессов

Приметы осмысленности реагирования обнаруживаются у ребенка с очень ранних моментов жизни. Уже у младенцев взрослые ощущают своеобразное «понимание», осмысленный субъективный отклик на окру-

жающую действительность и общение с людьми. Тот факт, что первые формы осмысленности младенческих реакций проявляются чрезвычайно рано (практически от рождения), засвидетельствован в современных объективно организованных и достаточно убедительных экспериментальных исследованиях. Например, показано, что младенцы двухнедельного возраста недвусмысленно выражают свое «удивление», если в лабораторных условиях им демонстрируются явления, по видимости нарушающие физические законы. Малыши обнаруживают в той или иной степени владение понятием объекта, его места, принципом его сохранения при исчезновении из поля зрения, равномерности движения и др. (Бауэр, 1985; Байаржон, 2000; Смит, 2000, и др.).

Существуют и теоретические разработки, направленные на объяснение характера ранних семантических операций у маленьких детей. Ж. Пиаже описал так называемую символическую, семиотическую функцию, лежащую в основании появления слова у ребенка. Символическая функция, по Ж. Пиаже, состоит в том, что ребенок производит особого рода внутреннее подражание, имитацию воспринимаемых объектов, т. е. мысленно воспроизводит внешнее событие с помощью доступных для него средств, репрезентации. Такого рода внутреннее подражание представляет собой, по мысли автора, образ-обозначение, которое может иметь различную модальность — звуковую, двигательную, предметную.

Идея Ж. Пиаже уточняется современной исследовательницей Э. Бейтс. Символ определяется ею как такое

отношение между знаком и его референтом, при котором знак рассматривается как принадлежащий своему референту и в то же время при определенных условиях отделимый от него (Бейтс, 1984). Исследовательница делает различие между понятиями *репрезентация* и *символизация*: репрезентации представляют собой ментальные целостности, для символизации же требуется использование отдельных элементов, которые будут представлять целое.

По нашему мнению, при описании семантических операций требуется учитывать не только первичные функции символизации, репрезентации, но и не менее фундаментальную функцию экспрессии, проявляющуюся в потребности младенца выражать вовне с помощью голоса или жестов свое внутреннее состояние. Экспрессивную функцию можно рассматривать как энергетическое начало речи, играющее важнейшую роль как в речевом развитии ребенка, так и в функционировании речи у взрослого человека. В субъективном плане активность, направленная на экспрессию психологического содержания, находящегося в сознании, представляет собой намерение высказаться, т. е. *речевую интенцию*, зачатки которой обнаруживаются уже у новорожденных (Ушакова, 2004).

Обратим теперь внимание на то, что рассматриваемые функции репрезентации, символизации, экспрессии характеризуют *формальные* операции детского интеллекта и являются скорее общими рамками семантической деятельности. Они еще не говорят о том, какое конкретное психологическое содержание присутствует в психике младенца, каковы его особеннос-

ти и чем в принципе оно отличается от аналогичных психических явлений у взрослого человека.

Кроме *формы*, можно выделить *содержательно-психологическую*, *«предсемантическую»* сторону, и она обнаруживается у ребенка с момента рождения. Самые ранние голосовые проявления младенца — плач, крик — имеют в своей основе *субъективные переживания* (Ушакова, 2004). Они-то и составляют самый ранний «предсемантический» вид содержания младенческих вокализаций. Свидетельством того, что начальные вокализации младенца, по сути, аналогичны сформированным речевым высказываниям, является принципиальная структура тех и других — выражение внутреннего психологического компонента посредством голоса.

Субъективный компонент плача и крика — это *негативные переживания*, связанные главным образом с нарушением комфортных условий. Их можно квалифицировать как *семантемы* первых детских вокализаций. Возникающие позднее гуленье, гуканье, лепет обнаруживаются в спокойном удовлетворенном состоянии. Их семантическое содержание — *позитивные субъективные переживания умеренной интенсивности*. Названные субъективные проявления связаны с эндогенными или экзогенными раздражителями. Перспектива их развития — нарастание контакта с окружающей действительностью, повышение сложности и дифференцированности. У младенца они, по-видимому, еще диффузны и в известной мере примитивны, но именно они ощущаются окружающими как «осмысленность» переживаний младенца.

В отношении ранних семантических проявлений А.Н. Портнов предлагает говорить об *опыте предсознания*, к которому он относит различные сухого и влажного, горячего и холодного, прикосновения, вкуса, цвета, запаха и др. (Портнов, 2004). С этим вполне можно согласиться, поскольку, действительно, в отношении ранних детских проявлений сознания пока нет терминологической ясности. Понятно, однако, что нужно различать по сути близкие, но все же несовпадающие психологические понятия *осмысленность*, *осознанность*, *опыт предсознания*. Характерным признаком осознанности обычно считается способность субъекта рефлексировать свои субъективные состояния, помещать явления в широкий контекст. Очевидно, такого рода операции целесообразно связывать с более взрослым возрастом человека. Осмысленность же, исходя из этимологии этого слова, в обыденном понимании связывают с мыслью, разумностью, но в более общем и неформальном плане ее можно понимать как наличие в субъективной сфере некоего рода специфических субъективных переживаний, элементов предсознания.

В упомянутых выше работах Р. Байаржон и Л. Смит, описывавших, как младенцы «удивлялись», наблюдая нарушение физических законов, осмысленность проявлялась в улавливании логики событий. Оказывается, таким образом, что осмысленность в ее начальных формах — это субъективное переживание, улавливающее «правильность», «нормальность» протекающих событий и явлений или отклонения от этой «правильности». Из этих фактов вытекает, что

тема осмысленности сливается с темой происхождения и развития знаний у малыша. Исследования Ж. Пиаже показали, что развитие знаний ребенка проходит долгий и сложный путь. Стало быть, и осмысленность младенца развивается, хотя ее начальные формы диффузны, примитивны, имеют эндогенное происхождение.

Маленькие дети заметно для окружающих начинают осмысленно воспринимать речь раньше того момента, когда сами начинают говорить. Вообще способность осмысленного реагирования на голос человека и природу вещей в окружающей действительности проявляются исключительно рано. Существуют данные, показывающие, что еще в пренатальном состоянии младенец способен реагировать на звучащие вокруг него голоса людей (Kuhl, 1994). На онтогенетической линии не обнаруживается такой временной точки, до которой осмысленность реагирования у младенца отсутствует и после которой появляется. Отсюда следует предположение, что в той или иной мере и форме она присуща младенцу от рождения. Сфера функционирования семантики оказывается шире сферы употребления словесных форм.

Развитие семантических актов в младенчестве

В семантеме крика и плача отражено психологическое переживание рассогласования, потери спокойного комфортного состояния и возникновения ощущения дискомфорта или боли. На первых порах такая семантема примитивна, единообразна,

однако уже в первые недели начинает развиваться: возникают различия между криками боли, охлаждения, дискомфорта и т. п. Мать и другие близкие люди обычно понимают эти оттенки семантом и реагируют на ранние сигналы новорожденного как на полноценные семантические знаки. Существуют эмпирические данные, показывающие, что в конце первого месяца по интонационной структуре можно различать плач-жалобу, плач-требование, плач-недовольство, плач-каприз, плач-протест (Кушнир, 1994). Доминирующими интонациями на втором месяце становятся плач подзывающий, просящий, капризный, упрекающий, требующий, заставляющий.

На следующем шаге развития семантического содержания возникает новый тип семантом, проявляющихся в гулении, гуканьи, лепете младенца. Их развитие происходит по линии расширения источников позитивности: контакта с близким человеком, появления приятных впечатлений, новых ярких, привлекательных предметов и др.

Дальнейшее обогащение семантики идет в русле общего интеллектуально-когнитивного развития, сенсомоторного интеллекта в терминологии Ж. Пиаже. «Язык согласуется со всем, что усвоено на уровне сенсомоторного интеллекта», — упорно повторяет он (Пиаже, 1983, с. 133). «Есть некий смысл в этом синкретизме и в этом родстве между сенсомоторным интеллектом и формированием языка» (там же, с. 136).

Психический мир младенца, его сенсомоторный интеллект стремительно развивается с первых дней его жизни. В возрасте одной-двух недель

малыши, как уже упоминалось, обнаруживают понимание основных физических законов мира (Байаржон, 2000; Смит, 2000, и др.). От самого рождения в круг сначала смутных представлений младенца входит ощущение присутствия человека, в особенности матери (Лисина, 1975; Ляксо, 1993). Контакт с близкими людьми, их узнавание и позитивная реакция на контакт укрепляются с первых дней жизни. Возникает различение людей и предметов. Все это указывает на интенсивность и достаточно высокий уровень интеллектуального развития младенца в этот период. Новорожденный удивительно рано становится разумным существом, и нет ничего неожиданного в том, что еще в дословесных вокализациях обнаруживаются довольно непростые семантические составляющие.

Э. Бейтс выделяет в возрасте 9–13 месяцев момент возникновения коммуникативных интенций, конвенциональных сигналов, символов (Бейтс, 1984). Типичное конвенциональное поведение девятимесячного ребенка автор изучала, создавая экспериментальную ситуацию: малыши хотели получить предмет, до которого не могли дотянуться, и прибегали к помощи присутствующего взрослого человека. Анализ поведения ребенка позволяет выделить семантические единицы, на основе которых строится его поведение. Они следующие:

- общая ориентировка в ситуации и существующей цели (получение привлекательного предмета),
- желание (интенция) получить предмет,
- сознание невозможности сделать это своими силами,

- понимание возможностей взрослого,
- желание побудить взрослого к тому, чтобы совершить необходимое действие,
- понимание возможности предпринять что-то самому (изменить форму воздействия и т. п.).

Эти семантемы, несмотря на их упрощенные формы, позволяют выявить семантическую сложность и многокомпонентность конвенционального поведения младенца, которое, по мысли Э. Бейтс, является ближайшим предшественником поведения речевого.

В исследовании В.Д. Соловьева изучалась семантика, непосредственно связанная со словом у начинающего говорить ребенка в возрасте 7–16 мес. (Соловьев, 1988). Исследовалось понимание младенцем семантически связанных глаголов *покажи, дай, возьми*, которое предполагает их использование в связанности с другими словами: *покажи — что? дай — что? кому?* и т. п. Тогда глагол *покажи* квалифицировался как одновалентный (*покажи что?*), *дай* — как двувалентный (*дай что? кому?*). Автор нашел, что до 9 мес. ребенку доступны только безвалентные слова (*встань, нельзя*), т. е., в нашей терминологии, семантема отношения действия и предмета в этом возрасте отсутствует. В 9–12 мес. адекватность реакций ребенка градуально нарастает. В ответ на просьбу *Дай нечто* в 9 мес. он дает предмет, но только тот, который держит в руках. В дальнейшем дается предмет, находящийся перед глазами, а затем уже тот, который надо предварительно найти. Семантема *дать взрослому некоторый предмет*, пройдя путь развития,

лишь к 12 месяцам оказывается полностью сформированной.

Аналогичным образом с возраста в 12 мес. ребенок начинает понимать отношения *что, кому, чей*, позднее — *кто, где, куда, откуда*. Развитие указанных форм в нашей терминологии представляет собой формирование частных семантем, становящихся впоследствии элементами как семантики, так и грамматики.

Полученные данные интересны в том отношении, что позволяют видеть динамику наращивания семантических возможностей еще не говорящего малыша. Показана также «ювелирность» процесса формирования семантики слов на раннем этапе развития младенца.

Онтогенез имени

«Имя всегда представлялось людям загадочной сущностью, первоосновой еще более загадочного явления — языка», — пишет Ю.С. Степанов (Степанов, 1985, с. 13). Тема имени стала важнейшей частью семантики как раздела философии языка.

В чем суть этой проблемы?

Обратим внимание на то обстоятельство, что имя, особенно общее, не имеет сходства или родства с именуемым объектом. Для его появления необходим специфический акт придания имени некоторому объекту. В этом акте психологическое семантическое содержание (впечатление, мысль, представление об объекте) соединяется с физической формой, акустическим явлением, которое становится представителем психологического содержания. Здесь заключена проблема, сформулированная

Ю.С. Степановым в вопросе: «Как возможны общие имена?» — и еще более остро: «Как возможно имя?» (Степанов, 1985, с. 17).

Не посвященный в проблему человек, возможно, не увидит смысла в этом вопросе: что удивительного в имени и именовании? Люди повседневно дают имена — своим детям, животным, событиям, явлениям. Не забудем, однако, что мы даем имена тогда, когда находимся в круге языка и пользуемся, часто бессознательно, его механизмами. Вопросы для конкретной науки состоят в том, как могло произойти «изначальное» именование, например, у «доязыкового» человека, как он «додумался» до возможности имени и каким образом его поняли остальные. Так же актуально понять, по каким законам именование производят младенцы, не обладающие даже начальными представлениями о языке?

В возрастной психологии предпринимались попытки объяснить происхождение первых именовании у начинающего говорить младенца как формирование временной связи, ассоциации между звучанием воспринятого от взрослого слова и мысленным представлением о называемом объекте. Возникновение общих слов объяснялось повторением и накоплением единичных случаев, их обобщением и, соответственно, появлением общего имени. Такого рода попытки наталкиваются на значительные трудности и во многом не отвечают фактам речевого онтогенеза. Так, проведенные наблюдения показали, что условия усвоения языка младенцем решительно отличаются от тех, какие необходимы для установления временной связи. Новые

слова усваиваются ребенком обычно в естественном общении с окружающими, они извлекаются из текущего разговора. Ребенок редко сталкивается с сопоставлением звучания слова и обозначаемого им объекта. Соположение слова и объекта — не типичный в практике естественного усвоения языка случай. Не усматривается также важный для формирования временной связи стимулирующий, «подкрепляющий» момент. Неразъясненным оказывается процесс формирования обобщения и возникновения общих слов. Указанное направление поиска к настоящему времени практически оставлено, его существование, видимо, было связано с расширительным пониманием условнорефлекторной традиции.

Как и психофизиологи, философы языка при исследовании рассматриваемой проблемы активно использовали идею, что общие понятия и имя возникают в результате повторения актов восприятия и именовании, накопления языкового опыта. Был развит, однако, и альтернативный взгляд. Он выражен в разработках А.Ф. Лосева и Э. Гуссерля, подчеркнувших значение предварительного к акту именовании «замышления», «задуманности» со стороны субъекта (Степанов, 1985).

В понимании природы имени и путей его возникновения могут оказаться полезными данные онтогенеза, обнаруживающие порой довольно странные на первый взгляд проявления. Однако именно за такими «странными» ранними детскими реакциями иногда просматриваются возможные психофизиологические пути их осуществления. Для удобства изложения наших представлений о

скрытых механизмах возникновения имени у маленького ребенка воспользуемся схемой, отражающей участвующие в процессе элементы, их взаимодействия и состояние в разные периоды жизни малыша (рис. 1).

На стартовом, дословесном этапе эндогенные или отдельные экзогенные возбудители через перцептивные органы воздействуют на когнитивную сферу (в том числе зачаточные семантические структуры) и вызывают экспрессивную реакцию в виде телесных движений, включающих общую моторную и голосовую активацию, не оформляемую словесно-подобным образом. В ранний период жизни младенца типичный случай реагирования — *крик* и *плач* при негативных воздействиях. Благоприятные внешние условия (комфорт, сытость, телесное благополучие) вызывают либо спокойное бодрствование, либо сон. Механизм именования у младенца еще не сформирован.

Вектор дальнейшего развития — расширение круга воспринимаемых экзогенных воздействий, обогащение семантических структур, нарастание позитивных психологических состояний новорожденного, реагирование на ситуации внешнего мира.

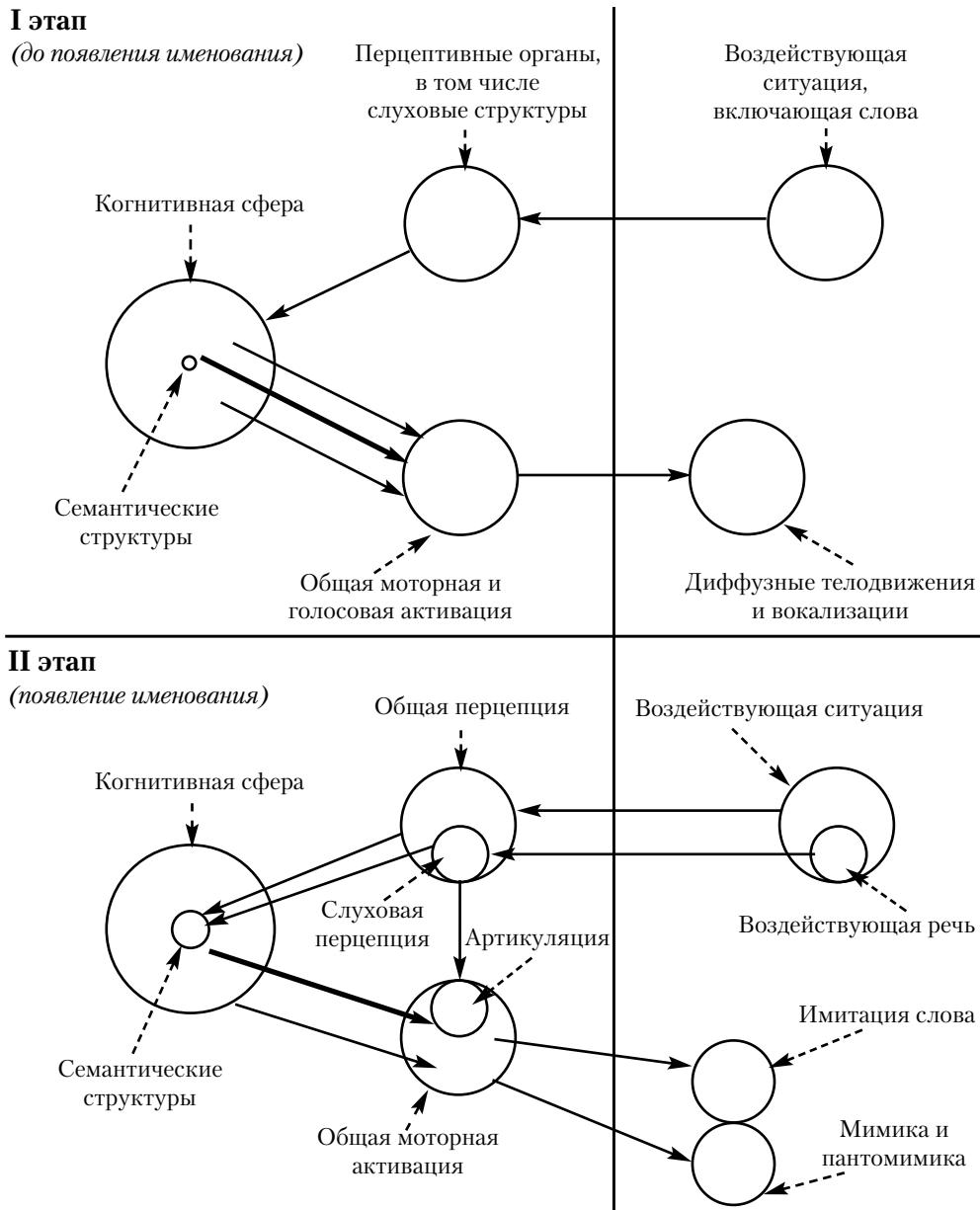
Важным новым моментом становится появление *имитативных вокализаций* младенца (к возрасту около полугода): восприятие речевых звуков извне приводит к попыткам ребенка (нередко достаточно успешным) воспроизвести фрагменты услышанных слов. Эти факты обнаруживают, что в органе слуховой перцепции развивается контакт с артикуляторным аппаратом (Kuhl, 1994; Ляксо, 1993, и др.).

Другим важным действующим фактором развития событий оказывается особенность перцепции младенцев, состоящая в том, что внешняя ситуация воспринимается ими генерализованно, диффузно: слова и вся речь окружающих оказываются как бы слитыми с ситуацией. Это проявляется в том, что название объекта составляет для ребенка неотъемлемую часть ситуации или объекта (нижняя строка рисунка, правая часть). Такое явление неоднократно описывалось исследователями речевого онтогенеза и обсуждалось в работах по детской речи под названием *словесного реализма*. Так, дети не только младенческого, но и более старшего, дошкольного возраста относятся к словам как органичной части предметов. Например, слово *корова* они считают такой же принадлежностью коровы, как ее рога, хвост и т. п. (Tanz, 1978; Найсер, 1981; Выготский, 1956, и др.).

На основании двух отмеченных особенностей — развития голосовых имитаций и генерализованности восприятия — рецептивно-семантико-моторный аппарат ребенка к возрасту около года оказывается готовым к приобретению *функции именования*. По схеме (нижняя строка рисунка) можно видеть, что при восприятии некоторой ситуации и одновременно поступающего слова происходит когнитивная репрезентация общей ситуации, в том числе возбуждаются слуховые структуры. Последние передают импульс на артикуляторные органы, «настроенные» на возможность имитировать воздействующие звуки (на рис. 1 — вертикальная стрелка вниз). Другое направление — на когнитивные и семантические

Формирование механизма именованя у младенца

Рис. 1

Пояснения: Показаны два ключевых момента формирования имени: а) в возрасте новорожденности (верхняя строка рисунка), б) в возрасте около 12 месяцев (нижняя строка). Левая часть схемы условно представляет внутренние психофизиологические процессы в психике ребенка, правая — внешние воздействия и реакции ребенка. Окружностями обозначены действующие элементы протекающих процессов. Стрелки указывают направления воздействий и реакций.

структуры, обрабатывающие словесный сигнал в совокупности с побудительной ситуацией (на рис. 1 — косые стрелки справа налево). Здесь вступает в действие экспрессивная способность, которая из когнитивной сферы и ее семантического ядра подает импульс на артикуляторный аппарат (на рис. 1 — косые стрелки слева направо). Этот импульс суммируется с имеющейся заготовленной активностью от слухового анализатора и выводит вовне имитативную вокализацию, близкую по звучанию предлагаемым извне словесным образцам. Итогом такого рода взаимодействий становится произнесение ребенком звукокомплекса, с одной стороны, имитирующего услышанное слово, с другой — в той или иной степени «осмысленное», поскольку оно связано с семантическим состоянием ребенка и соответствует предлагаемой ситуации. По внешним признакам это акт именования. Имитирующая вокализация (имя), с одной стороны, выделяется из общего впечатления о воспринимаемой ситуации, а с другой — оказывается «прилепленной» к ней. Такого рода ситуация в точности соответствует характеристике символа, предложенной Э. Бейтс (см. выше), согласно мнению которой, символ одновременно и принадлежит своему референту, и — при определенных условиях — отделяется от него (Бейтс, 1984).

Суммируем необходимые компоненты формирования имени у ребенка:

- наличие и развитие семантического компонента;
- действие экспрессирующего импульса со стороны внутренних се-

мантических структур в направлении вокализирующих органов;

- возникающая в определенный момент развития активность артикуляторного аппарата в форме голосовой имитации услышанного звука (за счет установления контактов со слуховым анализатором);
- использование синкретичности, нерасчлененности восприятия речевого звука и других перцептивных признаков ситуации.

Встает вопрос: каково значение возникающих раз за разом актов именования данного типа для последующего речевого развития младенца? Можно высказать несколько взаимосвязанных предположений. Во-первых, многократное повторение именования, возможно, способствует выработке стереотипа, или обобщенной ассоциации (П.А. Шеварев), которая составит базу для обобщения: *каждая вещь имеет имя*. Такого рода обобщение — важный элемент речевого онтогенеза (Бейтс, 1984). Дети дошкольного возраста ясно обнаруживают владение им в своих частых обращениях к взрослым с вопросами, касающимися различных предметов: *Как это называется?* Обсуждаемое явление — свидетельство возникновения нового способа именования: через включение других слов, вербальное объяснение, которое невозможно на предыдущем этапе развития младенца. Этот новый для ребенка тип именования действует и у взрослого человека — при овладении новыми областями знания и особенно при изучении иностранных языков.

Можно предположить, что *ассоциативные процессы*, связывающие впечатления от воспринимаемых объектов с восприятием звучания

называющих их слов, играют важную роль и в речевом онтогенезе. Наблюдения показывают, что они вступают в действие в очень раннем возрасте: свидетельством этого служат широко практикующиеся воспитателями разного рода словесные клише, приспособленные для выработки и поощрения межсловесных ассоциаций у детей (*Гуси, гуси — га-га-га; Обезьяна — Чи-чи-чи* и др.). На основе объединения локально существующих словесных структур (часто это структуры, соответствующие отдельным именам) образуется *вербальная сеть*. Тогда имена теряют изолированность и превращаются тем самым в слова языка, его лексическую составляющую. Образуется стабильно сохраняющаяся область индивидуального знания, вербальная память.

Обращаясь к другой стороне значения актов ранних детских именовании, можно отметить, во-вторых, что они создают основу для развития символической функции. Как это отмечено выше, символическая функция, по Ж. Пиаже, реализует репрезентацию связанной с символом ситуации. Отделяясь от своего объекта, символ допускает оперирование с ним взамен самого объекта, а это уже — начало абстрактного мышления. Повторение акта символизации на различных объектах способствует выработке и закреплению умственного навыка, тесным образом связанного с развитием интеллекта ребенка.

В-третьих, ранние имитативные именовании маленького ребенка дают основания для включения «социального подкрепления» со стороны окружающих. Дело в том, что на-

чальные именовании малышей, как правило, вызывают одобрение (часто бурно выраженное) со стороны членов семьи, находящихся к этому времени в ожидании успехов в речевом развитии своего чада. Такое одобрение, возможно, играет роль подкрепления, стимулируя ребенка к реализации акта именовании, происходящего в его когнитивной сфере относительно автоматически.

Семантика слова

Исследуя функционирование слова в психике человека, можно опереться на психофизиологические механизмы, осуществляющие это функционирование. Еще И.П. Павлов определил слово как универсальный раздражитель, особого рода сигнал (Павлов, 1949). Как мы видели в предыдущем разделе, для адекватной обработки этого сигнала в когнитивной системе ребенка уже на ранних стадиях речевого онтогенеза складываются специфические механизмы. Развитие этих механизмов продолжается и на следующих этапах жизни, так что у взрослого человека при нормальном владении языком все особенности каждого слова оказываются представленными в следовой многокомпонентной структуре, соответствующей каждому усвоенному слову. В литературе структура данного типа получила название *логоген*. Содержание стоящего за данным термином понятия важно для всей идеологии исследования речезыковых механизмов, поскольку логогены, с одной стороны, являются физиологическими образованиями, функционирующими в составе живой ткани мозга, а с другой — выполняют

психологические, в частности семантические, операции.

Понятие *логоген*, предложенное Дж. Мортонем (Morton, 1979), близко понятию *нервной модели стимула* по Е.Н. Соколову (Соколов, 2003), при этом первый термин более специфичен, поскольку относится не к любому стимулу, а именно к слову. Нервная модель стимула определяется как «след стимула, формирующийся в пластичных нейронах под влиянием его многократных повторений» (Соколов, 2003, с. 285). Словесный стимул моделируется в логгене в форме комплексной фиксации различных качеств и сторон слова. На рис. 1 (левая часть нижней строки) показаны компоненты логгена, присутствующие уже у маленького ребенка, едва начинающего произносить свои первые голосовые имитации. Здесь логгены фиксируют акустический (перцептивный) и моторный (произносительный) паттерны слова, образ воздействующей ситуации (или объекта), а также семантический компонент, подверженный наиболее мощному развитию по мере взросления и роста интеллекта субъекта. Структура слова имеет отличия от структуры имени. В частности, взрослый грамотный человек в дополнение к названным компонентам приобретает графический образ слова, моторный навык его написания, а также грамматические варианты слова.

Характеристика каждого из названных компонентов логгена связана с обращением к конкретным научным областям, имеющим многие достижения и рассматривающим законы психоакустики, организации произвольных движений, восприя-

тия и др. Здесь мы не затрагиваем эти темы, рассматривая названные компоненты логгена лишь со стороны их конечной функции. Необходимо, однако, уделить специальное внимание семантическому компоненту, так как он представляет одну из наибольших трудностей для понимания природы логгена и требует разъяснения, в какой материальной форме могут существовать *субъективность, понимание, осознание*. Эта трудность отражает давно существующую в науке проблему (что обсуждалось выше), ее разъяснение возможно сейчас только в первоначальной форме.

Можно предположить, что субъективность «материализуется» в нервном аппарате при поддержке и включении дополнительных факторов — таких, как следы процессов, имеющих субъективную составляющую (умственную, эмоциональную) в момент знакомства со словом в психологической истории индивида. Этому положению соответствует жизненный опыт воспитания маленьких детей, для нормального словесного развития которых используют яркие предметы, привлекательные акустические и тактильные впечатления. Следы эмоциональных реакций и мыслительных операций тем или иным образом могут включаться в семантическую структуру многих наших слов и выражений. Например, восприятие слов *летний ручей* вызывает в сознании образ бегущей воды, связанный с ощущением желанной прохлады и свежести в жаркую погоду. Другой образ возникает при восприятии выражения *зимний ручей*: в психике оживляется образ закрытого глубоким снегом склона с

темной прорезью извива холодной отталкивающей воды. Подобного типа переживания, мыслительные действия, сопровождающие усвоение слов, в очень свернутой или отрывочной форме могут сохраняться в логогенных структурах и служить своего рода семантическими метками.

Идея включения «актов сознания» (по Э. Гуссерлю) в семантику слов была разработана в кандидатской диссертации Н.А. Алмаева с использованием оригинальных экспериментальных приемов. Рассматривались сравнительно простые виды слов русского языка — предлоги и частицы, — значение которых воспроизводилось перед испытуемым в виде динамичных сцен на экране монитора с помощью компьютерной анимации. Испытуемые должны были устанавливать соответствие языковых единиц и воспроизводимых на экране действий. Результаты подтвердили гипотезу о фиксации в словесных формах актов сознания, совершаемых человеком при усвоении значения слов (Алмаев, 1997). Дальнейшая работа в этом направлении с охватом более широкого круга слов языка может способствовать распространению исходной идеи и тем самым в полной мере раскрыть ее значение.

Семантика многих (а может быть, и большинства) слов языка у воспитанного в современной культуре человека раскрывается и через взаимоотношения с другими словами. Весьма вероятно, что большую роль в такого рода словесно-словесной организации играют логические, естественнонаучные, исторические, географические и другие классификации.

Так, большинство слов классифицируется по своей семантике как относящиеся к миру животных—растений, хищников—травоядных и т.п. Оценочный аспект семантики слов достаточно удачно выявлен в классификации Ч. Осгуда, позволяя во многих объектах проводить различения по осям *сильный—слабый, хороший—плохой, активный—пассивный* (Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко и др.).

В нейронауке предлагается другой подход к исследованию проблемы субъективности в соотношении с мозговыми механизмами. Е.Н. Соколов высказал и аргументировал предположение о существовании специфических нейронов, так называемых *нейронов сознания*, специализированных на осуществлении психологических функций высшего уровня (Соколов, 2004). Функции сознания, по гипотезе, обеспечиваются квантовыми процессами в микротрубочках цитоскелета этих особых нейронов. Развитие данной научной линии, несомненно, может способствовать дальнейшему изучению проблемы речевой семантики. Однако, по нашему мнению, подходы со стороны психологических механизмов и со стороны нейронных механизмов не противоречат, а скорее дополняют и даже необходимы друг другу.

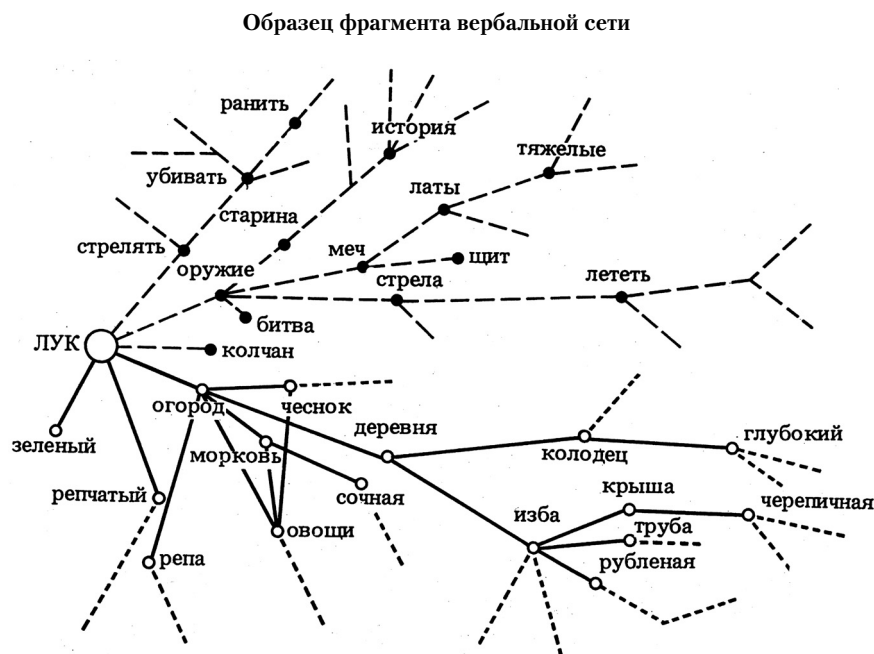
Договорившись о содержании термина *логоген*, мы получаем право в равном значении использовать как объективные понятия, типа *нейрон, нервные процессы, функциональные структуры*, так и понятия, не относящиеся непосредственно к мозговому субстрату: *слово, семантика, межсловесные связи* и др.

Слово и имя — не равнозначные понятия. Слова приходят на смену именам тогда, когда происходит нарастание межсловесных («межлогогенных») связей. Включение во множество структурных связей с другими словами составляет кардинальную особенность «материализации» слова и семантики в когнитивной сфере субъекта. Совокупность множества межсловесных связей образует так называемую вербальную сеть (паутину). Вербальная сеть — психофизиологическое образование, вырабатываемое в детстве (при усвоении новых языков — в любом возрасте) и затем стабильно существующее в мозге человека в течение его жизни. Все известные человеку слова включаются в форме логогенов в ее структуру. Объединяясь множественными «межлогогенными», межсловесными связями, логогены становятся обра-

зующими элементами, узлами вербальной сети.

Существует довольно большая литература и, соответственно, история экспериментального изучения межсловесных связей (см.: Ушакова, 1979). Часть исследований проведена с использованием объективных экспериментальных приемов, другая — при изучении вербальных ассоциаций. Показано существование разного рода связей: более сильных между семантически близкими словами (синонимами, антонимами, гомофонами) и меньшей силы (вплоть до отсутствия влияния) при семантических различиях слов. Обнаруживается, что на пространстве вербальной сети складываются зоны сгущения и разрежения, своего рода семантические поля, объединяющие семантически связанные слова, что можно видеть на рис. 2.

Рис. 2

Связи слова в сети не ограничиваются бинарными или даже множественными ассоциациями. Слова языка (и, соответственно, логогены) при накоплении языкового опыта классифицируются и образуют в вербальной сфере классы, сформированные по разным основаниям: логическому (например, окружающие объекты классифицируются на живые и неживые), практическому опыту (предметы, относящиеся к одежде, обуви, домашним принадлежностям), языковые (существительные, глаголы, определения), по эмоциональному (любимый — нелюбимый, веселый — печальный), мнемическому (речка — купанье). Круг явлений, связанных по мнемическому основанию, может быть неограниченно широк. В него входят словесные связи, соответствующие пережитым ситуациям, заученные на память тексты, разного рода словесные клише. Всем этим классификациям соответствует физиологическая организация, связанность слов, принадлежащих к одному классу. По нашему предположению, те взаимоотношения понятий, которые обнаруживаются в психосемантических экспериментах, также основаны на предшествующем опыте, закрепленном в структурах вербальной сети.

Включенность слова в системные языковые отношения придает новое качество семантике слов: это семантика не столько локальная, сколько системная. Обнаруживается, что семантика слова — это элемент в понятийной системе, меняющаяся, подвижная реальность, зависящая от текущих условий и индивидуального опыта. Без сомнения, эта сложность многократно возрастает по мере все

более совершенного владения языком. В то же время она неизбежно должна приобретать структуру, что делает ее более компактной и экономной. У взрослого интеллектуала эта структура имеет много уровней: семантемы «технического» характера (например, обеспечивающие соблюдение грамматических правил) занимают нижние уровни, используются говорящим человеком автоматически или полуавтоматически, тогда как семантемы крупные, «стратегические», связанные с достижением цели произносимой речи, взаимодействием с собеседником, обработкой обратной связи и др. стоят на высшем уровне, захватывая резервы сознания. Такого рода семантическая система служит основой выразительности и действенности речи (Ушакова, Павлова и др., 2000). В этих условиях слово становится средством мысленного оперирования и ментального опыта.

Множественные логогенные структуры и их взаимозависимости образуют огромную систему языка человека, его тезаурус (сокровище), занимающий первенствующее место в речезыковых и мыслительных операциях, как и в культуре в целом. Эту систему справедливо называют языковым космосом.

Слово и мысль. Актуальное именование

Проблемой соотношения речи и мышления занимались античные мыслители, крупные философы нового времени, экспериментальные психологи. Тем не менее она сохраняет свои секреты и в наши дни. Основной вопрос заключается в том,

каким образом мыслительный акт связан со словом, можно ли разделить слово и мысль, возможно ли мышление без речи, а если нет, то в чем состоит и как реализуется их связанность. Существует спектр суждений, склоняющих как к сближению и даже отождествлению этих феноменов, так и к их полному размежеванию (Комлев, 1969; Портнов, 2004; Рубинштейн, 1989, и др.).

Мы сосредоточимся на современных разработках, дающих возможность приблизиться к «необходимой субстанции» этого явления. Первым шагом для продвижения в теме должна стать характеристика главных черт обсуждаемых феноменов — мыслительного и речевого процессов.

Мышление в общем случае описывается в современной психологии как целенаправленный процесс, состоящий в решении задач, выведении умозаключений, тех или иных форм оперирования умственными репрезентациями, построении моделей исследуемых ситуаций. Согласно существующим данным, мыслительный процесс включает ряд компонентов (механизмов), которые могут быть различными при решении разных типов задач: создание умственных моделей ситуации, соответствующих условиям и цели задачи; взаимодействие поступающей информации с репертуаром знаний и схем, хранящихся в долговременной памяти; манипулирование моделью; выявление результата, отвечающего исходным условиям задачи. Материалы, на которых протекает умственный процесс, бывают различного характера: это могут быть объекты разных модальностей (зрительные, слуховые, тактильные и др.); ими мо-

гут стать логические посылки и суждения. Особый случай составляет мышление с использованием вербального материала. Такой, например, является работа по созданию оригинального прозаического или поэтического текста, расшифровка рукописей, реконструкция утраченного языка, отдельные стороны обучения иностранному языку. Мыслительные акты различных модальностей пронизывают практически все сферы и случаи нашей жизни.

Ход решения задачи, или оперирование умственной моделью, может протекать в различных режимах: логическом, хорошо осознаваемом и тогда вербализуемом, и интуитивном, при котором субъект мыслительного процесса не осознает и не может описать словами течение своих умственных действий (Пономарев, 1967).

Обнаруживается, таким образом, что мышление представляет собой когнитивную функцию, состоящую в создании нового ментального продукта, познании действительности. При этом наблюдаются случаи, когда мыслительный процесс и его элементы не могут быть отражены в речи мыслящего субъекта. Из этого простого факта следует вывод, что мышление не связано со словом необходимым образом.

В речевом процессе выделяются два его типа — речепорождение и речевосприятие. При порождении речи исходным моментом принято считать семантическое содержание того или другого характера: это может быть репрезентация некоторого объекта, эмоциональное переживание, модель ситуации, возникающая по ходу решения задачи, или ее

элементы. Предполагается, что эти виды семантических компонентов каким-то не всегда объясняемым образом вызывают мотивирующее состояние к их вербализации в соответствии с условиями обстановки. В результате происходит активизация и срабатывание ряда необходимых языковых механизмов: лексических элементов, соответствующих семантических полей вербальной сети, грамматических правил и стереотипов, в ряде случаев актуализируются и используются текстовые правила. В итоге включается произносительный артикуляторный механизм, осуществляющий говорение. По своей сути активная речь оказывается содержательно-экспрессивной функцией, направленной на выведение вовне внутренних психологических состояний говорящего человека.

При восприятии речи основными компонентами процесса становятся активизация воспринимающего канала (акустического, зрительного), дешифрующие операции в иерархически организованных языковых структурах, на их основе включаются мыслительные операции создания ментальной модели ситуации, возникает понимание воспринятой речи. Речевосприятие (пассивная речь) — канал получения извне информации в речевой форме.

По описанию основных компонентов мыслительного и речевого процессов можно видеть существенное различие рассматриваемых психологических феноменов как в их структуре, так и в функциях. При «лобовом» рассмотрении их взаимосвязь не обнаруживается. Жизненные факты говорят, однако, о другом. Речь ценна постольку, поскольку она

насыщена мыслью и информативна. Необходимость в речевом выражении существует и со стороны мыслительного процесса, поскольку мысль получает свое воплощение и возможность быть переданной другому человеку, будучи выражена в слове. Вспомним О. Мандельштама: «Я слово позабыл, что я сказать хотел, и мысль бесплотная в чертог теней вернется».

В научном плане возникает необходимость искать не всегда очевидные способы выражения мысли в слове. Уже на подступах к этой задаче исследователи отмечают, что мысль не может быть непосредственно и исчерпывающим образом передана окружающим. У. Матурано пишет: «Строго говоря, никакой передачи мысли между говорящим и его слушателем не происходит» (Матурано, 1995, с. 119). По мысли автора, говорящий человек может лишь ориентировать ориентируемого (слушающего) в его когнитивной области с помощью своей речи.

Попытаемся выявить моменты, ведущие к пониманию этого еще не разгаданного наукой явления, для чего вернемся к проблеме именования. Придание имени объектам в онтогенезе, как показано ранее, состоит, по сути, в обучении, как бы в «заучивании» названия, относящегося к объекту. Результат такого «заучивания» имеет ограниченные, хотя и довольно широкие рамки: действительность вокруг нас множественна и многообразна, и язык не может предложить человеку отдельное имя для каждого без исключения случая или явления мира. В преодолении этого ограничения субъект наделен способностью совершать акты именования по ходу своей речи. По сравнению с

именованием в онтогенезе эти акты имеют совсем другой характер. Особенность другого вида именования в том, что говорящий использует слова, уже приобретенные в предшествующем обучении, но применяет их к новым (практически любым) объектам. Этот второй вид операций мы называем *актуальным именованием*. В актуальном именовании субъект стоит перед задачей *найти* в лексиконе языка слово или фразу, которые могут стать адекватными для выражения интенции, *выбрать словесное средство* среди множества имеющихся вариантов. Круг явлений, в котором субъект использует актуальное именование, неограниченно широк. Применение заранее известных слов для передачи нового содержания придает акту именования продуктивный характер.

Квалификация процесса актуального именования как продуктивного психического акта открывает возможность опереться на соответствующие психофизиологические разработки. В работах Е.И. Бойко осуществление продуктивного акта описывается как результат взаимодействия структур нервной системы, имеющих «общие элементы». Такого рода взаимодействие, протекающее по законам нервной деятельности, приводит к изменению организации взаимодействующих структур: в общих элементах они усиливаются, в несовпадающих частях — тормозятся. В результате этого акта исходные взаимодействующие структуры распадаются на новые составляющие. Возникают новые, «дочерние структуры», а с психологической стороны — новый умственный продукт (Бойко, 2002).

Можно попытаться интерпретировать с этих позиций процесс актуального именования, в который исходно включены структуры двух типов: с одной стороны — ментальный компонент (психологическое содержание, возникающее в результате тех или иных операций умозаключения, репрезентаций и др.), с другой — лексикон владеющего языком человека. Ментальный компонент необходимым образом содержит те или иные умственные операции — «акты сознания», возможно, — образные и понятийные составляющие. Следы «актов сознания» и другие компоненты, как показано выше, включаются и в семантическую структуру слов. Если следы «актов сознания» оказываются идентичными (общими) в ментальной структуре и в одном из логогенов семантического поля, произойдет суммация их активности. С повышением активности в одном из элементов логогена актуализируется его целостная структура, в том числе звучание и другие компоненты слова, адекватного текущему мыслительному процессу. Мысль найдет, таким образом, возможность своего воплощения в слове.

В намеченном здесь алгоритме обозначено лишь ядро, основной элемент процесса перехода мысли в словесную форму. Следует отметить и другие необходимые стороны процесса. Так, «соположение» ментального и лексического ряда предполагает какой-то вариант сканирования лексического тезауруса с ориентацией на некоторого рода образец ментального ряда. Природа такого сканирования на сегодняшний день остается неясной. В ходе сканирования, по-видимому, используются те или иные

стратегии: поскольку лексикон взрослому человеку хорошо владеющему языком человека огромен, то следует предполагать, что он включается в процесс сканирования в соответствии с контекстом своими отдельными частями, ограниченными вербальными полями и их локусами.

Следует отметить роль инициирующего импульса (интенция к говорению), который активизирует взаимодействие ментального и языкового компонентов, «запускает» процесс сканирования.

Произошедшее актуальное именование — лишь первый шаг словесного оформления высказывания. Выявление имени обозначаемого явления предполагает дальнейшее развитие речевого процесса в направлении создания грамматически оформленных предложений. Поскольку лексикон языка организован по принципу множественных межсловесных связей, то этот процесс оказывается не «одноколейным». Выделение логогена имени вызывает активацию соответствующего поля в вербальной сети. В активное состояние приходят связанные с найденным именем слова и вербальные клише, парадигмальные структуры. На основе диффузной активации выделяются адекватные случаю глагольные и определительные словесные логогены. Поиск всего набора слов, подходящих для выражения актуальной словесно еще не оформленной интенции, происходит как «блуждание» по путям вербальной сети. На заключительном этапе формулирования мысли выделяемые лексические единицы оформляются в соответствии с грамматическими правилами, образуя синтаксические

структуры. Этот процесс достаточно понятным образом алгоритмируется, что рассмотрено ранее в наших работах (Ушакова, 2004).

Необходимым элементом процесса именованья и формирования грамматически правильных структур является включение обратной связи к исходной интенции и оценивание получаемого результата по содержанию. При отрицательной субъективной оценке результата осуществляется рекурсивное возобновление поиска с возобновляемой оценкой результата. Такого рода обратная связь оценивания, по имеющимся наблюдениям, может осмысливаться в разной степени. Работая в режиме письменной речи, мы имеем возможность, написав пассаж, вернуться к началу, оценить и изменить содержание и форму текста. В устной речи «на бегу» такое, конечно, невозможно. Тем не менее и в ней мы можем достаточно грамотно строить фразы и правильно использовать слова. Это значит, что механизм контроля может работать бессознательно или полусознательно, по крайней мере в отношении грамматики и лексики языка. Иногда, правда, у нас возникает мысль вдогонку: *Как же такое можно было сказать?* Эта ситуация указывает на существование разных видов обратной связи — осознаваемой, произвольно регулируемой, и механической (грамматической).

Обратим внимание на то, что в анализируемом процессе вербализации содружественно действуют фактор интеллекта и фактор речезыкового механизма. Говоря обобщенно и метафорично, можно назвать это так: интеллект ищет слово по смыслу и

исходному намерению, речь и язык предоставляют для выбора спектр имеющихся заготовленных именованных. Продуктивность в смысле создания новой мысли, нового видения действительности оказывается прерогативой интеллекта. Он определяет элементы в пространстве ментальных операций, подлежащие вербализации. Он осуществляет перебор языковых возможностей и выбор словесного продукта, отвечающего имеющейся интенции и эстетическому вкусу говорящего. Он же оценивает результат и понятность речевого продукта для слушателя, производя различие адекватных и менее адекватных вербальных вариантов, снимая неясности. Речезыковой механизм обеспечивает поле языковых возможностей и извлечение из него элементов как продуктивным, так и репродуктивным путем.

Следует отметить, что акты словесного выражения внутренних психологических содержаний осуществляются не только в отношении интеллектуальных операций. В речи находят отражение многие другие психологические составляющие: характерологические, эмоциональные, социально-культурные. Эмоциональные речевые проявления, как и при решении умственных задач, опираются на принцип актуального именованного: человек говорит те слова, какие ему уже известны о предмете обсуждения, чему дано имя в языке. Наряду с репродуктивными вариантами обозначений существуют и продуктивные, творческие, они оказываются особенно адекватными в тех случаях, когда субъект описывает

свою эмоциональную сферу. Часть личностных психологических составляющих может обнаруживаться в так называемых паралингвистических проявлениях — таких, как звучание голоса (спокойное, ласковое, агрессивное и т. п.), темпо-ритмическая структура разговора. Социальные и культурные манеры человека выражены в его речевом поведении. Средствами их проявлений служит спектр речевых действий: выражение уважения, признания, заискивания, величия; вежливое выслушивание собеседника или, напротив, его перебивание; использование момента для включения в речевой канал, быстрое, находчивое реагирование и многое другое. Эти факты напоминают о том, что речевая выразительность оказывается шире и богаче, чем при использовании одних слов.

Заключение

Проведенный анализ показывает существование речевой семантики двух видов: а) латентной, хранимой вербальной памятью в структурах слова (логогенах), межсловесных связях, семантических полях, вербальных клише, логических и грамматических категориях; б) актуальной семантики, функционирующей и порождаемой в когнитивно-интеллектуальных актах. Речевой процесс представляет собой реализацию актуальной семантики путем включения актов продуктивного именованного, процедур синтаксического оформления выделяемых логогенов и осуществления проверки создаваемого речевого продукта на основе обратной связи.

Литература

- Алмаев Н.А.* Психологические основания выбора слов при построении речи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
- Арно А., Лансло К.* Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990.
- Артемова Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Бауэр Т.* Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1985.
- Байаржон Р.* Представления младенцев о скрытых объектах // Иностран. психол. 2000. № 12. С. 13–35.
- Бейтс Э.* Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика / Под ред. А.М. Шахнаровича. М.: Прогресс, 1984. С. 50–103.
- Бойко Е.И.* Механизмы умственной деятельности. М.; Воронеж: Модэк, 2002.
- Виноград Т., Флорес Ф.* О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект / Сост. В.В. Петров. М.: Прогресс, 1995. С. 185–230.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.
- Гвоздев А.Н.* Усвоение ребенком звуковой стороны русского языка. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1948.
- Знаков В.В.* Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.
- Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М.: Наука, 1969.
- Кушир Н.Я.* Динамика плача ребенка в первые месяцы жизни // Вопр. психол. 1994. № 3. С. 53–60.
- Лисина М.И.* Общение, личность и психика ребенка. М.; Воронеж: Модэк, 1997.
- Ляксо Е.Е.* Особенности становления акустического взаимодействия в системе «мать–дитя» на ранних этапах онтогенеза // Детская речь: психолингвистические исследования / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.В. Уфимцевой. М.: Персэ, 2001. С. 88–102.
- Матурано У.* Биология познания // Язык и интеллект / Сост. В.В. Петров. М.: Прогресс, 1995. С. 95–143.
- Найсер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981.
- Павлов И.П.* Полн. собр. тр. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 1997.
- Пиаже Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1983. С. 90–102.
- Пономарев Я.А.* Психика и интуиция. М., 1969.
- Портнов А.Н.* Структура языкового сознания: феноменологический и антропологический аспекты проблемы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.; Барнаул, 2004. С. 18–28.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. 1. М., 1989.
- Смит Л.Б.* Обладают ли младенцы врожденными структурами знания? // Иностран. психол. 2000. № 12. С. 35–50.
- Соколов Е.Н.* Восприятие и условный рефлекс. Новый взгляд. М.: Изд-во МГУ, 2003.
- Соколов Е.Н.* Нейроны сознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1, № 2. С. 2–16.
- Соколова Т.В.* Ассоциативный словарь ребенка. Архангельск, 1996.
- Соловьев В.Д.* Понимание речи ребенком в сенсомоторном периоде развития // Теоретические и прикладные исследования психологии речи / Под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: Персэ, 1988. С. 141–156.

- Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985.
- Ушакова Т.Н.* Функциональные структуры второй сигнальной системы. Психофизиологические механизмы речи. М.: Наука, 1979.
- Ушакова Т.Н.* Речь: Истоки и принципы развития. М.: Персэ, 2004.
- Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачесова И.А.* Речь человека в общении. М.: Наука, 1989.
- Ушакова Т.Н. и др.* Слово в действии. СПб.: Алетейя, 2000.
- Шеварев П.А.* Теория обобщенных ассоциаций в психологии. М.; Воронеж: Модэк, 1998.
- Чурпикова Н.И.* Роль языка и речи в переходе от непосредственного чувственного познания к понятийному мышлению // Фундаментальные проблемы общей психологии. Т. 1. / Под общ. ред. В.В. Рубцова. М.: Психологический институт РАО, 2004. С. 288–292.
- Kuhl P.* Learning and representation in speech and language // Current Opinion in Neurobiology. 1994. V. 4. P. 812–822.
- Meltzoff A.* Understanding the intentions of others: Re-enactment of intended acts by 18-month-old children // Develop. Psychol. 1995. V. 31. P. 939–850.
- Morton J.* Word recognition // J. Morton, J.C. Marshall (eds). Psycholinguistics 2: Structures and processes. Cambridge, 1979. P. 107–156.
- Tanz C.* Studies in the acquisition of deictic expression. Cambridge, 1978.
- Tomasello M.* Perceiving intentions and learning words in the second year of life // M. Tomasello, E. Bates (eds.). Language Development. The Essential Readings. Berlin, 2001. P. 111–129.

Теоретико-эмпирические исследования

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ¹

О.А. КОНОПКИН

Конопкин Олег Александрович — академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В настоящее время — главный научный сотрудник Психологического института РАО.

Контакты: konopkin_oleg@mail.ru

Резюме

Выделяются и анализируются две основные «составляющие» регуляторных процессов, которые детерминируют их совершенство и определяют соответствующие аспекты анализа их сформированности и особенностей осуществления.

Первый — «структурно-функциональный» — предполагает анализ внутренних механизмов саморегуляции, которые обеспечивают реализацию принципов управления и регулирования в произвольной активности человека.

Второй — «содержательно-психологический» — связан с анализом психических средств, которыми субъект реализует функциональную структуру регуляции. Содержательный аспект анализа значительно расширяет и углубляет когнитивно-прагматический «образ» процессов регуляции, показывает роль эмоционально-мотивационных и личностно-смысловых феноменов, демонстрирует функциональное единство психики в процессах осознанной саморегуляции.

«Живой» регуляторный психический процесс существует лишь как исходное единство структурной («формальной») и содержательной сторон, каждая из которых в отрыве от другой не является самодостаточной детерминантой его эффективности.

¹Работа поддержана РГНФ, проекты № 03-06-00151а и № 04-06-00167а.

Две составляющие процесса психической саморегуляции

Представление об общих принципиальных закономерностях строения, формирования и функционирования процессов осознанной саморегуляции является необходимым теоретическим основанием для дальнейшей научной разработки проблемы и продуктивной реализации регуляторного подхода к решению таких практических задач, как, например, формирование или оптимизация произвольной активности разного вида (в том числе учебной деятельности), диагностика уровня развития регуляции у конкретного человека, согласование индивидуальных особенностей регуляторики и объективных особенностей и условий конкретной деятельности; инженерно-психологическое обеспечение деятельности и др.

Накопленный опыт теоретического и экспериментального анализа процессов осознанной регуляции и практического использования его результатов (Конопкин, 1980; 1989; 1995; 2004; Круглова, 2000; 2004; Моросанова, 1998; Осницкий, 2001) позволяет выделить, дифференцировать в едином процессе саморегуляции две основные составляющие: *структурно-функциональную* и *содержательно-психологическую*. Каждая из составляющих определяет соответственно свой специфический аспект анализа саморегуляции.

Структурно-функциональный аспект

Изучение функциональной структуры предполагает прежде всего *выделение функциональных компонен-*

тов (звеньев), являющихся необходимыми и достаточными для осуществления продуктивной саморегуляции. Иными словами, речь идет о функционально-структурной анатомии и регуляторике. Также значима и проблема *закономерностей системного взаимодействия* отдельных функциональных звеньев, объединяющихся в единый регуляторный процесс, обеспечивающий движение деятельности к принятой субъектом цели, ее достижение. Выделение компонентов и анализ их системного взаимодействия не могут рассматриваться в отрыве друг от друга, взаимно подменяться или выступать в качестве единственной линии анализа.

Структурно-функциональный аспект изучения процессов саморегуляции в составе и единстве двух обозначенных проблем позволяет вскрыть *процесс реализации основных принципов управления* в специфических системах *психической саморегуляции* и выделить *единую* для разных видов произвольной активности человека функциональную структуру регуляторных процессов.

В полноценной (нормативной) функциональной структуре процессов психической саморегуляции выделены следующие компоненты (функциональные звенья): принятие цели деятельности, которая выполняется при построении процесса саморегуляции общую системообразующую функцию; определение комплекса условий, учитываемых при выборе конкретной исполнительской программы; выработка самой программы непосредственно исполнительских действий; выбор системы критериев достижения субъективно нужного результата, т. е. критериев

достижения исходной цели в ее понимании субъектом; осуществление контроля и оценки достигнутых текущих и конечных результатов относительно принятых субъектом критериев успеха; определение необходимости и характера коррекции самой системы регуляции.

Понятно, что основанием для выделения функциональных звеньев являются присущие им специфические (частные, компонентные) регуляторные функции. Отдельные функции-компоненты реализуются в постоянном информационном взаимодействии. Связи между ними и взаимные переходы от одного функционального звена к другому обеспечивают системную целостность и согласованность всего регуляторного процесса в его подчиненности заданной цели (Абрамова, 1974; Анохин, 1978; Биологическая кибернетика..., 1972; Конопкин, 1980, и др.).

Основной, собственно регуляторный смысл процессов психической саморегуляции заключается в достижении субъектом *уровня информационной определенности, необходимой для осуществления целенаправленной деятельности*. Любые отдельные регуляторные звенья являются процессами получения, оценки, отбора субъектом информации, объем и комплекс которой был бы достаточным для преодоления неопределенности в данном звене регуляторного процесса (определение цели, формирование программы действий и др.) и для системного взаимодействия и согласования с другими его структурными компонентами.

В момент принятия конкретной цели человек всегда обладает, с одной стороны, массой нерелевантной

относительно данной цели информации, а с другой — часто испытывает недостаток в информации, нужной именно для построения данного регуляторного процесса. Добыть, получить ее, оценить ее достоверность, значимость для осуществления деятельности должен сам исполнитель. В содержательно-психологическом смысле эти операции весьма многообразны, часто сложны и трудны. В общерегуляторном (структурно-функциональном) аспекте все это является лишь преодолением информационной неопределенности, препятствующей точно направленному управлению деятельностью. Это естественно и закономерно, так как по своей сути «саморегуляция имеет не только материально-энергетическую, но и информационную сторону, и является таким видом движения информации, который уменьшает неопределенность системы» (Биологическая кибернетика..., 1972, с. 31).

Так, процесс принятия субъектом цели как определение предмета потребности уже является (относительно ощущаемой или осознаваемой, но еще четко не опредмеченной потребности) сужением степени свободы относительно организации собственной активности, так как задает хотя бы общую направленность деятельности. Однако для осуществления регуляторного процесса первоначально принятая субъектом цель как информационное образование далеко не всегда обладает определенностью, достаточной для точного («остронаправленного») программирования исполнительских действий. Поэтому информационная модель цели, как правило, находит уточнение в системе конкретных критериев

ее достижения, т. е. в критериях получения результата, который оценивается самим субъектом как достижение желаемого. Это, в свою очередь, облегчает, уточняет осуществление текущего контроля и оценку конечного результата. Принятая цель и ее специфическое (информационно более точное) воплощение в системе критериев успеха ставит вопрос об определении достаточно полной и точной программы действий, о способе достижения желаемого результата. Для этого необходимо преодолеть еще один вид неопределенности: из всего множества условий субъект должен вычленил именно те условия (если они в данной ситуации наличествуют), которые являются регуляторно значимыми, т. е. позволяют сформировать и осуществить определенную исполнительскую программу. Эта программа презентуется в сознании субъекта как комплекс информации (разнообразной по психической форме) о характере, последовательности, способах, динамических и других особенностях действий, которые в данных условиях способны привести к достижению результата, прогнозируемого системой критериев успеха. Такая программа формируется и принимается субъектом в результате ее соотнесения и координирования с информационной моделью значимых условий. По ходу деятельности может осуществляться дальнейшее уточнение, корректировка программы действий на основе текущей информации (об условиях, результатах и др.). Однако деятельность как целенаправленная активность вообще не могла бы начаться, если бы субъект не сумел обеспечить ее регуляцию достаточно точной, определен-

ной и согласованной между отдельными функциональными звеньями информацией.

Процесс регуляции иногда не может быть реализован субъектом, если в силу разных содержательно-психологических причин ему не удастся определить всю ту информацию, руководствуясь которой и доверяясь которой, он мог бы построить свою деятельность в целом. Совершенно закономерно, что многие наиболее характерные для конкретных видов деятельности *субъективные* трудности связаны с разными моментами и сторонами преодоления различных феноменов информационной неопределенности.

Создание максимально полной и точной программы исполнительских действий, способы и приемы реализации которой полностью согласованы с условиями деятельности (с прогнозом их вероятной динамики и т. д.), есть, по сути, реализация принципа «компенсирующего регулирования» (регулирование «по возмущению», или на основании «априорной информации»), основанного на достаточном предварительном учете влияющих на систему факторов и не учитывающего информации о результатах (Биологическая кибернетика..., 1972; Меницкий, 1979).

Однако даже во многих технических («вероятностных») системах такой способ управления сочетается с управлением по принципу обратной связи, т. е. на основании информации о рассогласовании между заданным (нужным) и реальным результатом (Меницкий, 1979). Именно такой информацией обеспечивается система психической саморегуляции при реализации субъектом регуляторного

блока оценки результатов. Этот блок является функциональной совокупностью таких звеньев процесса регуляции, как звено критериев успеха и звено информации о реальных результатах. Тем самым субъект получает сведения о характере и величине рассогласования между действительно полученным и тем, что отражено системой критериев успеха, воплощающей для субъекта достижение цели. Информация о таких рассогласованиях является основой для определения необходимых коррекций процесса регуляции и в конечном счете — для коррекции программы и достижения нужного результата.

Диапазон выполняемых человеком видов произвольной активности бесконечно разнообразен по самым разным ее признакам и параметрам. Весьма различается выполняемая человеком деятельность и по постоянству (неизменности) условий ее осуществления, по простоте и полноте уже исходных требований к исполнительским действиям субъекта, а также по степени константности этих требований в процессе исполнительской активности. Если представить себе и сравнить по этим признакам, например, деятельность рабочего на сборочном конвейере с деятельностью лектора или спортсмена-«игровика», то можно признать, что соотношение принципов регуляции (по возмущению и с помощью обратной связи) в зависимости от конкретных особенностей деятельности может существенно варьировать. Это соотношение может детерминироваться и специфическими индивидуальными особенностями самого субъекта. В любом случае в психической осо-

знанной саморегуляции используются как прогноз событий, условий, так и коррекция действий на основе информации о результатах.

Таким образом, в процессах психической саморегуляции участвуют оба вида управления, взаимодействие которых позволяет максимально использовать их возможности, причем их реализация сравнительно с другими системами осуществляется на новом качественном уровне, обусловленном специфическими особенностями и возможностями человеческой психики. Так, исключительно важно, например, формирование субъектом достаточно детализированных целостных (регуляторно мультифункциональных) образов своей деятельности, в которых программа исполнительских действий системно согласована с прогнозом «нормальной» динамики условий (обусловленной, в частности, промежуточными результатами деятельности). Образ деятельности, являясь ее прогностической вероятностной моделью, может включать и программы нетипичных, экстренных коррекционных действий, адекватных маловероятным, но возможным, периодически возникающим событиям. Такие образы способствуют практическому осуществлению исходно точно согласованной с условиями, но максимально гибкой, чувствительной и в то же время устойчивой регуляции.

Максимально обобщая суть изложенного, можно сказать, что *саморегуляция в ее структурно-функциональном аспекте* является прежде всего процессом снятия субъектом деятельности многообразной исходной информационной неопределенности до уровня, позволяющего ему

эффективно осуществлять эту деятельность.

Содержательно-психологический аспект

Продуктивность саморегуляции определяется и тем, насколько совершенно субъект реализует функциональную структуру осуществляемых им регуляторных процессов доступными ему *психическими средствами*. Процесс саморегуляции рассматривается здесь как организация самим человеком своей активности и управления ею с целью достижения результата. При этом необходимо выявление внутренних психических субъективных детерминант отбора значимой, непосредственно регуляторной информации и принятия им регуляторных решений.

Содержательно-психологическая составляющая, обеспечивая соответствие процесса регуляции условиям и требованиям различных конкретных видов деятельности и отражая широкий спектр психических особенностей субъекта, является *бесконечно многообразной и вариативной*. Содержательно-психологический аспект анализа именно потому выделяется в качестве второго, что приобретает регуляторный смысл лишь в соотносительности с уже получившей определенное решение проблемой функциональной структуры процессов саморегуляции. Знание этой структуры, инвариантной для различных видов и форм произвольной активности, позволяет видеть любой вовлеченный в активность субъекта психический феномен в его причастности к реализации определенной регуляторной функции, т. е. выяв-

лять его реальное место и роль в механизме целостного процесса регуляции.

Для самого действующего человека роль процессов осознанной саморегуляции, их реальная психическая сложность и их потенции маскируются в жизни тем, что значительную массу целенаправленных действий, деятельностных актов повседневной практики составляют рутинные, обычные, повторяющиеся дела, относительно которых уже сложились определенные привычки, навыки, стереотипы исполнения; необходимость этих дел и их результатов очевидна, способы их достижения знакомы и не вызывают раздумий.

Обычно при такой деятельности регуляция понимается человеком в первую очередь (и только) как прямое управление в данных условиях хорошо знакомой, непосредственно исполнительской стороной деятельности, так как только исполнительские действия способны привести к реальному достижению результата.

Однако, как только человек сталкивается с необходимостью решать личностно значимую новую для него проблему, процесс осознанной регуляции выступает очень отчетливо. Проблемная ситуация, потенциально связанная с реализацией чего-либо субъективно важного, с достижением результата, который воплощает одну из основных ценностных ориентаций, как правило, вызывает и выявляет развернутую осознанную регуляцию. Регуляторная активность часто даже экстериоризируется в форме речевой деятельности, разного рода знаковых схемах, в разнообразных действиях по поиску, сбору и оценке нужных сведений и т. п.

Если проанализировать все решаемые субъектом при этом задачи (в том числе — преодоление разного рода собственных сомнений), то их решение по своей регуляторной сути есть не что иное, как снятие неопределенности в важнейших моментах деятельности, т. е. построение психической системы саморегуляции данного деятельностного, поведенческого акта. В результате в сознании субъекта формируется целостный и непротиворечивый в своих составляющих образ (прогностическая модель) будущей исполнительской активности, с одновременным осознанием (знанием) необходимости деятельности, рациональности и приемлемости для самого субъекта путей, способов ее исполнения.

При анализе содержательно-психологической составляющей недопустимо ограничиваться рассмотрением лишь процесса управления исполнительскими действиями, которые осуществляются на основе уже сформированной программы, и тем самым допускать неоправданную существенную редукцию феномена саморегуляции. Необходим и анализ процесса *создания* структурно целостного регуляторного процесса. Именно при этом можно проследить психологически наиболее существенные моменты регуляции деятельности, связанные с ее *построением* и *детерминацией* самим субъектом, принимающим *разнообразные решения* на основе всего своего опыта и под свою ответственность. «Принятие решения можно охарактеризовать как форму *самопричинения*, так как выбор поведения всегда есть решающий шаг в функционировании самоуправляемой системы,

выражающий ее относительно независимое от внешней среды поведение» (Украинцев, 1972, с. 248). Принятие регуляторных решений самим человеком — существенный в психологическом отношении феномен осознанной регуляторики, его наличие и выраженность определяют степень проявления в регуляторных психических процессах субъектного качества осознанной саморегуляции. Процесс регуляторики детерминируется далеко не только наличными внешними условиями, но и информацией, которая вычерпывается субъектом как регуляторно значимая из всего информационного богатства его психики. Эта информация аккумулирует весь деятельностный, когнитивный, эмоциональный и волевой опыт человека, его личностные, ценностные предпочтения и ориентации, и при этом она кристаллизована на разных уровнях и в разных формах психических явлений — от конкретных чувственных образов до личностных феноменов самосознания. Поэтому часто объяснение смысла поступка (особенно выходящего за мерки обыденной прагматики, непосредственно адаптивного поведения) лежит вообще вне данной ситуации и данного момента времени, находясь в прошлом человека, или, напротив, требует учета субъективно значимых моментов (моделируемого им) будущего.

Анализируя методологические и теоретические проблемы психологии, Б.Ф. Ломов специально отмечал, что «в психологических исследованиях мы очень часто сталкиваемся с разделяемостью причины и следствия во времени. При этом "отдаленность" причины от следствия во времени

может быть весьма большой. В анализе поведения и деятельности, пожалуй, как нигде, часто совершается ошибка *post hoc, ergo propter hoc*, приводящая к тому, что действительная причина заменяется псевдопричиной» (Ломов, 1984, с. 123). К тому же истинные причины поступка бывают, как правило, содержательно сложны, а по своему субъектному генезису могут быть кумулятивными, отражать «результат всего предшествующего и настоящего развития человека» (Сеченов, 1952, с. 430). Саморегуляция включает ситуативный акт данной деятельности и частный процесс ее регуляции в гораздо более широкий контекст жизнедеятельности человека как субъекта самосознания, как личности.

Напомним еще раз, что многообразие форм и видов произвольной активности человека столь велико, что даже достаточно общие положения о содержательно-психологической составляющей процессов саморегуляции неодинаково полно применимы к любой деятельности. Это касается и сказанного выше о внутренней детерминации и субъектном, творческом характере построения регуляторного процесса. Конечно, даже в очень регламентированной деятельности, когда исходно точно заданы цель, определены условия и способ действий, тоже остается некоторое субъектное пространство для проявления саморегуляции. Однако говорить о человеке как о действительном, свободно реализующем себя субъекте активности в этих последних случаях нет достаточных оснований. Чем более сложной, новой и значимой является для субъекта деятельность, которая к тому же не имеет известных ему реше-

ний, тем отчетливее проявляются в ней черты творческой саморегуляции и внутренней субъектной детерминированности. Особенно это касается деятельностных и коммуникативных актов, являющихся для человека поступками как по личностному смыслу, важности результатов, так и по субъективной трудности принятия решений, санкционирующих такую деятельность.

Психическая форма и конкретное содержание используемой в процессах саморегуляции информации весьма разнообразны. Фактически в качестве источников последней используются все доступные осознанию феномены и уровни психики.

Отдельные психические процессы и явления составляют предмет подробного изучения специальных отраслей и направлений психологической науки. В контексте же анализа строения процессов саморегуляции они выступают в первую очередь как разные по форме и содержанию носители или источники, поставщики информации, отличающиеся по своей собственно регуляторной значимости и роли.

Так, например, благодаря памяти человек уже обладает огромным запасом разнообразной конкретной и обобщенной информации. Степень конкретности—обобщенности определяет, с одной стороны, широту ее использования в различных регуляторных процессах, а с другой — ее пригодность к непосредственному использованию субъектом или же необходимость ее конкретизации применительно к целям и условиям деятельностного акта.

Процессы же чувственного психического отражения действительности

выступают для субъекта источниками текущей, непосредственно данной конкретно-ситуативной информации самого разного содержания (средовые условия, результаты деятельности, собственное состояние и т. п.). Эти знания также регуляторно специфичны, ибо именно они наиболее полно и точно отражают конкретику действительности, что очень ценно для построения адекватного данной ситуации регуляторного процесса. В то же время конкретная чувственная информация как таковая часто выступает в роли первичной, подлежащей обобщению, сопоставлению, когнитивной и эмоциональной оценке и селекции на предмет ее значимости и необходимости.

Особое значение (хотя бы в связи с работой над упомянутой выше чувственной информацией) в обеспечении саморегуляции имеют интеллектуальные процессы. Содержательно-психологический аспект саморегуляции отчетливо обнаруживает, например, особую роль обобщенных приемов умственной деятельности, решения задач, видения сущностных отношений, способности к заключениям, выводам и т. д. Всего на все случаи жизни нельзя знать и уметь. Саморегуляция всегда в какой-то мере процесс творчества. В контексте этой проблемы умственное развитие не только как запас известного, а в первую очередь как способность к продуктивному использованию в разных условиях всей имеющейся информации, к выделению из нее именно необходимой в данном случае и к продуцированию производных нужных сведений играет свою специфическую регуляторную роль.

Семантическая сторона используемой субъектом информации неотделима от аксиологической. Степень и характер личной значимости являются для субъекта важнейшими информационными характеристиками, во многом определяющими регуляторный потенциал.

В этом отношении особый интерес представляют высшие личностные образования. Так, самосознание, образ Я аккумулируют разносторонние представления человека о себе и своих реальных отношениях со значимыми для него сторонами действительности, презентуют человеку разумно отрефлексированный и одновременно пристрастный образ себя самого, своих главных жизненных ценностей, устремлений и возможностей, личностных качеств, социальной значимости и др. Понятно, что самосознание (образ Я) является источником важнейшей для человека регуляторной информации, которая в значительной мере определяет для него смысловое содержание и устойчивый личностно-ценностный модус его поведения (Дробницкий, 1977; Столин, 1983).

Образ Я — это источник информации, которая имеет не только констатирующий, но и прогностический, установочный характер: в нем в обобщенном виде отражены деятельностные, поведенческие тенденции будущей активности, соответствующие принятым самим субъектом ценностям, личностно-значимым ориентирам (Бернс, 1986). Самосознание детерминирует общую направленность поведения (не конкретные исполнительские программы) на реализацию приемлемыми для субъекта средствами главными личностных

ценностей. В конечном счете самосознание отражает область центральных, ведущих устойчивых потребностей и тем самым круг субъективно предпочтительных, желательных целей.

Поскольку образ «Я настоящего» и «Я будущего» содержит представление о себе как о члене социума, а источником формирования образа Я является социальное, в том числе деятельностное, общение, «деятельностно-опосредствованные отношения» с людьми (Петровский, 1994), то осознание себя членом социума содержит и принятие, присвоение субъективно значимых морально-нравственных эталонов поведения и деятельности. Сформировавшееся у субъекта содержание его морально-нравственного кодекса может быть весьма различным, но для данного человека оно выступает критерием оценки и высшим уровнем детерминации нравственного аспекта всех форм его произвольной активности, т. е. является важнейшим фактором ее регуляции.

Каким образом, благодаря чему происходит продуктивное включение значительного и многообразного арсенала психических процессов и явлений в построение конкретного регуляторного процесса? Весь багаж психического упорядочивается, ограничивается и вводится в определенные рамки принятием конкретной цели, применительно к достижению которой и строится субъектом деятельность. Именно для *достижения принятой цели* субъект выбирает из всей доступной ему информации только ту, которая необходима для определения, реализации отдельных этапов, сторон, характеристик деятельности; при этом может обнаружи-

ваться и отсутствие какой-то необходимой информации, и субъект ищет ее, пытается получить ее в готовом виде либо добыть любыми психическими средствами (от памяти и восприятия до мыслительных операций).

Поскольку построение и осуществление регуляции есть цепь *решения* частных задач и осуществления ряда требующих обоснования выводов, согласованных между собой и соподчиненных цели, то следует признать, что стержневым, сквозным психическим средством построения регуляции является процесс мышления. Строго говоря, именно внутренняя мыслительная активность и является главным способом реализации важнейших компонентов психического регуляторного процесса и в конечном счете — достижения цели. Так, например, осуществление отдельных регуляторных функций, будь то поиск условий, необходимых для реализации программы исполнительских действий, или, наоборот, определение самой программы, адекватной имеющимся условиям, являются типичными случаями определенного класса умственных задач, решаемых средствами мыслительной деятельности. Лежащие в основе построения осознанной регуляторики процессы мышления в большинстве своих проявлений могут быть квалифицированы как практическое мышление, как работа практического ума в его определении, данном Б.М. Тепловым в работе «Ум полководца» (Теплов, 1985).

По мнению Б.М. Теплова, человек обладает одним, единым интеллектом, и основные механизмы теоретического и практического мышления

едины, а формы мыслительной деятельности определяются различиями решаемых задач. Практическое мышление, в отличие от теоретического, по-другому соотносится с практикой, так как направлено главным образом на решение частных, конкретных задач. «И теоретическое и практическое мышление связано с практикой, но во втором случае связь эта имеет более непосредственный характер. Работа практического ума непосредственно вплетена в практическую деятельность и подвергается ее непрерывному испытанию» (Теплов, 1985, с. 225).

Важнейшей характеристикой процесса практического мышления (отражающей, по нашему мнению, общую суть построения регуляторного процесса) является то, что с его помощью субъект преодолевает исходную информационную избыточность, препятствующую осуществлению деятельности. В формулировке Б.М. Теплова это звучит так: «...для интеллектуальной работы полководца типичны чрезвычайная сложность исходного материала и большая простота и ясность конечного результата. В начале — *анализ сложного материала*, в итоге — *синтез, дающий простые и определенные положения*. *Превращение сложного в простое* — этой краткой формулой можно обозначить одну из самых важных сторон в работе ума полководца» (Теплов, 1985, с. 244). Это действительно по своему регуляторному смыслу есть общий принцип построения и реализации регуляторики.

Для рассматриваемой нашей проблемы очень ценно, что Б.М. Теплов называет и необходимые для превращения простого в сложное качества

практического ума — прежде всего выраженную способность к анализу, т. е. видение проблемной ситуации во всех отдельных деталях и выделение тех из них, которые могут иметь решающее значение в данной обстановке. Кроме того, им называется синтетическая сила ума, т. е. видение задачи в целом. Это особый синтез — без абстракций от конкретного и особенного, а «видящий целое в многообразии деталей» (Теплов, 1985, с. 245). Сказанное позволяет более конкретно представить практическое мышление как средство построения регуляторных процессов.

В работе «Ум полководца» получает определенное решение также очень существенный для понимания осознанной регуляции вопрос о соотношении в деятельности военачальника рационального и волевого (произвольного). Так, Наполеон, который первым поставил этот вопрос, настаивал на необходимости равновесия между умом и волей при высоком развитии того и другого. Он образно сравнивал дарование большого полководца с квадратом, в котором высота и основание должны быть равны. Основанием такого квадрата является воля, высота соответствует уму («формула квадрата»). В результате анализа различных точек зрения и их собственной оценки Б.М. Теплов переводит вопрос о количественных (грубо говоря) соотношениях ума и воли в более конструктивную плоскость оценки их функциональных соотношений в анализируемой деятельности. Фактически в согласии с точкой зрения на волевое поведение, высказанной еще Аристотелем, Б.М. Теплов формулирует вывод об органическом единстве

рационального и волевого, которое достигается в феномене практического мышления. «Ум полководца является одной из форм *практического ума* в аристотелевском смысле этого термина; его нельзя понимать как чистый интеллект; он есть единство интеллектуальных и волевых моментов» (Теплов, 1985, с. 233).

Поскольку «ум полководца является одним из характернейших примеров практического ума, в котором с чрезвычайной яркостью выступают своеобразные черты последнего» (Теплов, 1985, с. 227), то многое сказанное Б.М. Тепловым об уме полководца имеет прямое отношение к характеристике процессов осознанной регуляции вообще и ряда конкретных видов сложной и ответственной деятельности в частности. Более того, практическое мышление с присущими ему особенностями в той или иной мере характеризует и определяет осознанную регуляторику самых разных (в том числе рядовых) видов деятельности в зависимости от их многих конкретных характеристик.

В психической саморегуляции произвольной активности специфическое значение имеют эмоциональные явления. Что касается самого факта влияния эмоций на деятельность, то оно достаточно признано, и за эмоциями как сферой психического закреплена регулирующая функция (см., например: Мерлин, 1973). Однако эта роль содержательно трактуется по-разному. Это касается и очень важной для психологического аспекта саморегуляции проблемы соотношения эмоциональных и мотивационных (т. е. потребностно-побудительных) процессов и характера

участия эмоциональных явлений в регуляторике.

Для многих, в том числе современных, исследований характерен непропорциональный отрыв эмоциональных и мотивационных явлений друг от друга. В.К. Вилюнас формулирует их суть следующим образом: «Парадигма таких концепций следующая: поведение детерминировано потребностями, мотивами; эмоции возникают в специфических ситуациях (например, фрустрации, конфликта, успеха—неуспеха) и выполняют в них свои специфические функции (например, активации, мобилизации, закрепления)» (Вилюнас, 1984, с. 11). Создается впечатление, что потребности, мотивы и эмоции не имеют в психике данного человека изначального закономерного единства и могут соотноситься лишь как достаточно независимые моменты одной и той же деятельности; при этом эмоции влияют на регуляцию деятельности в качестве значимых, но внешних, в определенной мере случайных и не всегда прогнозируемых факторов.

С.Л. Рубинштейн, анализируя накопленный опыт в области соотношения эмоциональных и мотивационных процессов, сформулировал и развил идеи о включенности эмоций в процессы мотивации, показал их исключительную роль в санкционировании деятельности. В его работах эмоции рассматриваются в функциональной по отношению к деятельности парадигме. Он признает их принадлежность к мотивационным процессам, их органическую включенность в ткань потребностей. Мысль С.Л. Рубинштейна о единстве и взаимопроникновении эмоционального и мотивационного сводится

к тому, что эмоции являются субъективной, конкретной психической формой существования потребностей: «...потребность как активная тенденция может испытываться как чувство, так что и чувство выступает в качестве проявления потребности» (Рубинштейн, 1940, с. 387). И далее: «Сознательное человеческое действие — это более или менее сознательное *решение* задачи. Но для совершения действия недостаточно и того, чтобы задача была субъектом *понята*: она должна быть им *принята*. А для этого необходимо, чтобы нашла — непосредственно или опосредованно каким-то своим результатом или стороной — отклик и источник в переживании субъекта» (Рубинштейн, 1976, с. 151). Активное начало эмоций обусловлено взаимопроникновением эмоционального и мотивационного: «Выступая в качестве проявления потребности, в качестве конкретной психической формы ее существования, эмоция выражает активную сторону потребности» (Рубинштейн, 1940, с. 387). Из сказанного очевидно, что роль эмоций в деятельности, в построении ее регуляторных процессов определяется прежде всего их побудительной и настроечной функциями.

В ходе деятельности, результат которой зависит не только от побуждения, но и от объективных и субъективных условий ее протекания, в эмоциях специфически презентуется соотношение хода деятельности, ее результата и потребности, т. е. важнейшая для управления деятельностью информация. (Подробнее анализ взглядов С.Л. Рубинштейна и других исследователей см.: Ольшанникова, 1989.)

Обращаясь к современным исследованиям места и функций эмоций в психике и непосредственно в реализации взаимодействия человека с внешней действительностью, следует отметить работы В.Д. Шадрикова, реализующего взгляды, резко отличные от критикуемых В.К. Виллюнасом. Справедливо отмечая, что в психологии не получила необходимого развития «мысль Рубинштейна о том, что всякое психическое образование это и переживание и знание» (Шадриков, 2004, с. 9), он фактически дает содержательное раскрытие этого положения. В излагаемой им концепции внутреннего мира, «который представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, формирующуюся при жизни человека» (Шадриков, 2004, с. 12), автор показывает, что существенная связь потребностей и эмоций закономерно возникает уже на ранних этапах психического развития ребенка в процессе все усложняющихся действенных отношений с внешним миром. В рамках феномена целостного внутреннего мира внешний мир отображен и представлен человеку в разных своих сторонах и качествах: он презентуется ему одновременно на языках восприятий, потребностей, переживаний, личностных смыслов и др. В результате вся информация, накопленная внутренним миром человека, имеет и эмоциональную ипостась.

Специфическим фактором, влияющим на формирование и осуществление саморегуляции, является эмоциональное состояние человека (ситуативные эмоции) на момент осуществления деятельности независимо от породивших его причин. Оно может

влиять на восприятие субъектом общей ситуации и себя в ней. Эти эмоции способны обуславливать оценку возможностей для достижения цели (уверенность — неуверенность), успешность — неуспешность исполнения различных регуляторных компонентов деятельности: уровня и точности контроля за промежуточными результатами, качества и точности анализа условий и др.

Особое значение для саморегуляции имеют устойчивые индивидуальные эмоциональные особенности, характеризующие качество доминирующих эмоций: знак, модальность (радость, гнев, страх, печаль и др.) (Ольшанникова, 1983). Работа И.В. Пацявичюса специально посвящена изучению взаимоотношения устойчивых качественных эмоциональных свойств человека с характеристиками его саморегуляции сенсомоторной деятельности. Полученные данные свидетельствуют о более высоком уровне саморегуляции в *обычных условиях* у субъектов с устойчивым доминированием отрицательных эмоций по сравнению с представителями положительного эмоционального типа (Пацявичюс, 1981). Это можно объяснить скорее всего повышенными требованиями к себе, оценением достигнутого в деятельности как недостаточно успешного. Видимо, здесь имеет место недовольство как процессом исполнения различных этапов деятельности, так и в целом собственными результатами, которое побуждает действовать максимально ответственно, часто на пределе своих возможностей. Этот модус реагирования в известных пределах можно рассматривать как своеобразный способ само-

утверждения, а деятельность — как ту область, где субъект имеет возможность получить удовлетворение за счет тщательной осознанной саморегуляции на всех этапах деятельности, за счет самообеспечения высокого уровня результатов. В случаях же внезапного, непредусмотренного изменения основных условий деятельности точный прогноз их динамики становится невозможным, невозможным становится и упреждающее программирование адекватных действий, характерное для людей с доминированием отрицательных эмоций. В этих случаях они теряют свои преимущества, уступая первенство субъектам с положительным эмоциональным модусом.

Осознанная саморегуляция является одним из основных видов произвольной психической активности как системного взаимодействия всех (условно выделяемых) сторон и уровней человеческой психики. Именно в процессах саморегуляции исходное единство и системная целостность психики находят свое отчетливое проявление.

Заключение

Структурно-функциональный и содержательно-психологический анализ осознанной саморегуляции отражают основные аспекты рассмотрения одного и того же процесса, реально существующего в нерасторжимом единстве обеих своих составляющих, из которых ни одна не обладает регуляторной самодостаточностью. Любой дефект одной из составляющих процесса психической саморегуляции не может компенсироваться совершенством дру-

гой его составляющей, он является дефектом всего процесса в целом и сказывается на его эффективности. Поэтому выявление регуляторных причин конкретных трудностей и ошибок в деятельности (с целью их устранения) требует дифференцированной диагностики как структуры процессов регуляции, так и наличия

у субъекта психических средств, необходимых для их успешной реализации. Лишь полная сформированность функциональной структуры осознанной саморегуляции, реализуемой адекватными психическими средствами, обеспечивает достижение субъектом цели его произвольной активности.

Литература

- Абрамова Н.Т.* Целостность и управление. М.: Наука, 1974.
- Анохин П.К.* Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // *Философские аспекты теории функциональной системы: Избранные труды.* М.: Наука, 1978.
- Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
- Биологическая кибернетика / Под ред. А.Б. Когана. М.: Высшая школа, 1972.
- Виллюнас В.К.* Основные проблемы психологической теории эмоций // *Психология эмоций: Тексты* / Под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 3–28.
- Дробницкий О.Г.* Проблемы нравственности. М.: Наука, 1977.
- Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
- Конопкин О.А.* Функциональная структура саморегуляции деятельности и поведения // *Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности* / Под ред. Б.Ф. Ломова, К.А. Абульхановой. М.: Наука, 1989.
- Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // *Вопр. психол.* 1995. № 1. С. 5–12.
- Конопкин О.А.* Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // *Вопр. психол.* 2004. № 2. С. 128–135.
- Круглова Н.Ф.* Экспресс-диагностика и коррекция регуляторно-когнитивной структуры учебной деятельности подростков. М.: ПИ РАО, Экопсихол. центр развития образоват. и социал. систем, 2000.
- Круглова Н.Ф.* Психологическая диагностика и коррекция структуры учебной деятельности младшего школьника. М.: Изд-во РАО, Моск. психолого-социального ин-та, 2004.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Меницкий Д.Н.* Принципы саморегуляции функциональных систем // *Системный анализ механизмов поведения* / Под ред. К.В. Судакова. М.: Наука, 1979. С. 81–91.
- Мерлин В.С.* Очерк теории темперамента. М.: Просвещение, 1964.
- Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции. М.: Наука, 1998.
- Ольшанникова А.Е.* Эмоции и воспитание. М.: Знание, 1983.

- Ольшанникова А.Е.* Значение идей С.Л. Рубинштейна в исследовании эмоций и темперамента // Рубинштейн С.Л. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Б.Ф. Ломов. М.: Наука, 1989. С. 178–202.
- Осницкий А.К.* Структура, содержание и функции регуляторного опыта человека: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001.
- Пацявичюс И.В.* Соотношение индивидуально-типических характеристик эмоциональности с особенностями саморегуляции деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1981.
- Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. М.: Педагогика, 1994.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1940.
- Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Просвещение, 1976.
- Сеченов И.М.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- Теплов Б.М.* Ум полководца // Теплов Б.М. Избранные труды. Т. 1. М.: Педагогика, 1985. С. 223–305.
- Украинцев Б.С.* Самоуправляемые системы и причинность. М.: Мысль, 1972.
- Шадриков В.Д.* О предмете психологии (мир внутренней жизни человека) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1, № 1. С. 5–19.

*Специальная тема выпуска:
В поисках методологических ориентиров*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Специальная тема этого номера посвящена дискуссии вокруг статьи профессора В.М. Аллахвердова. Эта статья — шаг к методологического манифеста, разработка которого инициирована Санкт-Петербургским обществом психологов. В следующих за тем статьях видные ученые комментируют различные стороны будущего манифеста, после чего слово для ответа предоставляется В.М. Аллахвердову.

События, происшедшие в последние два десятилетия в нашей стране, сильно изменили психологическую науку. Уже затягиваются дымкой истории те времена, когда марксизм был обязательной идеологической основой любой научной теории. Возникло поле для методологии без идеологии, для плюрализма подходов и направлений. Обратной стороной стало ощущение потери методологических ориентиров и желание эту потерю восполнить.

Публикуемые ниже материалы отражают изменение структуры методологического поля, постановки задач и характера решаемых проблем. Текст В.М. Аллахвердова посвящен фактически общенаучным вопросам, которые обсуждаются на психологическом материале: проблемам субъективности или объективности научного познания, теоре-

тического монизма или плюрализма, методологических норм исследования. Проблемы, которые традиционно стояли еще в советской психологической методологии (например, категория деятельности и системный подход), если и затрагиваются, то обсуждаются в виде примеров, рассматриваются как бы сверху, с рефлексивной позиции. Психологическая методология глубже включается в общенаучную, и объектами цитирования становятся работы логиков и методологов науки, таких, как К. Поппер, В.М. Степин, П. Фейерабенд.

Нам привычно различие московской и ленинградской школ, привычно, что они дискутируют по некоторым вопросам методологии психологии. В развернувшейся дискуссии участвуют петербуржцы и москвичи, однако демаркационные линии не имеют выраженных географических привязок. Методология все более становится многополярной, многообразие точек зрения не укладывается в рамки двоичности.

Публикуемая на следующих страницах дискуссия вряд ли могла состояться двадцать или даже десять лет назад. Она — отражение новых веяний, нового осознания методологических проблем, складывающегося в нашей психологии.

БЛЕСК И НИЩЕТА ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (НА ПУТИ К МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ МАНИФЕСТУ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПСИХОЛОГОВ)

В.М. АЛЛАХВЕРДОВ

Аллахвердов Виктор Михайлович — президент Санкт-Петербургского психологического общества, председатель Экспертного совета РПО, профессор кафедры общей психологии СПбГУ, доктор психологических наук. Автор книг и статей по теоретической психологии, методологии психологических исследований, экспериментальной психологии сознания, психологии искусства, игровым методам обучения и т. д. Награжден министром путей сообщения именными часами. Победитель национального конкурса «Золотая Психея» 2004 г.

Контакты: crhome@mail.rcom.ru

Резюме

В статье оспариваются две тенденции, типичные для современной психологии: во-первых, убеждение, что научная деятельность не направлена на поиск Истины, поскольку, мол, научная деятельность всегда субъективна; а во-вторых, вера в объективность эмпирических данных, якобы не зависящих от субъекта. Научная деятельность — это всегда субъективная деятельность человека, но все же направлена она на адекватное описание реальности. Опора на опыт вселяет уверенность, что научное знание, всегда содержащее субъективную составляющую, содержит и объективную составляющую. Противоречивый текст недопустим в науке, ибо из него можно вывести все, что угодно. Нельзя признавать одновременно верными теоретические конструкции, исходные положения которых противоречат друг другу. В частности, не могут быть одновременно верными бихевиоризм, психоанализ, когнитивизм и мн. др. Это не разные описания одних и тех же явлений, а принципиально ошибочные описания, в лучшем случае за исключением какого-либо одного подхода. Чем яснее субъективная составляющая будет представлена в научных текстах, тем лучше этот текст будет пониматься и оцениваться. Авторам следует указывать в своих текстах, насколько описываемые ими данные соответствуют имевшимся у них до начала исследования ожиданиям. Любое содержательное утверждение о результате анализа эмпирических данных, любое эмпирическое обобщение, полученное в процессе статистической обработки данных, является внеэмпирической интерпретацией и потому всегда должно независимо проверяться.

**Вместо вступления.
Научный рационализм
versus
антисциентизм, анархизм, пост-
модернизм, феноменология и пр.**

Научная деятельность — это субъективная деятельность человека, направленная на поиск истины. Другими словами, ученый стремится узнать то, что есть на самом деле, но всегда вносит в полученное знание нечто субъективное, нечто такое, чего на самом деле нет. Ученый является лишь искателем истины, а не ее носителем. Такой взгляд на науку — при всей своей банальности — принес славу постпозитивизму. Рухнул миф о науке как о полностью достоверном и лишенном субъективизма знании. Рухнул миф о науке, которая якобы последовательно (*кумулятивно*) приращивает эти свои знания. Стало ясно, что научное знание — не просто знание всегда развивающееся, но и никогда не завершенное *ни в какой своей части*, а потому в каждый момент *везде* заведомо неверное и к тому же насквозь пропитанное субъективизмом. (Эlegantный М. Полани уточняет: научное знание — это всегда личностное знание.) Как и все идеи, разрушающие основоположения, такой подход вызвал сильный шок и море критики. Поклонники эмпиризма пытались сохранить иллюзию объективности научного знания. Если строго опираться на факты, уверяли они, то результат научного поиска будет достоверен. Именно эта точка зрения будет далее оспариваться. Огромная масса накопленных фактов при мизерном количестве психологических законов как раз и демонстрирует слабую разви-

тость в нашей профессиональной среде методологической культуры.

Но, признаюсь, гораздо опаснее для науки убеждение, будто научная деятельность никоим образом не направлена на поиск Истины. Как, мол, можно искать то, что заведомо недостижимо? Откуда мы можем знать, что есть *на самом деле*? Ведь любое знание неверно. А раз наука стоит на заведомо неверной основе, то зачем заставлять зубрить ложные научные теории в школах и университетах? «Покончим с засильем одних и тех же неверных теоретических представлений!» — заявили методологические анархисты. Раз все теории плохи, то пусть хотя бы их будет много. Любая теория подойдет (*anything goes*, как заявляет П. Фейерабенд). В отечественной психологии сходную позицию выражает А.В. Юревич. Постмодернисты соглашаются с подобным взглядом на науку, но с присущим им интеллектуализированным остроумием еще более все запутывают: все теории неверны, но разве из этого следует, что они плохи? Наоборот, все теории равно хороши, просто они по-разному интерпретируют одно и то же. Научные тексты должны двигать нас сразу во всех направлениях, а не только в каком-то одном. Результат подобного никуда в итоге не направленного потока сознания назван постмодернистами гипертекстом: этот текст можно смело читать в любой последовательности и в любую сторону — ничего не изменится. Похоже, что для них главное — это удобочитаемый шрифт. К такому подходу приближается Е.В. Сидоренко, когда заявляет, что психолог не должен претендовать на истинность своих построений. А А.Г. Асмолов полагает, что признание ученым своей позиции

как претендующей на Истину и тем самым на единственность своей точки зрения напоминает раннюю стадию детского развития? поэтому он именуется такую позицию познавательным эгоцентризмом.

Оюшки! — охнули не успевшие окрепнуть научным духом, — раз рационально ничего нельзя объяснить, раз самые важные вещи (добро, истина, красота, жизнь и ее смысл) ускользают от однозначного понимания, то искать научное утешение надо там, где все давно уже найдено, — в религии. Все просто: не подлежащие сомнению религиозные постулаты должны лечь в основание науки. В ответ на такой призыв рационалисты изумились: наука — это все-таки всегда сомневающееся знание. Разве можно заранее принять основания бытия, которые должны быть найдены лишь в конце научного поиска? А иррационалисты иного рода, разочарованные малостью результатов, достигнутых наукой вообще и психологией в частности, стали разрабатывать свои собственные методы постижения реальности. Наконец-то, обрадовались они, ученые сами себя высекли и поняли, что рациональными построениями до истины не добраться. Мол, настала эра неклассической, постклассической и даже постнеклассической науки. Поэтому, мол, пора перестать принимать за образец естественную науку с ее рациональными идеалами, ибо в подлинную суть вещей следует проникать путем *феноменологической* интуиции или иными столь же загадочными путями, которыми может идти только тот, кто может.

Поясню на примере, почему иррациональные и анархистские рассу-

ждения не могут быть оправданы постпозитивистской критикой науки. Все, что мы знаем, мы знаем благодаря сознанию и с его помощью. Сознание же насквозь субъективно, даже более того, само сознание и есть субъективное, и нет логического пути для доказательства того, что знание, полученное сознанием, соответствует реальности: ведь наши представления о реальности есть только в сознании, а реальность сама по себе всегда дана сознанию лишь в виде представления о ней. Однако нельзя то, что есть в сознании, сопоставлять с тем, чего в сознании нет (подробнее обсуждение этой *гносеологической* проблемы, см., например, Аллахвердов, 2003, с. 56–71, 310–321). Следовательно, мы никогда не способны оценить истинность наших знаний; поэтому все наши знания могут быть неверными. Неудивительно, что с течением жизни они еще и много раз изменяются в любой своей части. Итак, следует признать: все наши осознанные знания в принципе не могут быть лишены субъективизма и никогда не являются полностью достоверными. Но разве из этого следует, что мы все живем в галлюцинаторном мире? Или что психологи совершенно бессмысленно говорят об адекватности восприятия, точности движений, правильности воспроизведения, подлинных мотивах поведения?

Да, картина мира каждого человека всегда субъективна. Да, она содержит множество искажений. Да, это скорее шарж на реальность, чем точное изображение. Но это все-таки шарж на *реальность*, а не рисунок несуществующего предмета. И нелепо считать, что $2+2$ равно чему угодно, поскольку любая задача нами

субъективно воспринимается и можно придумать такие интерпретации этой задачи, при которых любой ответ будет правильным. Отсутствие на сегодня решения гносеологической проблемы не говорит о том, что она в принципе не имеет решения. Наоборот, весь наш жизненный опыт убеждает, что сознание эту проблему решает. Как заметил У. Джеймс, «самые неисправимые "гносеологи" никогда всерьез не сомневаются в том, что познание все же как-то совершается» (Джеймс, 2000, с. 59).

Конечно, и постпозитивисты в полемическом задоре явно перегнули палку. Из того, что в истории науки ни одна теория не была опровергнута экспериментом, как вполне справедливо замечает И. Лакатос, не следует, что не существует опровергающих экспериментов. Дело в том, что одно представление в сознании может быть заменено другим только тогда, когда это другое представление уже как-то существует, пусть хоть в неосознанном виде (Аллахвердов, 2000). Понятно, что и теории, как всего лишь некие представления в сознании, по самой своей сути не могут быть опровергнуты экспериментом, они опровергаются только другой теорией. Уже Ч. Дарвин называл это «общепринятым в науке правилом». Ученый не отвергнет теорию, как бы она ни расходилась с экспериментальными данными, если у него нет другой теории, — так голодный человек не отвергает черствую булочку, если у него нет другой еды. Разумеется, для принятия новой теории должны существовать подтверждающие эту новую теорию экспериментальные данные — вот они-то и работают как эксперименты, опровергающие старую теорию.

Из того, что все научные теории неверны, не следует, вопреки позиции К. Поппера, что все неверные теории научны. История науки показывает, что однажды установленные и по крайней мере в течение 50 лет подтверждаемые законы установлены навсегда. Любая теория, пришедшая на смену предыдущей, обязана объяснить, почему эти законы в течение 50 и более лет продуктивно предсказывали опытные данные. Конечно, теории, объясняющие эти законы, с течением времени обязательно изменяются, а вместе с ними изменяются и формулировки законов. Старые законы начинают интерпретироваться как частный случай новых (именно так ньютоновская механика интерпретируется в теории относительности), как хорошее приближение к более точным законам (птолемеевские расчеты движения планет легко описываются как первые члены разложения в ряд Фурье ньютоновских орбит этих планет), как принципиально иначе понимаемая зависимость (так, с появлением атомной физики стало ясно, что свойства элементов определяются не их атомными весами, как это представлено в периодической системе Д.И. Менделеева, а структурой атомов, которая пусть грубо, но все же отражается в атомных весах) и т. д. Сами авторы, возможно, и не сразу смогли бы опознать свои собственные законы в новых формулировках. Но разве это делает их законы неверными? Таким образом, все научные теории неверны лишь в одном смысле, а именно: позднее они будут обязательно пересмотрены, все накопленное в рамках предыдущих теорий научное знание будет пониматься

принципиально иначе. Однако в то же время все научные теории верны в другом смысле: включенные в них законы неплохо прогнозируют реальность и практически никогда не будут опровергнуты. Поэтому теории научны не потому, что они неверны, а потому, что включают в себя такое знание, которое как верное навсегда сохранится в науке, пусть под другим обличьем.

Современный научный рационализм исходит из того, что реальность подлежит логически непротиворечивому описанию и что это описание может проверяться опытным путем. Опора на опыт вселяет уверенность, что научное знание, всегда содержащее субъективную составляющую, содержит и составляющую объективную, не зависящую от субъекта, а требование непротиворечивости — это прежде всего требование к языку описания, поскольку противоречивый текст заведомо неоднозначен. Противоречивый текст (столь ценный, например, в искусстве, см.: Аллахвердов, 2001) недопустим в науке, ибо он совместим с любым высказыванием, а потому из него можно вывести все, что угодно. Надо, правда, отказаться от восходящего к Г. Гегелю словоблудия, объявляющего существование особой «диалектической логики», где противоречие считается нормой. Гегель в своем глубокомыслии прав: утверждение, что P есть S , одновременно по самой сути дела обозначает, что P не есть S . Ну и что? Зачем из этого делать вселенскую трагедию или выводить достаточно невразумительный «закон» о борьбе и единстве противоположностей? Утверждение « P есть S » означает лишь отождествление нетождественного,

т. е. субъективное приравнение объективно различающихся P и S . Без такого отождествления никакое познание невозможно, из чего, собственно, и вытекает, что результат познания всегда содержит субъективную составляющую. Отсюда следует не отказ от логики как таковой, а система требований к исследователю. Ученый должен, во-первых, следить за тем, чтобы итоговое описание не содержало противоречия (поэтому, например, исходно противоречащие друг другу построения психоанализа, бихевиоризма и когнитивизма не могут быть *одновременно* верными), а во-вторых, с опаской относиться к включению в научный текст заведомо непроверяемых утверждений.

Научное знание нельзя адекватно воспринимать, исключив из рассмотрения получающих это знание людей. Чем яснее субъективная составляющая будет представлена в научных текстах, тем правильнее эти тексты будут пониматься и оцениваться. К сожалению, в научном сообществе принят восходящий к позитивизму канон безличного описания полученных результатов, призванный стилистически подчеркнуть, что, мол, изложенные результаты не зависят от получившего их ученого, а следовательно, *pretendуют* на объективность. Отсюда и широко распространенное употребление в научных текстах (особенно отечественных) стыдливо-загадочного авторского «мы» вместо однозначно понимаемого «я». Автор как бы заявляет, что сам он лично — скромный жрец науки, а полученные им результаты — лишь беспристрастное постижение природы. Ученые заведомо лукавят.

Делается это отнюдь не из скромности: известно множество случаев, когда даже великие ученые использовали не самые лучшие средства, чтобы отстаивать свой личный приоритет (чего стоит, например, борьба И. Ньютона с Г. Лейбницем или И.П. Павлова с В.М. Бехтеревым). А вот следствия такого стилистического лукавства становятся опасными. Канон безличного описания прежде всего мешает ясно изложить замысел исследования, поскольку цели и смыслы всегда субъективны, всегда связаны с личностью ученого. Как показывает история науки, публикации, сообщающие о выдающихся открытиях, далеко не всегда сразу должным образом оцениваются научным сообществом, в том числе и потому, что слишком скромно сформулированная цель исследования не позволяет увидеть грандиозность достигнутого результата, а в итоге на эту публикацию просто никто долго не обращает внимания. Если бы Н. Коперник назвал свою работу «О некоторых аспектах упрощения процедуры вычисления даты весеннего равноденствия», человечество могло бы намного дольше жить в геоцентрическом мире. Даже в весьма престижных психологических журналах раздел «постановка задачи» оставляет самое удручающее впечатление: как правило, решительно непонятно, что на самом деле побудило авторов осуществить данное исследование. *Субъективизм в науке неизбежен, его проявления следует учитывать, а не скрывать, и, хотя ученый обязан стремиться к объективности, субъективная составляющая научного знания должна адекватно отражаться в научных текстах.*

Чтобы по возможности избавиться от неизбежных субъективных ошибок в процессе создания научного знания, ученые должны «играть» в науку по строго заданным правилам. Эти правила называются методологическими принципами. Они вырабатываются научным сообществом прежде всего как правила обоснования и объяснения. Ведь признание чего-либо обоснованным и объясненным всегда является результатом принятого человеком решения. Конечно, у ученого должно быть ощущение уверенности в истинности развиваемых им идей, но, как известно, на такое ощущение отнюдь не всегда стоит полагаться. Ученый призван описывать реальность, а не свои произвольные мысли о ней, даже кажущиеся ему лично верными. Умение правильно обосновывать — главное профессиональное требование в науке. Понятно, впрочем, что если ученый не верит в истинность какого-либо утверждения, то он никогда его всерьез не сделает. Сама эта вера во многом определяется мировоззренческими установками ученого, сложившейся у него картиной мира, принятым в научном сообществе на данный момент способом мышления (парадигмой).

Методологические принципы — не абстрактные туманные изыскания, как иногда их пытаются трактовать, а вполне конкретный и необходимый рабочий инструмент исследователя. Эти принципы могут выступать как запреты, выполняющие охранительную роль и защищающие ученых от скорее всего неправильных построений, как регулятивы, направляющие ученых на определенный способ действия и позволяющие

им сделать выбор скорее всего наиболее перспективных гипотез, а также как *требования* к итоговому результату — к системе теоретических положений. Однако все эти запреты, регулятивы и требования — конечно же, лишь почти обязательные рекомендации, а не жесткие предписания. Научная деятельность — это все-таки творческая деятельность, а потому методологические принципы не являются алгоритмами, использование которых автоматически и всегда приводит к успеху. Иногда ученый идет на риск, нарушая некоторые методологические принципы, и даже добивается при этом экстраординарных результатов. Важно, однако, чтобы этот риск им осознавался, потому что гораздо чаще нарушение принципов ведет к безуспешным попыткам достичь серьезных результатов; к тому же даже выдающимся достижениям в науке отнюдь не гарантировано признание научным сообществом.

Как показывает история, в разных научных сообществах и в разные эпохи методологические правила могут слегка отличаться друг от друга, по ходу развития науки их формулировки совершенствуются, но они всегда существуют, и следование им практически обязательно. В отечественной психологии долгое время господствовала идеологическая доктрина, которая подменяла методологию, полностью сводила ее к мировоззрению и во многом тормозила развитие нашей науки. Однако отказ от этой доктрины привел не только к свободе, но и к анархии, произошло отречение вообще от каких-то принятых правил игры в науку. В итоге в современной отечественной психологии почти отсутствуют какие-либо

объективные критерии оценки научных достижений. Психологи на фоне методологической вседозволенности и теоретической разобщенности стали легко соединять несоединимое, впрягая в одну телегу бихевиоризм, мистику Востока, психоанализ, концепцию деятельности, христианство, экзистенциализм и что угодно еще. Впрочем, это характерно не только для российской психологии. Психологи всего мира признают наличие в психологии глубокого методологического кризиса. Просто в отечественной психологии он сегодня проявляется ярче всего.

На различных стадиях научного исследования ученые играют в разные игры, опираясь на разные правила (методологические принципы). Правила отличаются друг от друга, во-первых, потому, что на разных стадиях различна степень субъективизма итогового результата (минимальная на стадии эмпирических исследований и максимальная на стадии интерпретации и построения умозрительных конструктов). Во-вторых, на разных стадиях ученые рискуют по-разному. Вероятность построить хорошую теорию всегда намного меньше, чем вероятность получить хоть какой-нибудь статистически достоверный результат эмпирического исследования. Чем надежнее можно гарантировать успех исследования еще до его проведения, тем менее он значим для научного сообщества (иначе говоря, в честь того, кто не рискует в науке, обычно не пьют шампанского). В-третьих, правила работают по-разному в зависимости от того, какую цель преследует ученый: стремится ли он приблизиться к постижению Истины, или хочет понять смысл

обнаруженных явлений, или ему достаточно описать алгоритм достижения определенного эффекта. *Авторам следует указывать в своих текстах, к какой стадии они относят то или иное сделанное утверждение, а редакторам при публикации текстов следует сохранять эту предложенную исследователями маркировку.* Любая стадия может быть промежуточным этапом в конкретном исследовании, а может рассматриваться как окончательный итог этого исследования. Последовательность стадий также может быть различной. Более того, в разных науках различные стадии исследования могут приниматься за окончательные.

О правилах описания непосредственно наблюдаемых эмпирических явлений

Проблема непосредственности

Достоверность непосредственной наблюдаемости исходно дана каждому исследователю. Иначе говоря, он всегда опирается на данную ему (как человеку) *очевидность наблюдаемого факта*. Беда, однако, в том, что даже в этом случае исследователю не удастся остаться полностью объективным. Субъективизм ученого проявляется в выборе факта, в его вычлениении из ситуации в целом, в выборе варианта перевода этого факта с языка реальности на язык письменного текста, в неизбежной при этом интерпретации наблюдаемого. Впрочем, и сама непосредственная очевидность факта — по самой сути слова «очевидность» — заведомо субъективна.

Итак, что же нам непосредственно дано? Если стать буквалистами, то

можно потребовать, как Э. Титченер, описывать факты на языке сенсорики, а не свойств реальности. Когда мы с закрытыми глазами идем по неровной дороге, то мы непосредственно чувствуем лишь неравномерное давление на подошвы ног, а уже отсюда делаем вывод о неровной дороге. В ощущениях, утверждал Э. Титченер, нам даны только сенсорные качества — все остальное от лукавого («ошибка стимула»). Впрочем, буквальное применение такого подхода невозможно — в противном случае никакая наука не может развиваться. Ученый (как, впрочем, и любой человек) обязан доверять тому, что, как ему кажется, он непосредственно воспринимает. Однако при этом всегда — даже в самых простых ситуациях — следует учитывать возможность ошибки и стараться эти ошибки обнаруживать. Этнографы в этой связи рассказывают любопытные истории о том, как факты, вроде бы данные представителю одной культуры с непосредственной очевидностью, представитель другой культуры может осознавать неправильно. Нас удивляет, что пигмей, впервые в жизни увидев пасущихся вдалеке коров, принял их за муравьев. Однако когда античные и средневековые астрономы опирались в своих построениях на непосредственно наблюдаемый ими факт движения Солнца вокруг Земли, то, по сути, они как раз и находились в роли такого пигмея. Они видели то, что понимали. Проблема станет еще нагляднее, если учесть иллюзии, ошибки восприятия, галлюцинации, умышленное введение исследователя в заблуждение и пр., и пр. Вот в 1949 г. римский папа Пий XII увидел

на солнце лик Богоматери. Много других католиков позднее подтвердили, что в это же самое время они тоже наблюдали божественный лик на нашем светиле. Все они могли искренне думать, что действительно видели Мадонну. Но на самом ли деле в 1949 г. на Солнце появилось изображение Девы Марии? Вряд ли многие ученые признают это за реальный факт. Потому что *если непосредственно наблюдаемый факт противоречит наличной системе научного знания, то его непосредственная наблюдаемость или вообще отрицается, или должна ставиться под сомнение до тех пор, пока не будет указано, либо как совместить этот факт с имеющимися знаниями, либо как изменить наличную систему научного знания.* Именно поэтому научное психологическое сообщество упорно не принимает заверений целого ряда вполне добросовестных ученых в том, что они непосредственно наблюдали явления психокинеза или телепатии.

Этот запрет сродни тому защитному механизму, который позволяет людям не доверять заведомо невероятной информации. Представьте, что однажды ваши любимые домашние тапочки вдруг произнесли: «Доброе утро!» Несмотря на непосредственную данность вам этого высказывания, вы все равно не поверите, что тапочки разговаривают: вы начнете искать магнитофон, который, чтобы разыграть вас, кто-нибудь из близких прикрепил к вашим тапочкам, или решите, что ослышались, а может быть, даже задумаетесь о своем психическом здоровье. В подавляющем большинстве случаев такой защитный механизм, возведенный в

ранг методологического запрета, продуктивен тем, что предохраняет ученых от заведомых ошибок, не позволяя им увлекаться фантомами. Так, при статистической обработке именно опора на этот запрет дает право отбрасывать как недостоверные те данные, которые сильно отклоняются от остальных. Правда, в реальной жизни описанный защитный механизм мешает видеть чудеса. Аналогично и указанный методологический запрет может замедлять развитие науки, поскольку он запрещает рассматривать неожиданные явления как реальные и тем самым способен затормозить принятие научным сообществом открытий в науке. Подобные случаи встречались в истории: в свое время с легкой руки А. Лавуазье Французская академия наук объявила, что камни не могут падать с неба, потому что — вот она опора на наличную систему знаний — небесный свод не сделан из камня; тут же многие музеи поспешили избавиться от метеоритов. Другой пример: в течение двух десятков лет первобытные росписи в пещерах объявлялись подделками, так как ученые не могли объяснить, почему в темноте пещеры вместе с рисунками не сохранилась копоть от факелов, и т. п. И все же в большинстве случаев опора на этот запрет вполне разумна.

Проблема выбора

Выбор конкретного факта для его научного описания не может быть предопределен фактом самим по себе. Любое непосредственно наблюдаемое явление еще не является научным фактом. Вот, например, на столе лежит книга. Это непосредственно

наблюдаемый факт. Он, разумеется, не противоречит наличному научному знанию. Такая банальность может всерьез подлежать описанию в научном тексте разве лишь в качестве иллюстрации, поясняющего примера — кстати, именно в этом качестве он только что и был приведен. Конечно, как известно из дидактики, использование наглядных примеров весьма полезно, так как обычно позволяет читателю лучше понять сказанное. Поэтому справедлив дидактический вариант принципа наблюдаемости: *при описании любой — даже достаточно абстрактной научной конструкции — желательно пояснять ее с помощью описания непосредственно наблюдаемых фактов*. Однако очень важно иметь в виду: *заведомо очевидные исследователю (и читателю) эмпирические факты, призванные пояснять развиваемые в тексте идеи, ни в коем случае не должны рассматриваться как обоснование чего-либо. Они должны специально маркироваться в тексте как иллюстративные (ИФ)*. Дело в том, что любая теория заведомо строится так, чтобы не противоречить тривиальному жизненному опыту. Эмпирические факты, которые изначально положены в основание теории, не могут рассматриваться как обосновывающие эту теорию. Если бы кто-нибудь построил теорию «солнце не любит много спать», а из нее бы вывел, что солнце встает ранним утром, то наблюдаемый ранний восход солнца не мог бы рассматриваться как подтверждающий данную теорию. Вот, например, факт: человек перед тем, как пойти в магазин, обычно способен рассказать, что он планирует купить. Этот тривиальный факт иллюстри-

рует и концепцию А.Н. Леонтьева, и гештальттерапию Ф. Пёрлза — не случайно они оба любят приводить подобные примеры. Однако этот факт никоим образом не подтверждает этих концепций. Как им не противоречит и то, что иногда люди ходят в магазины, не имея никакого плана покупок. В практической психологии, однако, авторы сплошь и рядом из банальных иллюстративных примеров любят делать серьезные, чуть ли не теоретические выводы и тем самым умышленно или неумышленно обманывают читателей.

Более значима для развития науки ситуация, когда непосредственно наблюдаемый факт выглядит неожиданным: *он не противоречит наличной ситуации, но и прямо не вытекает из нее*. Так, сразу несколько российских психологов в 70-е гг. XX в. любили приводить такой поразивший их факт. Шахматному гроссмейстеру (иногда уточняли, что им был А. Толуш) было предложено запомнить расположение шахматных фигур на тахистоскопически предъявленной шахматной позиции. После того как позиция промелькнула на экране, гроссмейстер заявил, что он не может ни восстановить точное расположение фигур, ни даже указать их количество, но он твердо уверен, что белые выигрывают. Обратите внимание: из многого, что наверняка в процессе эксперимента говорил гроссмейстер (например, поздоровался, войдя в лабораторию), чаще приводится именно этот факт, так как именно он поразил воображение психологов. Подобные неожиданные факты играют большую роль в развитии научного знания: так, открытие новых островов всегда

обогащало географическую науку, хотя наличие этих островов не могло быть предсказано на основе существовавших географических знаний, но обычно и не противоречило им. Однако не существует способа объективной оценки степени неожиданности факта, ведь какая-то неожиданность присутствует в самом банальном утверждении. В данном контексте для читателя будет скорее всего неожиданным высказывание: $2+2 = 4$. И даже если во второй раз повторить утверждение « $2+2 = 4$ », то для читателя все равно некоторой неожиданностью стало бы то, что это утверждение зачем-то повторено. Оценка степени неожиданности всегда субъективна, поскольку связана с ожиданиями субъекта, а исследователю всегда легче увидеть то, что он ожидает. Поэтому *полученный исследователем эмпирический факт, кажущийся ему настолько неожиданным, что он хочет обратить на него внимание научного сообщества, должен специально в тексте маркироваться как неожиданный именно для автора (НФ)*. Конечно, научное сообщество может посчитать приводимый факт не слишком интересным и не обратить на него никакого внимания (поелику у каждого ученого существуют свои ожидания), но, по крайней мере, читатели этого текста поймут, что же именно самому исследователю показалось важным.

Но иногда *ученый все-таки решается на сознательный риск и предлагает обратить внимание на факт, который, как ему кажется, в корне противоречит современному научному знанию. Такой факт должен маркироваться как аномальный (АФ)*. Важно лишь понимать, что не так

много собратьев по науке будет способно рассматривать этот факт как реальный или как научный. Так, хотя известны свидетельства современников, непосредственно наблюдавших факт левитации Франциска Ассизского, сегодня мало кто примет эти описания всерьез. *Поскольку у членов научного сообщества могут возникнуть сомнения в достоверности предлагаемого АФ, исследователю, наблюдавшему этот факт, полезно указать возможность непосредственного наблюдения этого факта другими. Отсюда вытекает: желательно, чтобы были описаны процедуры, позволяющие любому исследователю наблюдать (еще лучше — самому воспроизвести) тот же самый факт*. Гипнотические явления в глазах научного сообщества вышли из разряда шарлатанства только тогда, когда стали воспроизводимы. Стоит обратить внимание: требование воспроизводимости, обычно столь сурово критикуемое психологами ввиду уникальности психических явлений, а потому якобы в психологии невыполнимое, является весьма желательным лишь в случае сомнения в достоверности факта. Действительно, если экспериментатор зарегистрировал время реакции, то не требуется дружина экспертов, проверяющих верность его регистрации (хотя иногда экспериментаторы все же ошибаются).

Проблема вычленения

Рассмотрим пример описания конкретного факта: время реакции испытуемого О.Б. на предъявление такого-то стимула — столько-то миллисекунд. Но этот же факт можно

описать иначе! Скажем, так: тако-го-то числа, в такое-то время суток (с точностью до часов? минут? секунд?), при таких-то погодных условиях (количестве осадков, атмосферном давлении, скорости ветра и пр.), в таком-то месте (характеристики влажности, температуры помещения, площадь и объем, цвет стен, количество людей в помещении и пр.), через столько-то часов после сна или еды (особо оговаривается качество еды и/или характер сновидений), через 12 лет после серьезной физической травмы, через два года после свадьбы, через 35 дней после окончания обучения с таким-то средним баллом, через два месяца после... и т. д. время реакции испытуемого № ... (пол, возраст, профессия, стаж работы, социометрический индекс, оценка психического состояния, опыт трансовых состояний, число тренировочных заданий, отношение к эксперименту, к экспериментатору, к футболу, в это время показываемому по ТВ, и т. д.) на предъявление такого-то стимула (способ предъявления, качество изображения, при использовании такого-то прибора для предъявления — фирма, год выпуска и т. п.) составило столько-то миллисекунд (оценка точности измерения прибором, погрешности считывания показания экспериментатором, погрешности набора данных в типографии и пр.) при такой-то субъективной оценке испытуемого (степень готовности к данному измерению, субъективная успешность, наличие непредвиденных обстоятельств и др.) и пр., и пр.

В самих фактах не содержится информации о том, сколь подробно надо их описывать. Необходимо при-

нять решение о том, с какой степенью подробности должен описываться факт, и это решение принимается только самим исследователем. В конце концов, мир разбивается на те или иные факты только потому, что мы так разбиваем его. Говорят, глаз человека способен различать до 7 млн. разных цветов. Но разве целесообразно всегда описывать стимул с помощью такой цветовой шкалы? Выбор конкретного описания данного факта предопределяется общим замыслом всей работы в целом. *Поэтому при изложении фактов не следует уделять места описанию таких деталей явления, которые не имеют ни теоретического, ни прагматического значения и никак далее не обсуждаются.* В тексте должны указываться только такие детали (будь то пол испытуемого, фирма-изготовитель компьютера или политическая обстановка на Северном полюсе), которые, по мнению автора, имеют значение для описываемого явления (или, при необходимости, явным образом выражают благодарность автору фирмы или погоде, позволившим провести данное исследование).

С какой точностью надо указывать время реакции — с точностью до секунды или до десятой, сотой, тысячной, миллионной долей секунды? Бессмысленно, например, приводить значения измеряемого параметра до восьмого знака после запятой, если содержательный анализ ограничивается целыми значениями. По какой шкале — трехбалльной, пятибалльной, семibalльной, столбалльной или иной — надо просить испытуемого оценить свое самочувствие или, скажем, выразить в баллах, насколько ему нравятся картины импрессионистов?

Конечно, выбор шкалы влияет на ответы испытуемых. Можно обнаружить также, что разные испытуемые по-разному работают с предложенными им шкалами. Однако сама используемая шкала всегда определяется только самим исследователем. *При выборе единицы квантования непрерывного процесса, как и при вычленении иных деталей факта, следует исходить из теоретических и прагматических соображений.*

Проблема перевода факта на язык описания

Даже простой *пересказ факта на каком-либо языке может приводить к субъективным искажениям*. Во-первых, использование языка само по себе накладывает ограничения на возможности описания. В частности, язык дискретен, а потому непрерывные процессы однозначно не описываются. Когда человек ест котлету, замечает Б. Рассел, трудно с помощью языка выразить, когда котлета перестает быть котлетой и становится частью поедающего эту котлету человека. Во-вторых, как и при обычном переводе текста с одного языка на другой, выбор используемых слов не всегда однозначен, а следовательно, нюансы описываемого явления могут в итоге подаваться и пониматься чуть-чуть по-разному. Нет в самом факте заранее заданного объективного критерия, позволяющего оценить, как лучше сказать: «испытуемый повернул голову», «испытуемый обернулся» или «испытуемый вывернул свою лысую голову и посмотрел назад». Неизбежная тенденция к сокращению записи тем более ведет к тому, что излагает-

ся интерпретация факта, а не непосредственно наблюдаемый факт. Так, когда в тексте сообщается, что испытуемый видел такой-то сон, то мы не должны забывать, что *непосредственно* экспериментатор наблюдал не сновидение, а лишь рассказ испытуемого об этом сновидении. (Аналитические философы так много сил потратили, чтобы показать важность этого различия, что вряд ли стоит его здесь подробно обсуждать.) *Всегда следует учитывать, что автор (как, впрочем, и читатель) имеет тенденцию воспринимать не сам по себе факт, а его интерпретацию, а потому автор, сделав в тексте описание непосредственно наблюдаемого явления, должен специально проверить, не внес ли он в это описание заметных искажений в сторону удовлетворяющей его интерпретации.* Выполнение этого требования в полной мере невозможно, оно опирается лишь на интеллектуальную добросовестность и интуицию автора, но исследователь должен выполнять это требование столь же непреложно, как и требование описывать действительно наблюдаемые, а не придуманные им самим явления.

Классификация явлений

Когда данных много, ученые стараются как-то их систематизировать, классифицировать. Уже даже применение статистических методов требует умения группировать данные, т. е. относить их к нескольким классам, — в противном случае гарантирована бессмысленность итоговых результатов. Отнесение к классу — это процесс заведомо субъективный, поскольку в реальности никаких

классов нет. Выбор основания для конкретной классификации — всегда дело самого исследователя, поэтому никакая классификация не может быть «объективно» лучше другой. Однако можно сформулировать критерии, по которым одни классификации предпочтительнее, чем другие. *Среди многих возможных классификаций лучше избирать такие, которые способны предсказывать существование еще не обнаруженных явлений или позволяют утверждать невозможность существования каких-то явлений, которые ранее рассматривались как возможные.* Подобные прогнозы требуют логической полноты классификации: только тогда можно твердо определить, что каждый из подлежащих классификации объектов (или явлений) принадлежит какому-либо одному классу, а также обнаружить, какие из казавшихся допустимыми явлений в принципе не могут существовать. Логическая полнота, в свою очередь, предполагает классификацию по одному основанию (при нескольких основаниях классификация должна быть иерархической, где на каждом уровне иерархии используется одно основание), причем желательно, чтобы признак, по которому происходит группировка объектов в один класс, изменялся дискретно, а не непрерывно. Самым удобным является дихотомическое деление (наличие или отсутствие указанного признака). На сегодня в психологии логически полных и при этом прогностических классификаций не существует, да и в других науках такие классификации чаще всего являются не результатом эмпирического обобщения, а следствием теоретических построений.

Показательное и чуть ли не единственное исключение — периодическая система элементов Д.И. Менделеева.

Осмысленность классификации придает также ее прагматическая направленность. Так, болезни могут различаться по способам их лечения, психологические услуги — по способам воздействия, а психические явления — по экспериментальным процедурам их получения. Как ответить на вопрос: к одному или разным классам относится психологическая работа с детьми старшего дошкольного и младшего школьного возраста? Если технология этой работы одинакова, то из прагматических соображений ее стоит отнести к одному классу, если нет — к разным, причем признание технологии одинаковой само по себе тоже субъективно и носит чаще всего конвенциональный характер. В психологии *наиболее употребительны дидактические классификации, призванные упростить изложение разрозненных фактов.* Так появляются, например, классификации *психических процессов*, не имеющие понятного теоретического смысла, хотя зачастую с их помощью удобно излагать студентам большую совокупность фактов. К сожалению, в психологии разговор о классификациях, построенных из дидактических соображений, часто и напрасно именуется теоретическим. *Ни дидактические, ни прагматические классификации не могут трактоваться как теоретические построения.*

Классификации предназначены для единообразного описания разных групп объектов, для выработки в научном сообществе единой системы

названий и единых условных обозначений. Поэтому *очень важно, чтобы признаки отнесения к классу трактовались однозначно, наиболее предпочтительно, чтобы они были наглядны или, по крайней мере, чтобы их наличие или отсутствие определялось операционально*. Было бы совсем хорошо, если бы выделялись существенные (с точки зрения научного сообщества) признаки. Однако существенные признаки не всегда наглядны. Так, естественная квалификация животных, казалось бы, должна исходить из их внутреннего строения, однако, согласно требованию наглядности, лучше их классифицировать по внешнему виду. Отсюда возникает еще одна задача классифицирования — установление связей между непосредственно наблюдаемыми и иными признаками. Если такие связи установлены, то классификация позволяет диагностировать непосредственно не наблюдаемые признаки по наблюдаемым проявлениям.

Говорят, в сегодняшней психологии 95% исследований посвящено выявлению корреляционных зависимостей. Во многом это связано как раз с задачей диагностики. Психологи активно ищут «значимые связи», не всегда отдавая себе отчет в том, что же именно они находят. Статистически достоверным обычно признается наличие связи при вероятности ошибки в 5% (конвенциональная договоренность среди психологов, как и среди представителей многих других — хотя и не всех — наук). Это значит, что утверждение о наличии или отсутствии связи в пяти случаях из ста заведомо ошибочно. Допустим, что изучается связь 20 личностных пара-

метров с пятью разными показателями эффективности какой-либо деятельности, т. е. вычисляется 100 коэффициентов корреляции. Допустим также, что обнаруживается 10 значимых коэффициентов (на уровне $p < 0.05$). Можно ли, основываясь только на этих данных, сделать какой-нибудь содержательный вывод? Нет. Ведь пять из этих коэффициентов корреляции, возможно, признаны значимыми или незначимыми ошибочно, к тому же — и это самое страшное — неизвестно, какие именно. *Выявление статистически значимых коэффициентов в корреляционной матрице может являться только основанием для выдвижения гипотезы, которую надо еще независимо проверить в дополнительном исследовании.*

Значения коэффициентов корреляции в психологических исследованиях почти никогда не достигают 0.7–0.8, разве лишь при ретестировании, если тест достаточно надежен. Это значит, что даже в этом самом благоприятном случае наличием связи объясняется всего лишь 50–60% получаемого разброса данных. (Более высокие значения коэффициента корреляции получаются, наверное, только тогда, когда переменные заведомо строго детерминированно зависят друг от друга, например, при исследовании связи возраста школьников, определяемого как прямо, так и косвенно (скажем, размером обуви), со сложностью решаемых ими математических задач.) При значении коэффициентов 0.2–0.3 (достаточно часто встречающимся в психологических публикациях) наличием связи объясняется уже только примерно 4–9% общей дисперсии.

Пусть сопоставляются результаты двух тестов, измеряющих, по предположению, одно и то же (экстраверсию или полезависимость — не важно). Можно ли считать, что два метода действительно измеряют одно и то же? Из самих значений коэффициентов (тем более из оценки их достоверности) ничего нельзя ни утверждать, ни отрицать. Вполне вероятно, что рост и вес человека лучше коррелируют друг с другом, чем реальные результаты измерения с помощью двух наших тестов. Но из этого не следует, что рост и вес тождественны друг другу. Аналогично нет никаких эмпирических оснований считать, что какие-либо два теста измеряют или, наоборот, не измеряют выбранное свойство. *Ни классификация данных, ни утверждение о наличии или, наоборот, об отсутствии связи, ни тем более утверждение о тождественности чего-либо с чем-либо не могут быть обоснованы только статистическим анализом.* Поэтому, в частности, психодиагностические методы должны статистически *подтверждаться*, но не могут возникать в результате статистических расчетов.

Эмпирическое обобщение данных с помощью методов математической статистики

Если непосредственно наблюдаемых данных много, то обычно в публикациях они сводятся к обобщенным показателям. Для компактного изложения, как правило, используются методы статистической обработки информации. Многие психологи применяют эти методы и ничтоже сумняшеся полагают, что раз

они математически обоснованы (вообще говоря, это уже не совсем верно: «чистые математики» обычно не считают полностью корректными методы прикладной статистики, — но не будем вдаваться в подобные тонкости), то получаются вполне объективные результаты, достойные публикации. Однако это не так. Результат любой статистической обработки данных есть лишь только, простите за тавтологию, результат статистической обработки данных, и ничего больше. Никакой другой ценности он не имеет. Мы приписываем ему ценность только с помощью содержательной психологической интерпретации, но эта интерпретация сама по себе в статистических оценках не содержится и даже не подразумевается. Чем сложнее применяемые методы математической статистики, тем больше субъективизма вносится в интерпретацию полученных результатов. Однако и самые простые вычисления (средних величин, корреляционных зависимостей и пр.) далеко не всегда имеют смысл, даже если математический аппарат применен вполне корректно. Вот стоят рядышком принц и нищий. Принц владеет королевством, а у нищего вообще ничего нет. Сколько в среднем приходится на каждого из них? По половине королевства? Но ведь это ответ, не имеющий никакого отношения ни к принцу, ни к нищему. Это все равно, что определять количество еды в год, потребляемое в среднем слоном и колибри вместе.

В табл. 1 приводится более тонкий и реальный пример, который поначалу производит шокирующее впечатление (см.: Ганеев, 2001, с. 32).

Таблица 1

Таблица смертности от туберкулеза в Нью-Йорке и Ричмонде в 1910 г.

Город	Показатель	Всего	Белая раса	Другие расы
Нью-Йорк	население — число человек	4 766 883	4 675 174	91 709
	число смертей от туберкулеза	8 878	8 365	513
	процент умерших от туберкулеза	0.186	0.179	0.559
Ричмонд	население — число человек	127 628	80 895	46 733
	число смертей от туберкулеза	286	131	155
	процент умерших от туберкулеза	0.224	0.162	0.332

Внимательно приглядитесь к числам. Вероятность умереть от туберкулеза в 1910 г. в целом для всего населения (состоящего из разных рас) в Нью-Йорке меньше, чем в Ричмонде. Однако по отдельности и для представителей белой расы, и для представителей других рас вероятность умереть от туберкулеза в Нью-Йорке больше, чем в Ричмонде. Таким образом, белому лучше жить в Ричмонде, цветному — тоже в Ричмонде, а вот любому человеку, если не обращать внимания на его расовую принадлежность, лучше жить в Нью-Йорке. Полная абракадабра! Сомневающиеся могут проверить расчеты — все данные для этого приведены. Вот что может происходить, когда статистические параметры пяти миллионов белых жителей Нью-Йорка объединяют со статистическими параметрами ста тысяч его черных жителей и вдобавок сравнивают с параметрами, характеризующими население небольшого по численности

города с другим соотношением численности жителей разных рас.

Самое печальное, что не существует способа, позволяющего надежно определить, когда усреднение имеет смысл, а когда — нет. В анекдотах справедливо издеваются над «средней температурой по больнице», хотя из общих соображений результаты измерения температуры могут быть отнесены к одному классу. Проблема принятия решения об осмысленности вычисления средней (тем более любых других статистических показателей) всегда актуальна. Как, например, оценить, можно ли усреднять кривые научения у разных испытуемых, если у каждого испытуемого они заведомо индивидуальны? *Осмысленность вычислений статистических параметров не определяется используемыми математическими методами, правомерность применения математического аппарата должна специально содержательно обосновываться и проверяться.*

Статистически достоверные результаты лишь дают основание выдвинуть гипотезу, обобщающую эмпирические данные (корректное статистическое высказывание выглядит так: дают основание не отбрасывать ее), но они не могут рассматриваться как доказательство истинности этого обобщения. Психологи в глубине души это понимают, не случайно они любят повторять известную фразу о статистических вычислениях в социологии и экономике: есть ложь, наглая ложь и статистика,— но к собственным статистическим изысканиям относятся с далеко не всегда оправданным священным трепетом. Однако *любое содержательное утверждение о результате статистического анализа данных, любое эмпирическое обобщение, полученное в результате статистической обработки данных, является внеэмпирической интерпретацией и потому всегда должно независимо проверяться.*

При желании, имея достаточно большой набор данных, практически всегда можно получить какие-нибудь статистически «значимые» результаты. Для этого достаточно, например, по-разному сгруппировать данные. Там, где один исследователь не находит никакой связи, другой, обрабатывая эти же данные, вполне может ее обнаружить, если, скажем, разделит испытуемых по полу, возрасту, росту, дате рождения, экстраверсии, уровню притязаний, критической частоте мельканий, политическим предпочтениям и т. д. Ну а если и это не поможет, то можно выделить в отдельную группу тех испытуемых, кто дает наиболее точные и/или быстрые ответы, кто более или менее уверен в правильности своих действий

во время измерения и т. п. А ведь еще можно пренебречь «мелкими» различиями в данных и объединить их в одну группу или, наоборот, отбросить сильно отклоняющиеся данные, например, те, которые были получены слишком ранним утром или слишком поздним вечером, и пр. Наконец, одни и те же данные можно обрабатывать самыми разными статистическими методами. Не обнаруживается линейная корреляция — не беда, можно посчитать нелинейную. Нет разницы в средних арифметических — поищем разницу в моде, медиане, дисперсии и т. п. Дабы избежать произвола, *алгоритм обработки данных должен быть фиксирован до того, как получены сами данные. Если же по ходу обработки выясняется, что переход к другому алгоритму приводит к желательным результатам, то тогда надо фиксировать новый алгоритм и ко всем новым данным далее применять уже только его.* Впрочем, если с помощью выбранного алгоритма получены какие-либо значимые результаты, то далее уже можно применять и другие алгоритмы (разбивать выборку на подвыборки и т. д.).

Следует иметь в виду, что чем сложнее расчеты, чем тоньше статистические техники, тем произвольнее интерпретация полученных результатов. Поэтому *при эмпирическом обобщении данных из всех способов статистической обработки лучше начинать с самого простого.* Пусть вы ожидаете, что в двух попарно идущих рядах значений (например, измерение времени реакции до употребления алкоголя и *после*) значения первого ряда будут в среднем меньше, чем второго. Тогда вначале

применяйте простейший критерий, рассчитывая процент пар, в которых время реакции *до* будет меньше, чем время реакции *после* (критерий знаков). Если с помощью этого критерия совсем ничего не видно (результат близок к 50%), то обычно бессмысленно применять более сложный аппарат. Но если результат заметен, но не достигает статистически достоверного уровня, перейдите к критерию Уилкоксона, который учитывает не только знак разницы значений в первом и втором ряду, но и величину этой разницы. Если результат еще более приблизился к выбранному уровню достоверности, но все еще его не достиг и если вы уверены, что ваши ряды соответствуют нормальному распределению (чего, кстати, в психологических исследованиях, как правило, никогда не бывает) или, по крайней мере, какому-нибудь симметричному распределению, то применяйте критерий Стьюдента, учитывающий разброс данных. И т. д. *Правила последовательного усложнения алгоритма обработки данных тоже надо фиксировать заранее.* Методы статистического анализа данных — это средство, помогающее психологу в его творческой работе, а отнюдь не универсальный способ обобщения эмпирических данных, *сам по себе* приводящий к получению содержательных и объективных результатов. Использование этого средства, таким образом, всегда опирается на субъективные решения исследователя.

Установление эмпирических законов

Иногда эмпирическое обобщение может быть выполнено в виде всеоб-

щего утверждения; при этом обычно используются ключевые слова «всегда» или «часто». Например: «Луна на горизонте *всегда* кажется больше, чем когда она находится высоко в небе» (иллюзия луны). Вот пример более мягкой формулировки: «Если первое впечатление от человека в целом благоприятно, то *часто* все, что бы в дальнейшем ни сделал оставивший такое впечатление человек, начинает переоцениваться в лучшую сторону» (эффект ореола). Бывает, что ключевые слова лишь подразумеваются. Тогда формулировка может выглядеть, скажем, так: «Если испытуемый должен на предъявленное ему слово называть слово, ассоциирующееся с ним, то чем привычнее, стандартнее его ответ на это слово, тем короче время реакции» (закон Марбе). Подобного рода эмпирические обобщения часто называются эффектами (автокинетический эффект, эффект Петерсонов, эффект психического пресыщения и пр.), феноменами (феномен Струпа, феномен константности, фи-феномен и др.), законами (законы гештальта, закон перцепции Ланге и т. п.). Этими словами сообщается о том, что *в подавляющем большинстве случаев* или даже *во всех* исследованных случаях наблюдается отмечаемое явление. Наверное, стоит закрепить за подобными явлениями один какой-либо термин, например, термин «эффект». А слово «феномен» тогда целесообразнее относить к достаточно редким явлениям — например, явлениям феноменальной памяти, абсолютного слуха и т. д. Термин же «эмпирический закон», пожалуй, лучше применять к таким эффектам, которые описываются в виде формализованной

или хотя бы квазиформализованной зависимости. К формализованным относятся законы, прямо включающие в свою формулировку математическую формулу: закон Фехнера, который говорит о логарифмической зависимости величины ощущения от интенсивности раздражения, или закон Йеркса—Додсона о параболической (перевернутой U-образной) зависимости между уровнем активации и эффективностью деятельности и пр. К квазиформализованным законам можно отнести закон Эббингауза: число предъявлений, необходимых для заучивания ряда знаков, растет гораздо быстрее, чем объем этого ряда. Слова «гораздо быстрее» не выражены ясной математической зависимостью, но допускают, что такая зависимость может существовать. Не случайно в течение ста лет предложено несколько разных, хотя до сих пор и не очень удачных вариантов формализации этого закона.

Следует помнить, что через множество точек всегда можно провести бесконечное число кривых, а значит, и вывести огромное количество разных эмпирических зависимостей, описывающих один и тот же набор данных. Исследователи обычно заранее ограничиваются простейшими зависимостями (линейными, экспоненциальными, логарифмическими, параболическими и т. д.). Отмечу, что сама ориентация на выбор простейших кривых является вполне разумной, но тем не менее внеэмпирической, так как она никак не может быть обоснована опытным путем. К тому же с помощью одновременного варьирования несколькими коэффициентами (константами) любые эмпирические данные можно с

достаточной статистической достоверностью подогнать к почти любой математической кривой. В частности, поэтому *индивидуальные константы могут определяться из эмпирического закона только после того, как сам закон обоснован в общем виде.*

Выведение эмпирического закона, как и любое другое эмпирическое обобщение данных,— это лишь способ компактного описания данных, ничего не говорящий о природе описываемых явлений. Именно поэтому необходимы другие стадии исследования — стадии интерпретации данных, стадии построения и проверки гипотез, стадии теоретического описания. На каждой из этих стадий существуют свои правила игры, или методологические принципы.

Эмпирические исследования сами по себе не приводят к построению теорий, но без эмпирических данных хорошие теории никогда не могут быть придуманы. Плохо лишь, что эмпирические исследования обычно рядятся в одежду объективности. Из-за этого выявление субъективных компонентов таких исследований очень трудно осуществить. Мы не обманываем сами себя, как утверждают некоторые психологи, претендуя в своих исследованиях на объективность. Просто мы никогда не можем полностью избавиться от субъективизма. Это и образует вечную интригу научного поиска. Научное знание не может быть абсолютно истинным, но при этом только научное знание было, есть и будет самым достоверным знанием на свете — прежде всего потому, что оно опирается на факты, не зависящие ни от желаний, ни от воли самих ученых.

В качестве резюме выпишу те положения, которые, на мой взгляд, вполне подходят для **текста методологического манифеста**.

1. Научная деятельность — это субъективная деятельность человека, направленная на поиск истины. Проявления субъективизма следует учитывать, а не скрывать. Чем яснее субъективная составляющая будет представлена в научных текстах, тем лучше этот текст будет пониматься и оцениваться.

2. Реальность подлежит логически непротиворечивому описанию, но само это описание должно обязательно проверяться опытным путем. Опора на опыт вселяет уверенность, что научное знание, всегда содержащее субъективную составляющую, содержит и составляющую объективную.

3. Противоречивый текст недопустим в науке, ибо он совместим с любым высказыванием, а потому из него можно вывести все что угодно. Нельзя признавать одновременно верными теоретические конструкции, исходные положения которых противоречат друг другу. В частности, не могут быть одновременно верными бихевиоризм, психоанализ, теория деятельности, когнитивизм, гуманистическая психология и пр. Это не разные (а потому, мол, допустимые) описания одних и тех же явлений, а заведомо ошибочные описания, в лучшем случае за исключением какого-либо одного подхода.

4. Авторам следует указывать в своих текстах, к какой стадии научного исследования они относят то или иное сделанное утверждение и насколько описываемые ими данные соответствуют имевшимся у них до

начала исследования ожиданиям, а редакторам при публикации текстов следует сохранять приводимую исследователями маркировку.

5. Заведомо очевидные исследователю (и читателю) эмпирические факты, призванные пояснять развиваемые в тексте идеи, должны специально маркироваться в тексте как иллюстративные. Полученный же исследователем эмпирический факт, кажущийся ему настолько неожиданным, что он хочет обратить на него внимание научного сообщества, также должен в тексте специально маркироваться.

6. Если непосредственно наблюдаемый факт противоречит наличной системе научного знания, то его непосредственная наблюдаемость или вообще отрицается, или должна ставиться под сомнение до тех пор, пока не будет указано, либо как совместить этот факт с имеющимися знаниями, либо как изменить наличную систему научного знания. Если ученый все-таки решает на сознательный риск и предлагает обратить внимание на факт, который, как ему кажется, в корне противоречит наличному знанию, то он должен маркировать такой факт как аномальный.

7. При изложении фактов не следует отводить место описанию таких деталей явления, которые не имеют ни теоретического, ни прагматического значения и никак далее не обсуждаются. Выбор единицы квантования и вычленение иных деталей факта предполагает явное или подразумеваемое указание на соответствующие теоретические или прагматические соображения.

8. Автор должен специально проверять, не внес ли он в описание

непосредственно наблюдаемого явления заметных искажений в сторону удовлетворяющей его интерпретации. Выполнение этого требования в полной мере невозможно, оно опирается лишь на интеллектуальную добросовестность и интуицию автора. Однако исследователь должен выполнять это требование столь же непреложно, как и требование описывать действительно наблюдаемые, а не придуманные им самим явления.

9. Среди многих возможных классификаций лучше избирать такие, которые способны предсказывать существование еще не обнаруженных явлений или позволяют утверждать невозможность существования каких-то явлений, которые ранее рассматривались как возможные.

10. Ни классификация данных, ни утверждение о наличии или, наоборот, об отсутствии связи, ни, тем более, утверждение о тождественности чего-либо с чем-либо не могут быть обоснованы только статистическим анализом. Выявление статистически значимых коэффициентов в корреляционной матрице является только основанием для выдвижения гипотезы, которую надо еще независимо проверять в дополнительном исследовании.

11. Осмысленность вычислений статистических параметров не опре-

деляется используемыми математическими методами, правомерность применения математического аппарата должна специально содержательно обосновываться и проверяться. Поэтому, в частности, психодиагностические методы должны статистически подтверждаться, но не могут возникать в результате статистических расчетов.

12. Любое содержательное утверждение о результате статистического анализа данных, любое эмпирическое обобщение, полученное в результате статистической обработки данных, является внеэмпирической интерпретацией и потому всегда должно независимо проверяться.

13. Алгоритм обработки данных должен быть фиксирован до того, как получены сами данные. Если же переход к другому алгоритму приводит к более качественным результатам, то следует фиксировать новый алгоритм и ко всем новым данным далее применять уже только его. При эмпирическом обобщении данных из всех способов статистической обработки лучше начинать с самого простого. Правила последовательного усложнения алгоритма обработки данных надо тоже фиксировать заранее.

14. Индивидуальные константы могут определяться из эмпирического закона только после того, как сам закон обоснован в общем виде.

Литература

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. Экспериментальная психология. СПб.: ДНК, 2000.

Аллахвердов В.М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб.: ДНК, 2001.

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.

Ганеев Б. Парадокс. Уфа: БГПУ, 2001.

Джеймс У. Введение в философию. М.: Республика, 2000.

Выступления участников дискуссии

ОБХОДНОЙ МАНЕВР

А.И. ВАТУЛИН

Ватулин Александр Иванович — ректор Санкт-Петербургской акмеологической академии, кандидат педагогических наук. Автор ряда публикаций по проблемам акмеологии и функционирования педагогических систем.

Контакты: rector@akme.edu.ru

Резюме

В работе рассматривается актуальнейшая для психологии проблема — быть или не быть «методологическому анархизму», который позволяет различным теоретическим концепциям существовать независимо друг от друга и, более того, исключать другие направления, не замечать или отрицать те или иные результаты, полученные в результате многовекового накопления знаний. Автор подчеркивает несуразность подобной полифонии для психологии, если ее рассматривать как науку, а не как средство манипулирования ментально-лингвистическими конструкциями в целях достижения коммерческих, политических и иных амбициозных результатов. Основное внимание акцентировано на концепции В.П. Бранского и основных положениях его теории.

Научное исследование в самом широком смысле этого слова есть таковой вид деятельности, при котором субъект исследования через посредство средств исследования взаимодействует с изучаемым объектом; при этом перед исследователем возникают три базовых вопроса (проблемы): *что* изучать, *как* изучать и *для чего* изучать?

В опубликованных ранее работах В.М. Аллахвердов (2000; 2003) в провокационном, на наш взгляд, стиле пытался вызвать дискуссию среди коллег о предмете психологии (что изучаем). Результат был неожиданным, прежде всего, видимо, для самого автора: сообщество отреагировало оглушительной тишиной. Трудно ломать стереотипы, сформированные

годами, с которыми удобно и безопасно жить. Проще и почетней заниматься изобретением собственной терминологии, с личной феноменологией больше шансов вписать свое имя в историю, приобрести последователей. Сколько значимости, таинственности и красоты в словах — самоактуализация, эмотивность, архетип, Я-концепция и т. п.!

Если не получается обсуждения предмета психологии, неугомонный В.М. Аллахвердов решает двигаться обходным путем. Давайте, предлагает он, договоримся о том, как изучать «что-то» в психологии, по каким правилам. В результате такой дискуссии, по его замыслу, должен сформироваться методологический манифест психолога.

Этот путь не менее тернист, чем предыдущий. Современный «методологический либерализм» (термин А.В. Юревича), на наш взгляд, уже давно приобрел черты научного анархизма, что заставило ученых в спешном порядке выступить в защиту самого научного знания.

В 2002–2003 гг. в разных изданиях появились требования ученых, и петербургских в частности, определиться с основными принципами научного мировоззрения (Аллахвердов, 2003; Бранский, 2003; Зимичев, 2002). Наиболее емко, на наш взгляд, они представлены в изложении петербургского философа В.П. Бранского.

Чтобы знание считалось научным, полагает он, оно не должно противоречить следующим принципам:

1) объективности (признание существования до, вне и независимо как от индивидуального, так и от коллективного человеческого созна-

ния некоторой *объективной* реальности);

2) наблюдаемости (составленность этой объективной реальности из *принципиально наблюдаемых* — прямо или косвенно, актуально или потенциально — объектов);

3) детерминизма (подчинение всех проявлений объективной реальности каким-то *закономерностям*);

4) познаваемости (возможность *адекватного* отражения любых явлений и любых законов в соответствующих субъективных образах, наглядных представлениях или абстрактных понятиях);

5) рациональности (оперирование любыми понятиями в границах их применимости с соблюдением *законов логики*);

6) эмпирической проверяемости (возможность на основании любых теорий, относящихся к объективной реальности, *предсказаний*, допускающих прямую или косвенную практическую проверку);

7) осмысленности человеческого существования (*закономерный* характер происхождения и развития человека и человечества в результате самоорганизации объективной реальности, существовавшей до человека и человечества).

Эти принципы, вообще говоря, подвержены развитию и обобщению. Их модификацией являются принципы, предлагаемые А.М. Зимичевым (применимости, объективации, коммуникативности, контролируемости) и В.М. Аллахвердовым (рациональности, редукции, идеализации, простоты, независимой проверяемости). Однако модификацию любого из указанных выше принципов не следует смешивать с отказом

от соответствующего принципа вообще. Например, отказ от лапласовского детерминизма не означает отказа от детерминизма вообще, а отказ от аристотелевской логики — отказа от логики вообще.

Несмотря на конвенциональный характер таких принципов, появляется некий рубеж защиты от ненаучных и псевдонаучных фактов и теорий.

В.М. Аллахвердов предлагает изучать психологию, следуя методологии естественных наук. Его деление наук на эмпирические, естественные и гуманитарные (Аллахвердов, 2003), на наш взгляд, не совсем правомерно, так как при классификации наук должно быть выдержано единое основание деления. Подобная классификация может быть интерпретирована следующим образом: под эмпирическими науками, вероятно, подразумеваются описательные науки (например, ботаника и зоология). С этой точки зрения науки можно делить на описательные, объяснительные и предсказательные. Если же говорить об эмпирических науках, то такие науки опираются на эмпирические данные. И гуманитарные, и естественные науки относятся к эмпирическим наукам. Первые изучают феномены человека и его деятельности, вторые — природу и мир, в которые человек входит как составная часть. Допустимо также деление на эмпирические и теоретические (опирающиеся не на факты, а на модели, например, математика). Таким образом, психологию можно считать и гуманитарной, и эмпирической наукой.

Необходимость разрабатывать методологию вытекает из ответа на тре-

тий из вопросов, указанных выше: *для чего* изучать, в чем цель и смысл научной деятельности? Естественный ответ на него: цель и смысл — в поиске и открытии истины. Хотелось бы подчеркнуть: абсолютной истины как некоего идеала, стремление к которому бесконечно. Этот путь проходит через открытие большого числа относительных истин, в роли которых выступают объективные законы. Цель любой науки, и психологии в частности, состоит в открытии объективных законов. На это же обращает внимание А.В. Юревич: «Исследовательской психологии... надо научиться не столько добывать, сколько правильно вычленять и оформлять знание. Это предполагает, во-первых, умение распознавать психологическое знание и закономерности, растворенные в обыденном опыте, во-вторых, оформление знания именно как научного, т. е. в виде законов, закономерностей и законоподобных утверждений, а не в виде описаний психологической феноменологии и корреляций между ее локалами» (Труды Ярославского методологического семинара, 2003).

Для достижения наибольшей продуктивности и избежания ошибок в этой «законопоисковой» деятельности необходима методология. Методология является определенным канонем, сводом правил и требований, которым должен следовать ученый, проводящий исследования.

Исследование как взаимодействие субъекта с изучаемым объектом при помощи средств исследования состоит из ряда операций (познавательных процедур). Главная трудность заключается в выяснении основных *закономерностей*, которым

подчиняются эти процедуры. Такое метаисследование (исследование процессов исследований) проведено уже упоминавшимся нами В.П. Бранским на базе физики (Бранский, 2003). Содержание и выводы этой работы могут послужить основой для составления методологического манифеста, поэтому позволим себе подробнее остановиться на основных положениях.

Чтобы уловить основную закономерность в чрезвычайно сложной картине деятельности многих тысяч научных работников, предложено подойти к анализу научной деятельности с точки зрения *принципа развития* (последовательного перехода от более простых форм исследования к более сложным).

Такой подход позволяет не только определить познавательные процедуры (и их результаты), которые совершает исследователь при построении новой истинной теории, но и установить естественную последовательность процедур, учитывающую развитие исследования. В.П. Бранский полагает, что познание объективных законов данной предметной области проходит следующие основные стадии:

- 1) эмпирическое исследование;
- 2) нефундаментальное теоретическое;
- 3) умозрительное;
- 4) фундаментальное теоретическое.

Конечная цель исследования заключается в раскрытии сущности наблюдаемого класса явлений. Предварительным условием объяснения явлений служит их описание. Эту задачу решает эмпирическое исследование, и потому научное исследование должно начинаться именно с

него. Объяснение, однако, может даваться двумя существенно различающимися способами — с помощью старого и с помощью нового знания. Поэтому теоретическое исследование бывает двух существенно отличающихся друг от друга типов: то, которое позволяет достичь объяснения нового эмпирического знания с помощью старого теоретического знания (нефундаментальное теоретическое исследование), и то, которое достигает этой цели лишь с помощью *нового* теоретического знания (фундаментальное теоретическое исследование). Поскольку принципиально новое теоретическое знание не может быть получено ни путем индуктивного обобщения опытных данных, ни путем дедуктивного вывода из старого теоретического знания, приходится для его построения прибегать к помощи творческого воображения, т. е. к умозрительным комбинациям (фантазии, догадке, «интуиции» и т. п.) и отбору.

Иногда принято выделять в процессе исследования только две стадии — эмпирическую и теоретическую. Однако анализ истории науки, проведенный В.П. Бранским, показывает, что при таком подходе не только смешиваются два существенно различных вида исследования (нефундаментальное и фундаментальное теоретическое), но и теряется основное промежуточное звено между эмпирическим и теоретическим исследованием — умозрительное, вследствие чего становится непонятным сам переход от эмпирического исследования к теоретическому.

Рассматривать умозрение как составную часть теоретического исследования нельзя, считает В.П. Бранский,

потому что в таком случае останется непроясненным характер взаимоотношения между разными стадиями научного исследования вообще. Целью эмпирического исследования является как можно более точное описание опытных данных, относящихся к изучаемой предметной области. Оно прочно стоит на почве фактов. Напротив, умозрительное исследование стремится выйти за рамки известных опытных данных, так сказать, «порвать» с фактами и уйти в мир подчас необузданной фантазии. Нетрудно заметить, что цель умозрительного исследования прямо противоположна цели эмпирического. Фундаментальное же теоретическое исследование ставит своей задачей *согласовать* результаты обеих стадий, т. е. преодолеть глубокое противоречие, существующее между ними. Из сказанного ясно, что, вопреки традиционному представлению, эмпирическому исследованию противоположно исследование не теорети-

ческое, а умозрительное. Именно по той причине, что у умозрительного и теоретического исследования разные цели, первое не может быть «составной частью» второго. Стадии эмпирического и умозрительного исследования являются подготовительными этапами для теоретического.

Обратим теперь внимание на то, что принцип развития применим не только к научному исследованию в целом, но и к каждому его этапу в отдельности. Это значит, что каждое из предложенных четырех видов исследования представляет собой цепочку специфических и притом закономерно усложняющихся процедур.

В.П. Бранский настаивает на обязательной последовательности этих стадий, т. е. на недопустимости перехода к нефундаментальной теоретической стадии без завершения эмпирической.

Рассмотрим подробнее эту стадию, которая, в свою очередь, состоит из следующих процедур (табл. 1):

Таблица 1

№	Наименование процедуры	Содержание процедуры
1	Наблюдение	Оно может быть пассивным (когда объект воспринимается в естественных условиях, определяемых природой) или активным (когда объект воспринимается в искусственных условиях, определяемых исследователем). Активное наблюдение принято называть реальным экспериментом. Результатом наблюдения является чувственный образ (ощущение или восприятие). Так как развитое наблюдение имеет не только качественную, но и количественную сторону («измерение»), то его результатом является количественно определенный образ, т. е. отображение некоторой физической величины (имеющей в зависимости от выбора единицы измерения ту или иную числовую характеристику, например, 5 мс).

Таблица 1 (продолжение)

2	Поиск и формулировка эмпирического факта	Идеальный исследователь, использующий идеальные средства, не допускает в процессе измерения промахов или систематических ошибок; случайные же ошибки он исключает путем статистической обработки результатов измерений. Результатом последней процедуры является следующее статистическое резюме: $\alpha \pm \Delta \alpha$, где $\Delta \alpha$ – погрешность измерения, например $(5 \pm 0.1 \text{ мс})$. Это резюме и составляет содержание понятия «эмпирический факт». Последний выражается на естественном языке с помощью протокольного высказывания, например, такого: «Время реакции на раздражитель в условиях данного эксперимента равно $(5 \pm 0.1 \text{ мс})$ ».
3	Поиск регулярности	Дальнейший прогресс исследования невозможен без сравнения полученного факта с другими фактами. Поэтому исследователь приступает, повторяя измерения и их статистическую обработку, к накоплению фактов. Накопление фактов приводит к обнаружению между ними повторяющейся зависимости. Эту зависимость обычно называют «регулярностью».
4	Эмпирический анализ	Выделение этой регулярности в чистом виде путем отвлечения от неповторяющегося.
5	Эмпирический синтез	Распространение регулярности на более широкую предметную область, нежели наблюдаемая (индукция).
6	Образование эмпирических понятий	Содержание эмпирических понятий определяется совокупностью наглядных признаков, выделенных в «общем» представлении, и совершается путем описания наблюдательных процедур, с помощью которых фиксируются эти признаки — «операциональные определения».
7	Формулирование элементарного эмпирического закона	Элементарный эмпирический закон в общем виде может быть сформулирован следующим образом: если эмпирическому понятию C присущ признак $P1$ (не содержащийся в определении C), то ему присущ и признак $P2$ (также не содержащийся в том же определении). Описанный закон обладает двумя функциями: а) объяснение известных фактов и б) предсказание неизвестных. Последнее обстоятельство дает возможность проверить закон с помощью эксперимента и отделить истинный закон от ложного.

Таблица 1 (продолжение)

8	Формулирование интегрального эмпирического закона	<p>Дальнейший прогресс эмпирического исследования состоит в накоплении истинных элементарных законов и установлении зависимости между ними («интерполяция»). Результатом такой процедуры является <i>интегральный эмпирический</i> закон. Последний, как правило, уже не может быть выражен на естественном языке, поскольку для этого потребовалось бы, вообще говоря, бесконечное множество высказываний. Интегральный закон формулируется на искусственном языке с помощью математического понятия функции (графики, аналитические выражения и т. п.). Указанный закон в общем виде можно определить как зависимость между элементарными эмпирическими законами, принадлежащими к определенной совокупности.</p>
9	Формулирование фундаментального эмпирического закона	<p>Накопление интегральных законов ставит перед исследователем проблему естественной классификации этих законов. Такая классификация осуществляется с помощью фундаментального эмпирического закона. Фундаментальный эмпирический закон представляет собой, вообще говоря, некоторое уравнение, решениями которого являются интегральные законы. В более сложных случаях указанный закон может выражаться на более сложном искусственном языке, чем язык уравнений. Однако, какова бы ни была математическая структура, выражающая этот закон, известные интегральные законы должны получаться из нее как ее компоненты. В общем случае фундаментальный эмпирический закон можно определить как зависимость между интегральными эмпирическими законами, принадлежащими к определенной совокупности. Фундаментальный (как и всякий эмпирический) закон обладает функциями эмпирического объяснения и эмпирического предсказания. Однако эти функции у него более развиты: если элементарный закон объяснял и предсказывал факты, интегральный закон — элементарные законы, то фундаментальный закон объясняет все известные (в данной предметной области) интегральные законы и предсказывает (в той же области) новые интегральные законы. Истинный фундаментальный закон получается методом проб и ошибок: из множества возможных математических структур, известных исследователю из математической литературы, он выбирает такие, из которых в принципе можно получить посредством математической дедукции все известные интегральные законы.</p>

Таблица 1 (продолжение)

10	Построение феноменологической конструкции	На основе фундаментального эмпирического закона может быть построена некоторая формализованная дедуктивная система, которую В.П. Бранский называет феноменологической конструкцией. Искусственный язык этой системы (ее математический аппарат) может быть, вообще говоря, сколь угодно сложным. Степень его сложности зависит от характера той предметной области, к которой относится данная конструкция.
----	---	---

Подобные результативные операции присутствуют и в других стадиях научного исследования. На такой рациональной основе может формироваться методологический манифест.

Возможно, некоторые психологи считают, что методология психологии должна быть уникальной и неповторимой. Объект изучения в психологии гораздо сложнее, чем в физике. Однако, если не иметь четких и понятных методологических ориентиров, придется еще долго и

безрезультатно бродить в дебрях психологических концепций, теорий и классификаций.

После методологического экскурса поневоле возвращаешься к предмету психологии. Законы чего будем формулировать — психики, отражения, сознания или «функционирования внутреннего мира» (термин В.Д. Шадрикова)? Есть надежда, что дискуссия о методологическом манифесте поможет в решении и этой проблемы.

Литература

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.

Бранский В.П. Философия физики

XX века. СПб.: Политехника, 2003.

Зимичев А.М. К методологии новой отрасли психологии // Вестник политической психологии. 2002. № 1. С. 32–35.

Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1. Ярославль: МАПН, 2003.

ОДА ДЕМИФОЛОГИЗОВАННОМУ ЭКСПЕРИМЕНТУ

М.В. ИВАНОВ

Иванов Михаил Васильевич — заведующий кафедрой Петербургского государственного университета путей сообщения, доктор филологических наук, профессор.

Направления деятельности, профессиональные интересы: психология искусства, филология, культурология. Автор более 70 публикаций, в том числе «Судьба русского сентиментализма» (1996), «Конфликтология» (в соавт., 2000).

Резюме

Статья В.М. Аллахвердова позволяет найти путь к преодолению кризиса в психологии на основе более четких методологических принципов. Важнейшим моментом концепции Аллахвердова является установление правил по экспликации объективной и субъективной сторон процесса и результата конкретного научного исследования.

Позиция В.М. Аллахвердова мне представляется не просто привлекательной, но принципиальной и мужественной. Будучи психологом-теоретиком и экспериментатором, он постоянно демонстрирует необходимость анализа психологических проблем с «методологической вершины».

Кризис психологии (и не только ее) в современных условиях разворачивается на широком научном поле, превращающемся в зыбкое болото, заросшее самыми разнообразными сорняками, от которых в глазах пестрит. Во-первых, уравнены в правах все подходы к психологии, что грозит уничтожением ее как науки, имеющей свою парадигму. Пустое

философствование, откровенный мистицизм, произвольно самовыражающийся интуитивизм, психологоподобное богословие претендуют на получение своего пая в образовавшемся акционерном обществе под названием «Психологическая наука», коль скоро последовательно рациональный и безличный (объективный) подход к психическим проблемам дал сбой. Во-вторых, пропагандируется обаяние экспериментирования «впрок», когда проводятся прикладные и точно измеряемые исследования частных случаев в надежде, что в них обнаружатся не только новые феномены, но и источник теоретических прозрений. Действительно, вал эмпирических данных вызывает

в памяти призывы Паниковского пилить чугунную гирию дальше, чтобы добраться до золота, которого в ней нет.

Признать неустрашимость субъекта в экспериментальной ситуации — это значит ответить на оба вызова. По отношению к интуитивизму введение статуса субъекта научного исследования означает размежевание с произвольностью. Да, ученый декларирует свои (именно свои, личные!) цели, говорит об ожидаемом результате, четко различает стадии формирования гипотезы и ее обоснования. По отношению же к экспериментированию ради экспериментирования субъективизм ученого выступает как критика «научного фельдшеризма» (термин Л.С. Выготского) в его бедности смыслом. Чтобы стать достоянием науки, деятельность экспериментатора сперва должна быть частью его поиска личного профессионального смысла.

В.М. Аллахвердов давно разрабатывает теорию сознания в психологии. «Трагическую невидимость» сознания он стремится постигнуть в рамках естественнонаучного подхода, а потому предельно внимателен к эксперименту. Отрицая наивное ожидание, что эксперимент скажет сам за себя, В.М. Аллахвердов озабочен тем, как правильно «спросить» в эксперименте и как честно зафиксировать «ответ». «Технология эксперимента» сочетается с «этикой эксперимента». Процедуры должны быть не только грамотно организованы, но и включены в максимально объективно зафиксированный «субъективный контекст» исследователя. Я познающего выводится из привычной тени Мы — корпоративной скалы, символизир-

ующей коллективную ответственность за индивидуальное и часто произвольное истолкование как эксперимента, так и научной проблемы в целом.

Особенно наглядно самонадеянность эксперимента «самого по себе» показана в связи с математическими методами обработки его результатов. Самый критерий достоверности предполагает, что возможны и даже статистически вероятны случайные связи при многомерном сопоставлении многочисленных факторов. Значит, требуется обязательное включение статистически значимого «средства» в теоретический конструкт — с его дедуктивностью, «инсайтностью», априорной (для исследователя) убедительностью и прочими признаками субъективности (хотя бы в отношении выбора и генезиса).

По характеру своего научного воспитания я больше склонен ценить качественные, а не количественные определения (в обсуждении концепции В.М. Аллахвердова личный аспект допустим и по логическим основаниям — разрешено! — и по психологическим — стилистически привлекательно). Поэтому мне особенно убедительным кажется совет автора сперва использовать простые методы статистической обработки и лишь по мере необходимости «дотягивать» до значимых величин, прибегая к более сложным и тонким. И это правильно, что первые выглядят очевидными, а вторые — «свидетельством о бедности», хотя и достойной.

Мне представляется очень ценным, что В.М. Аллахвердов предлагает правила честного экспериментирования как основу научной самодисциплины (обуздывающего себя

субъективизма). Здесь проявляется не только суровость, но и милосердие. Если ученый столкнулся с неожиданным фактом, пусть так его и поименует — НФ! А вот появившись факт аномальный, исследователь задумается: стоит ли рисковать, объявляя АФ? Если осмелился и уверовал, обращайся к научному сообществу с обоюдоострой сенсацией. Ежели же бережешь нервы, то остановись и подумай, поищи теоретическое обоснование (как А.А. Ухтомский с его учением о доминанте). Но твердо знай, что это АФ, и не попирай классическую науку ногами за то, что она его не в состоянии «переварить».

В свое время В.М. Аллахвердов предложил интересный путь от субъекта к объекту в процессе объективирования знания. Принцип независимой проверяемости означает, что совпадение результатов обработки субъектом информации в разных (и независимых) каналах указывает как на реальность объекта — источника этой информации, так и на присущую ему структуру. В применении к эксперименту названный принцип означает удвоение процедуры. Если данные обрабатывались разными способами и только один из них дал статистически значимый результат, необходимо проверить неслучайность успешности этого способа расчета на новом эмпирическом материале. Очень нужное правило! В конце концов, не психология существует для защиты диссертаций, а диссертации для психологии. Результатов в этой науке меньше, чем деклараций об успехах диссертантов.

В тексте В.М. Аллахвердова мне один фрагмент показался неясным, один сомнительным, а один утопическим.

Неясный фрагмент. «Правила (игры – М.И.) работают по-разному в зависимости от того, какую цель преследует ученый: стремится ли он к постижению Истины, или хочет понять смысл обнаруженных явлений, или ему достаточно описать алгоритм достижения определенного эффекта». Последний из трех критериев ясен: работает технология, хотя суть процесса загадочна. Но как различить «постижение Истины» и «понимание смысла»? В чем здесь проявляется градация?

Сомнительным мне представляется отношение к классификациям как внетеоретическому методу. Как-то не верится, что системы Линнея и Менделеева сугубо дидактичны. В гуманитарных науках классификации все-таки созданы теоретиками. А в чем здесь специфика психологии?

Утопичным мне видится утверждение, что «автор, сделав в тексте описание непосредственно наблюдаемого явления, должен специально проверить, не внес ли он в это описание заметных искажений в сторону удовлетворяющей его интерпретации». Видимо, В.М. Аллахвердов имеет в виду эффект, который хорошо описал Н.В. Гоголь в «Повести о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем». В ней один из героев, желая в юридическом документе перетянуть судью на свою сторону, так ввел в текст концептуальный (оценочный) момент: «Оный дворянин (и притом гнусного вида)...» Но в современной теории текста описание чаще всего трактуется не как воспроизведение действительности, а как ее словесное конструирование (как минимум, отбор фактов, закодированных в дискретных знаках).

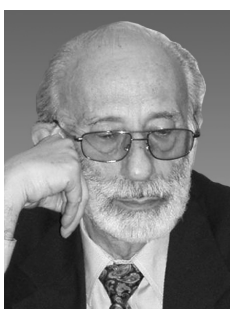
В данном случае рискну дополнить текст В.М. Аллахвердова его же убедительным замечанием, которое слышал не один раз: слишком подробное описание эксперимента, обставленного многими условиями, делает его мелким, ситуативным, замкнутым в самом себе. Мне кажется, более убедительным было бы расширение принципа независимой (т. е. двойной) про-

верки до принципа двойного описания: предложение двух синонимичных текстов, имеющих разную словесную выраженность и направленных на выявление одного фактического ядра.

Стоит сказать: когда читаешь такой манифест, то, даже не будучи экспериментатором, хочешь провести эксперимент. И обсудить: все ли правильно?

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ БЕЗ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОГО ЗНАКА

А.С. КАРМИН

Кармин Анатолий Соломонович — профессор Петербургского государственного университета путей сообщений, доктор философских наук.

Круг научных интересов: методология науки, теория познания, психология творчества, культурология. Автор 15 книг среди которых «Творческая интуиция в науке», «Познание бесконечного», и учебники «Философия», «Культурология», «Конфликтология», «Психология рекламы».

Контакты: akarmin@mail.ru

Резюме

Статья имеет дискуссионный характер. Подчеркивается необходимость разработки методологических основ психологии. Автор выступает против «постмодернистских» попыток отказа от принципов рациональности, объективности, истинности научного знания. Одной из важнейших методологических проблем является переход от теоретического плюрализма в психологии к построению фундаментальной психологической теории.

В первоначальном варианте статья Виктора Аллахвердова называлась «Рассуждение о науке психологии с восклицательным знаком». К чему сей восклицательный знак был отнесен? К науке психологии или к рассуждениям о ней? Зная скромность автора, я полагаю, что восклицательным знаком удостоена психология. Он, видимо, призван означать, что к ней мы (здесь «мы» — не только я, но и автор со всеми читателями) неравнодушны и хотим восторгаться успехами этой замечательной науки. Но, увы, этому мешают неверные и скверные методологические установ-

ки современных психологов. Поэтому надо манифестировать правильные методологические принципы и договориться следовать им в психологических исследованиях. Для начала хотя бы в эмпирических. И тогда придет время, когда мы (все мы) сможем воскликнуть: «Ах, как прекрасна наша наука психология!»

Такова, как мне кажется, ведущая идея статьи Виктора Аллахвердова, изложенная, правда, в несколько утрированном виде. Поиронизировать над ней нетрудно. Но делать из нее лишь предмет шуток было бы непростительным легкомыслием. Позиция

Аллахвердова заслуживает самого серьезного внимания, и речь он ведет о совсем не шуточных вещах.

Нельзя не заметить, что в наш просвещенный век наука, без которой его не было бы, утратила прежний престиж и стала вызывать к себе пренебрежительное и даже враждебное отношение главным образом со стороны высоколобых интеллектуалов. Не будем здесь обсуждать вопрос, почему среди людей, охотно пользующихся достижениями науки и вряд ли способных от них отказаться, распространились антинаучные настроения, — этому посвящены специальные работы. Но стоит обратить внимание на то, что центральной мишенью критических выпадов против науки является именно ее методология. Основные направления анти-сциентистской критики — это наступление на саму способность науки давать объективноистинное знание; обвинение научной методологии в антигуманизме, равнодушии к человеческим ценностям, утилитарно-техническом отношении к природе; совершенно не оправданное стремление сблизить с наукой и даже включить в нее чуждые самому ее существованию формы культуры, в том числе мифологию, религию, мистику. Подобные претензии к науке объявляются некоторыми представителями интеллектуальной элиты «требованиями эпохи», вытекающими из концепций постмодернизма, деконструктивизма и т. п. «-измов», которые провозглашаются высшими духовными достижениями современной культуры. Заодно с научной методологией подвергают остракизму рационализм и философский материализм, а свободу мысли толкуют

как дорогу к разгулу иррационализма, оккультизма. Согласно представлениям не слишком знакомых с традициями разработки методологических проблем науки ученых, место чуть ли не главного «властителя дум» почему-то заняла фигура «методологического анархиста» Фейерабенда, уверяющего, что «невежество, слепое упрямство, предрассудки, лживость не только препятствуют развитию познания, но являются его существенными предпосылками» (Фейерабэнд, 1986, с. 418). Сам Фейерабэнд — этакий Жириновский от эпистемологии, высказывания которого можно воспринимать скорее как эпатаж, чем как достойный позитивной оценки вклад в методологию науки, — относится к собственным сочинениям достаточно безответственно и не принимает их всерьез, не в пример некоторым психологам, ссылающимся на него для оправдания «либерализма» в отношении к существующей в их науке россыпи разнообразных и разностильных теорий. В настоящее время в западной литературе можно заметить признаки начинающегося разочарования в постмодернистских «дискурсах» о науке. Смерть в октябре прошлого года одного из талантливейших проповедников деконструктивизма Ж. Дерриды стала трактоваться символически как знамение конца этого философского течения. Но влияние его еще сильно, а в умах представителей российской философической элиты, идущих по стопам западных гуру с некоторым отставанием по фазе, оно, пожалуй, даже продолжает расти и питать антисциентистские, иррационалистические, мистические духовные искания.

В психологии вал популярных сочинений, выдающих за науку разнообразные магические средства решения всех психологических проблем, обрушивается на книжные прилавки, вытесняя научную литературу. Особенно агрессивной становится волна антисциентистских настроений, которая поднялась в нашей стране в условиях идеологической неразберихи и тяги к клерикализму, возникших после ниспровержения марксистского мировоззрения.

На этом фоне призыв Аллаhverдова к восстановлению в правах рационализма и рационалистической методологии научно-психологического познания актуален и заслуживает внимания. Пренебрежение к разумным методологическим принципам ведет к снижению эффективности научных исследований. Ведь методологические установки — это не произвольные «правила игры». Можно, конечно, любую человеческую деятельность — экономическую, политическую, технологическую, художественную и т. д. — в некотором отношении уподобить игре. Но слово «игра» тогда употребляется лишь в некоем фигуральном смысле. Наука вообще не есть игра (хотя в ней и используются игровые методы). Хотя бы потому, что игра ведется по конвенциональным правилам, которые можно по договору изменять, тогда как с наукой (я имею в виду содержание научного знания) этот номер не пройдет. Методология науки есть неотъемлемая часть науки, методологическое знание — знание о методах научного познания — это особый вид научного знания, который добывается наряду с знанием об изучаемой реальности. Ученые «играют» не

между собою, а с природой (познаваемой реальностью) и должны делать познавательные «ходы» по «правилам», которые устанавливаются и изменяются так, чтобы эти «ходы» вели к «выигрышу» — объективному (объективно истинному) знанию. Если ученый действует методологически неправильно, он просто ничего «не выигрывает», т. е. его научная деятельность оказывается неэффективной, бесплодной. А если «выигрывает», то значит, что он действует методологически правильно.

К сожалению, однако, логика рассуждений Аллаhverдова о научной методологии не вполне ясна. В начале своей статьи он утверждает, что «ученый является лишь искателем истины, а не ее носителем» и что «научное знание — это не просто знание всегда развивающееся, но и никогда не завершенное *ни в какой своей части*, а потому в каждый момент *везде* заведомо неверное». Этот взгляд на науку кажется автору настолько очевидным, что он даже называет его «банальным». Объективность научного знания он считает иллюзией и разоблачение этой иллюзии объявляет целью статьи.

Но с такой точки зрения наука действительно представляется не более чем игрой ума, чем-то вроде игры в бисер в романе Гессе. Если ученые ищут истину, но никогда ее не находят, значит, их поиск абсолютно неэффективен. Подобного рода поиск можно вести, пользуясь какой угодно методологией, и даже без всякой методологии. Наука такого рода не отличается от религии, мифа, мистических откровений, общения с духами и вообще от любых порывов воображения, которые кому-либо

взбредет в голову считать исканиями истины (что, собственно, и заявляет упомянутый выше Фейерабенд). Нет, наука только тогда наука, когда она позволяет не только искать, но и устанавливать истину. Конечно, ученые не всеведущи. Однако все же они не просто искатели истины — они ее достигают, и смысл их научной работы в этом достижении и состоит. Из того, что научное знание есть знание незавершенное, не следует, что оно поэтому «заведомо неверно». Еще Платон, говоря о философии (которую в его время не отличали от науки), подчеркивал, что она есть стремление к истине. Это стремление предполагает существование чего-то непознанного. Смертные не могут быть всеведущими. Всеведение доступно лишь богам, а владея им, они уже не имеют нужды заниматься философией и стремиться к истине. Философ же, писал Платон, в отличие от всеведущих богов и от ничего не знающих невежд, всегда находится между знанием и незнанием, он восходит от менее совершенного знания к более совершенному. Таким образом, более двух тысячелетий назад научный поиск истины толковался как рост истинного знания, а не как безнадежное движение от одних заблуждений к другим. И методология нужна науке именно потому, что способствует этому росту.

Наука есть форма человеческого познания, которая в отличие от всех других форм человеческой деятельности имеет своей специальной и главной целью получение достоверного, обоснованного, объективно истинного знания. Правда, с начала Нового времени общество все более настойчиво требует от науки пользы,

и она из сферы духовной культуры, к которой принадлежала, когда развивалась в лоне философии, перемещается в сферу технологической культуры. Это дает повод для появления тенденции выбросить понятие истины из языка эпистемологии. Так, известный отечественный философ Б.И. Пружинин с уверенностью, исключая всякие сомнения, сообщает читателям: «Нынешняя философия науки в понятии истины не нуждается. Его заменяет комплекс понятий, связанных с эффективностью прикладного, практико-гносеологического использования знания» (Пружинин, 2004, с. 67). Научное знание, по его мнению, «лишь полезно», а потому и «оцениваться оно должно по параметрам полезности» (Пружинин, 2004, с. 69).

Однако наука способна принести пользу именно потому, что в добываемом ею знании содержится истина. Если в нем нет истины, в нем нет и пользы. И, невзирая на хитроумные попытки некоторых философов запутать и обесмыслить проблему истины, любой добросовестный ученый в практике своей исследовательской работы стремится получить объективно истинное знание и/или по возможности извлечь из него полезные в практическом отношении выводы. Отрицание объективности научного знания убивает науку.

Не берусь гадать, как Пружинин может обосновать полезность своей точки зрения. Но истинность ее, во всяком случае, остается под большим вопросом (что, впрочем, Пружинина не должно как-то беспокоить: удобство его позиции состоит в том, что она избавляет автора от заботы об

истинности его высказываний; вот тут-то, конечно, видна ее польза). Пружинин справедливо отмечает, что в прикладной науке результаты не всегда можно оценить с точки зрения их истинности. Когда он утверждает, что даваемые ею «рецепты» не могут быть ни истинны, ни ложны, они лишь эффективны или неэффективны, он совершенно прав. Однако в прикладных науках, не говоря уже о фундаментальных, кроме прескриптивных высказываний, имеются и дескриптивные, а последние подлежат истинностной оценке. Прескрипции, не имеющие своими предпосылками дескриптивное знание, обычно относятся к практике повседневной жизни и носят вненаучный характер. Правила магических ритуалов — тоже прескрипции такого рода. В науке же «рецепты» опираются на дескриптивные теоретические конструкции, и если последние не содержат объективной истины, то грош цена вытекающим из них «рецептам».

Это особенно важно подчеркнуть, когда речь идет о ситуации в современной психологической науке. Показательным симптомом неблагополучия в ней является массовое производство популярной психологической литературы, в которой даются советы по всевозможным житейским вопросам: «Как стать счастливой?», «Как влиять на людей?», «Как найти мужа?» и т. п. Эти советы даются от имени психологической науки. Однако за редким исключением в подобных изданиях преподносятся рецепты, которые могут быть более или менее эффективными, но в лучшем случае они основаны на житейской мудрости (а то и просто на ходячих стереотипах или паранаучных веро-

ваниях), а не на научно установленных истинах. Разумеется, по отношению к подобным работам истинностные оценки действительно неприменимы. Но именно потому, что с наукой они имеют мало общего. Еще один подозрительный симптом — угасание интереса психологов к фундаментальным теоретическим проблемам психологии. Выполнение оплачиваемых заказчиками «договорных» прикладных НИР ныне составляет львиную долю проводимых психологами исследований. Результаты таких НИР, как правило, выливаются в некоторые утилитарные рекомендации («рецепты»), должныствующие принести пользу заказчику. Однако в подавляющем большинстве случаев дело сводится к почти механическому применению каких-то теоретических идей для решения некоторой типовой практической задачи. Без создания новых фундаментальных теоретических концепций, содержащих в себе относительно истинное знание, освоение новых типов задач невозможно. Пренебрежение этой задачей неминуемо ведет к тому, что назревает «кризис жанра», чреватый утратой перспектив практического применения психологии.

Таким образом, попытки обойтись без понятия истины служат оправданию потока публикаций и исследований, которые поглощают силы психологов, уводя их от трудных проблем развития психологических теорий к более легким и прибыльным прикладным задачам. Идя по этому пути, психология рискует зайти в тупик и застыть на достигнутых рубежах.

Аллахвердов хотя и говорит о науке как об игре, но все же полагает,

что в ней идет поиск истины, а не игра в поиск истины. А раз этот поиск не есть просто игра, то он должен быть результативен. Игра может не давать никаких реальных (объективно значимых за ее рамками) результатов, но наука, не имеющая своим результатом объективного знания, существовать в качестве науки не может. И Аллахвердов, начав с приведенных в начале статьи утверждений, далее вопреки им переходит к принципиально иной позиции. Правда, для этого ему пришлось несколько погрешить против логики. В нарушение закона тождества он по ходу рассуждения изменяет смысл понятия «неверная теория», поясняя, что неверность означает лишь то, что содержащееся в ней знание со временем будет пониматься иначе. В результате, начав рассуждение с весьма сомнительных исходных посылок, он приходит к безусловно правильному выводу: «Все научные теории верны в том смысле, что включенные в них законы неплохо прогнозируют реальность и практически никогда не будут опровергнуты». На философском языке эта позиция выражается с помощью понятия относительной истины. Если бы с самого начала воспользоваться этим понятием, то к указанному выводу прийти было бы гораздо проще: вместо того чтобы признавать все научные теории неверными, следовало бы сразу сказать об их относительной истинности.

Излишняя витиеватость логического пути, который ведет автора к признанию объективной истинности научного знания, связана, возможно, с тем, что он стремится провести четкую разделительную линию между объективным и субъективным в науч-

ном знании. Но под «субъективностью» знания могут пониматься разные вещи. Аллахвердов почему-то в первых строках без всяких оговорок толкует субъективное как «нечто такое, чего *на самом деле нет*». Но где нет? В уме субъекта оно есть. В деятельности субъекта тоже есть. Да и в объективной действительности оно в некотором смысле имеет место, поскольку от субъекта зависит вычленение из нее фрагмента, который он делает предметом своего познания. Субъективность знания — понятие многозначное. В зависимости от контекста оно может означать:

- то, что знание создается субъектом;
- то, что знание существует и хранится в сознании (или подсознании — в данном аспекте это неважно) субъекта;
- то, как субъект выбирает предмет познания, а также средства, методы, задачи его изучения;
- то, что субъект дает оценку (в том числе и истинностную) получаемых им знаний, причем не всегда верную;
- то, что от субъекта зависит содержание истинного знания или, иначе, что он по собственной воле определяет его содержание.

Субъективность знания несовместима с его объективностью (объективной истинностью) только тогда, когда понимается в последнем из указанных смыслов. Еще древние греки в этой связи различали и противопоставляли объективное знание (*epistēmē*) и субъективное мнение (*doxa*). Когда Аллахвердов в начале своей статьи говорит, что субъективное — это то, чего нет, он имеет в виду, видимо, *doxa*, в котором предмету

познания ошибочно приписывается то, что в нем отсутствует. Но, когда он предлагает в явном виде формулировать в научной работе «субъективную составляющую», речь идет о другом: о замыслах, целях и пр., т. е. о такого рода «субъективизме», который вполне совместим с объективной истинностью результатов исследования. Вряд ли можно протестовать против того, чтобы авторы научных публикаций в соответствии с этим предложением разъясняли замыслы и цели своих исследований.

Некоторые возражения по тексту Аллахвердова вызываются, как мне кажется, тем, что автор их намеренно провоцирует. Он как бы нарочно обостряет формулировки, «вызывая огонь на себя», чтобы привлечь внимание к методологическим проблемам психологии. Это и порождает отдельные чересчур прямолинейные суждения, содержащиеся в статье. Например, автор критикует психологов, пытающихся «соединять несоединимое» — существующие в современной психологии различные научные направления. Но эти направления не настолько логически строго оформлены в теоретические системы, чтобы можно было их жестко разделять. Они не являются «несоединимыми», по крайней мере в том смысле, что допустимо выделять из них отдельные положения и сочетать их друг с другом. Скажем, теория механизмов психологической защиты, взятая из психоаналитической психологии, вполне совместима с идеями гуманистической психологии, представления гештальтистов легко согласуются с концепциями когнитивизма. Это, конечно, вовсе не означает, что не нужно искать единую, общую теорию, в кото-

рой современная психологию остро нуждается.

Поднимая голос в защиту научной методологии от попыток принизить ее значение и заменить ее иррационально-мистическими откровениями, Аллахвердов делает нужное дело. Это, в сущности, защита науки от анти- и паранауки, которые претендуют на почетное место в современной культуре. В сложившейся вокруг науки, в том числе психологии, атмосфере усилить внимание психологов к методологической корректности и обоснованности своих работ — задача первостепенной важности.

Однако идея оформить методологические основы психологической науки в виде «манифеста» кажется не слишком удачной. Представим себе, что манифест опубликован и кто-то из психологов подписался под ним (или как-то иначе выразил свою поддержку), а кто-то — нет. Какие это имеет последствия для тех и других? Скорее всего, никаких. Принявшие манифест могут по недосмотру или неумению совершать методологические ошибки, а те, кто по каким-то причинам не поддержал его, наоборот, делать безупречные в методологическом отношении исследования. Методология психологии — это научная дисциплина, это часть психологической науки. А наука продвигается вперед не через манифесты. Разработка методологических проблем психологии связана не с провозглашением принципов, а со специальными исследованиями истории и практики развития психологических знаний. Психолог, стремящийся получить ценные научные результаты, должен методологически корректно строить свои исследования. Если он

этого не делает, он рискует впасть в ошибки. У него просто будут плохие работы. А когда дело касается фундаментальных проблем психологической науки, без размышлений над методологическими основаниями их постановки и решения не обойтись. Разумеется, когда методологическая безграмотность широко распространяется среди психологов, это задерживает развитие науки. Но не следует преувеличивать эту угрозу. Она относится к темпам роста и характеру применения психологических знаний, а не к их содержанию. В научном юморе известна «теорема Ландау»: плохие работы науку не портят. Доказательство таково: если бы плохие работы портили науку, от нее давно ничего бы не осталось.

Но если методологический манифест вряд ли может принести сколько-нибудь ощутимую пользу, то введение в обязательный раздел обучения студентов, аспирантов, начинающих научных работников освоения методологических и методических принципов построения и оформления научных работ было бы чрезвычайно полезным делом. Об этом следовало бы задуматься тем, кто ведает психологическим образованием и озабочен его

совершенствованием. Методологический манифест тут, пожалуй, был бы уместен в качестве некоей «пиаровской» акции, привлекающей внимание специалистов к методологическим проблемам психологии. Однако в этом качестве он должен быть не изложением «в готовом виде» определенных методологических концепций, идей и принципов, а лишь призывом к их разработке и применению. Для обучения же, а также развития методологических знаний и их распространения среди ученых нужны не манифесты, а учебные пособия, в систематизированной и достаточно развернутой форме освещающие содержание методологических основ психологии, и исследовательские работы в этой области.

Следует отметить, что в статье Аллахвердова наряду с методологическими проблемами рассматриваются также методические рекомендации по составлению научных текстов. Такие рекомендации целесообразны, следование им облегчило бы читателям осмысление и оценку содержания этих текстов. Редакции научных журналов и других изданий вполне могли бы включить их в требования, предъявляемые к публикуемым материалам.

Литература

Пружинин Б.И. Я еще надеюсь // Эпистемология & философия науки. 2004. Т. II, № 2.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

БЛЕСК И НИЦЕТА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (О ПРОБЛЕМЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ НАУЧНОГО ФАКТА)

А.Д. НАСЛЕДОВ

Наследов Андрей Дмитриевич — доцент факультета психологии СПбГУ, кандидат психологических наук.

Область научных и педагогических интересов: организация и методы психологического исследования, современные методы анализа данных, история и методология психологии. Автор книг «Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных» (2004), «SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках» (2004).

Контакты: andry@an2806.spb.edu

Резюме

Автор акцентирует внимание на том, что актуальная методологическая проблема отечественной психологии вовсе не в способах эмпирической аргументации теоретических построений, и даже не в соотношении эмпирического факта и теории. Прежде чем приступить к обсуждению подобных проблем, следует установить критерии достоверности эмпирических фактов. Но поскольку фактом в психологии является результат эмпирического и статистического обобщения, то вполне уместен вопрос о корректности такого обобщения. И главная проблема, с точки зрения автора, заключается в том, что в силу сложившихся традиций отечественная психология нечувствительна к некорректным способам эмпирического обобщения. В результате становится бессмысленной любая теоретическая дискуссия, так как эмпирические факты перестают быть аргументами.

С самого начала признаю, что текст В.М. Аллахвердова «Блеск и ницета эмпирической психологии...» воспринят мною с большим интересом и, не скрою, с воодушевлением. И главное его достоинство видится мне не столько в попытке решения заявленной проблемы, сколько в самой ее постановке (впрочем, это типично для теоретиков). Да, методоло-

логическая культура нашей науки оставляет желать лучшего. Действительно, если развитие науки — это борьба конкурентных теорий (К. Поппер, Т. Кун) или научных программ (И. Лакатос), то сама возможность конкуренции предполагает наличие единого и неопровержимого методологического основания. Это основание, находясь в развитии, должно

быть более долговременным и устойчивым, чем конкурирующие теории. Без надежного методологического основания психология обречена оставаться экстенсивно возрастающей грудой несопоставимых теорий, ценность которых не поддается проверке. (Есть плюс в таком положении дел: любое объяснение сойдет за теорию на страницах книги или диссертации.)

С точки зрения психолога-теоретика самое интересное и важное — это объяснение фактов, их соотнесение с теорией, а получение этих фактов — дело техники. Такая позиция теоретика — дань средневековой традиции, прочно укоренившейся в обыденном и научном сознании: вверху — разумное, вечное, внизу — бесформенное, тленное. Соответственно высший уровень психологии — теоретический, низший — методический. Этот низший уровень якобы уже и не психология вовсе, а техника, логика и математика. Но простите, господа теоретики, вы сами себе противоречите: ведь этот «низший» уровень и есть та самая основа, на которой разворачивается конкуренция теорий (программ), то «более устойчивое и неопровержимое основание», на котором и благодаря которому эти теории умирают и появляются. Прежде чем рядиться в латы «неопровержимых» аргументов, теоретик должен избавиться от сомнений в истинности фактов, составляющих основу его аргументов. Иначе «король»-теоретик так и останется голым.

И вот с точки зрения такой методологической основательности некоторые положения текста В.М. Аллахвердова требуют уточнения. На мой взгляд, встречающиеся в тексте не-

точности имеют один источник, заключенный в двусмысленности заголовка «О правилах описания непосредственно наблюдаемых эмпирических явлений» (что еще мы можем непосредственно наблюдать, может быть, внеэмпирические явления?). Далее, правда, выясняется, что имеются в виду непосредственно наблюдаемые исследователем факты, что еще более запутывает дело, так как последние запросто отождествляются автором с научными фактами. Приняв это просто за терминологическую ошибку, я поставил бы здесь точку, привычно избегая метафизических рассуждений. Однако за этим последовали уже неточности, касающиеся организации эмпирического исследования, в том числе применения статистических методов. А это уже вызов, на который не ответить я не могу.

Наука имеет дело не с «непосредственно наблюдаемыми явлениями», а с научными фактами, что не одно и то же. Время реакции испытуемого N. на стимул S можно рассматривать как факт и даже как непосредственно наблюдаемое явление (с некоторой натяжкой, правда: ведь для этого обычно используются приборы). Но является ли этот факт научным, представляет ли он какой-либо интерес для науки? И даже тот факт, что время реакции испытуемого N. на стимул S1 меньше, чем на стимул S, не является научным. Это фрагмент исходных данных, единичный случай, который наряду с другими случаями может служить материалом для получения научного факта. Такого, например: время лексического решения короче, если слово-стимул идентично по контексту предшествующему

стимулу. Или более «жизненный» пример — факт убийства с целью ограбления. Является ли он научным? Нет. Он может стать единицей исходных данных для проверки гипотезы о том, что на вероятность убийства влияет социальная (или генетическая) дистанция между убийцей и его жертвой. Если гипотеза подтвердится, результат обретет статус научного факта. Отдельный случай, особенно второй, тоже может стать основой психологического труда, правда, в форме литературного произведения (может быть, даже конкурирующего с «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевского).

Сознательно оставляю в стороне интригующие теоретиков проблемы причинно-следственного и прочего соотношения факта и теории, в частности необходимость разделения факта (научного) и его интерпретации, но обращаю внимание на очевидное несовпадение «непосредственно наблюдаемого явления» и научного факта, даже когда за научный факт принимается отдельный случай. Правда, согласитесь, описание отдельного случая в психологии чаще используется в дидактических и иллюстративных целях, нежели для аргументации (в качестве научного факта). Отчасти в силу неизбежной предвзятости восприятия «непосредственно наблюдаемого явления», но главное, из-за изменчивости этого явления от случая к случаю для аргументации в науке используются результаты количественных обобщений. *Главная проблема научного факта в психологии как раз и заключается в том, что он (факт) обычно является результатом эмпирического и статистического обоб-*

щения некоторого множества отдельных случаев. (Одна из проблем — расхожее заблуждение: любой результат эмпирического и статистического обобщения есть научный факт.)

Проблема научного факта как результата хоть и эмпирического, но обобщения — справедливое сомнение в корректности этого обобщения. Я бы выделил три источника такого сомнения: 1) некорректная организация и (или) идентификация процедуры исследования (сбора данных), неполное или искаженное ее описание; 2) неправильное применение статистических методов и (или) некорректная констатация получаемых результатов; 3) подмена содержательного (эмпирического) и операционального описания факта его интерпретацией в терминах теории и содержательной гипотезы. Подчеркну, что эти источники сомнения являются независимыми и достоверность факта должна подтверждаться в каждом из трех аспектов. Рассмотрим с изложенных позиций некоторые положения, высказанные В.М. Аллахвердовым.

«Проблема непосредственности» является скорее не методологической, а дидактической. Аргументами (научными фактами) являются в психологии, как правило, эмпирические обобщения. Правда, сам факт эмпирической обоснованности утверждения не гарантирует его достоверности (см. три источника сомнения в истинности факта), а ссылки на «очевидно наблюдаемые явления» должны использоваться в качестве иллюстраций, а не аргументов, и иллюстративный характер этих ссылок необходимо выделять.

«Проблема выбора» вряд ли достойна отдельного упоминания. Ничего страшного, если автор не может внятно выразить свою мысль, правильно подобрав аргументы: этим он вредит только себе. Гораздо опаснее умышленно или нет выдать за достоверный научный факт результат исследования, страдающий хотя бы одним из трех указанных выше недостатков.

«Проблема вычленения» должна решаться с учетом изменчивости изучаемых явлений. Обычно до начала исследования неизвестны ни причины, ни диапазон этой изменчивости. Поэтому исходно исследователь должен планировать исследование так, чтобы учесть (путем измерения, контроля и рандомизации) максимально возможное число причин изменчивости и произвести измерения с максимально доступной точностью. Далее в ходе статистического анализа данных он получит возможность отсеять несущественные причины. Те же эффекты (причины изменчивости), которые оказались значимыми, если их надежность не вызывает сомнения, следует обязательно отразить в отчете (как факты, в терминах измерений). Конечно, для интерпретации исследователь среди этих результатов должен выбирать только те, которые соответствуют теме исследования, позволяя себе отмечать остальные результаты как побочные. Таким образом, каждый этап исследования будет «страдать» избыточностью, убывающей от начала к концу. Эта избыточность может дать ценный материал для последующих исследований.

«Проблема перевода факта на язык описания» относится к третьему

из указанных источников сомнения в факте. Решается эта проблема вовсе не путем «специальной проверки» автором своего текста на предмет «заметных искажений в сторону удовлетворяющей его интерпретации» (последние неизбежны). Автор должен очень четко отдельно дать операциональное определение факта (на языке измерений и статистического анализа) и только затем — его интерпретацию. Обычно этого не умеют или не хотят делать, интерпретируя статистические показатели сразу в терминах содержательной гипотезы. В результате практически невозможно отделить объективную и субъективную составляющие научного факта.

«Классификация явлений» — первый шаг в любой умственной деятельности, в том числе исследовательской. Само измерение в психологии чаще основано на классификации явлений (например, людей по полу), но то, что большинство психологических исследований ограничивается классификацией признаков и явлений на основе их связей, — один из недостатков существующей методологии. Ведь основное назначение любой науки — установление причинно-следственных отношений между явлениями, а наличие статистической связи между ними — хоть и необходимое условие наличия таковых, но вовсе не достаточное. Для того чтобы утверждать, что А является причиной Б, необходимо обосновать: 1) временную последовательность событий (А раньше Б); 2) статистическую связь А и Б; 3) отсутствие правдоподобной альтернативной интерпретации появления Б помимо А (Кэмпбелл, 1980). Третье условие — самое сложное, так как

статистическая связь (совместная изменчивость) А и Б может быть следствием влияния третьей переменной В (корреляция длины стопы и интеллекта может быть следствием разного возраста испытуемых). Именно поэтому в силу обилия возможных альтернативных объяснений результаты корреляционного исследования всегда ущербны. Для установления причинно-следственных связей применяется эксперимент, который и отличается от корреляционного исследования контролем внешних и прочих переменных — возможных источников тех самых альтернативных интерпретаций, и один из недостатков существующей методологии заключается в том, что сплошь и рядом экспериментальные исследования подменяются корреляционными или результаты последних выдаются за экспериментальные в том смысле, что на их основе смело делаются причинно-следственные выводы, выдаваемые за научные факты («невинная», казалось бы, замена термина «вероятностная связь, корреляция» на интуитивно более понятное словосочетание «зависимость от...»). Налицо явное наличие первого из перечисленных мной источников недоверности факта.

Но это еще полбеды. Каждое корреляционное исследование в силу своей простоты включают в себя установление множества связей, что неизбежно ставит проблему многократной статистической проверки гипотезы. Об этой проблеме пишет В.М. Аллахвердов: из 100 корреляций 5 будут «статистически досто-

верными» (на уровне $p < 0.05$), даже если связей на самом деле нет. Это особая проблема статистики, которая обязательно должна решаться в рамках каждого такого исследования, что мы, разумеется, встречаем редко. Кстати, корреляционное исследование не обязательно сводится к подсчету корреляций. Часто берутся две (три, четыре) группы испытуемых, и различие между ними определяется по множеству измеренных показателей, скажем, по t-критерию Стьюдента. Многократное применение последнего в конце концов гарантированно позволяет получить «статистически достоверные» различия, столь же ненадежные и недостоверные, как и при корреляционном анализе (по тем же причинам)¹. (Далее дело техники: подогнать исходные гипотезы под «статистически достоверные» результаты, добавить немного фантазии при обсуждении результатов, и — ура! — диссертация готова.)

Указанные недостатки существующей методологии могут навести на мысль: само по себе применение сложных организационных (экспериментальных) и статистических процедур для эмпирического обобщения данных является источником недоверности получаемых фактов. А посему, мол, психология должна ограничиться строгими лабораторными экспериментами, позволяющими полностью контролировать все источники изменчивости и, следовательно, полностью исключаящими «статистический произвол». Близок к такому выводу и В.М. Аллахвердов,

¹Способы решения проблем многократной проверки гипотез, как и проблем выбора статистического метода, предложены в книге: Наследов, 2004.

судя по содержанию раздела его статьи «*Эмпирическое обобщение данных с помощью методов математической статистики*». (Я не рассматриваю другой распространенный, но еще менее приемлемый вывод: «долой количественные методы, да здравствует здравый смысл отдельного случая».) Еще раз повторю: источником недостоверности эмпирических обобщений являются не сами применяемые организационные и статистические методы исследования, а некорректность: а) их применения; б) их интерпретации. А ведь даже для среднего значения существуют ограничения на применение и интерпретацию², с которыми, кстати, часто не считаются, приводя примеры бессмысленного усреднения. Конечно, чем сложнее статистическая процедура, тем выше вероятность ее некорректного применения и интерпретации. Между тем сложные статистические процедуры, такие, как дисперсионный анализ, позволяют вычленять сразу множество источников изменчивости данных, что позволяет выйти за рамки простейшего лабораторного эксперимента, сделать эксперимент более «экологически валидным», проводить многофакторные исследования, в том числе «квазиэкспериментальные» и «в естественных условиях». Поэтому вряд ли оправданно утверждение В.М. Аллахвердова: «При эмпирическом обобщении данных из всех способов статистической обработки лучше начинать с самого простого». Скорее, следует планировать

исследование с учетом, с одной стороны, возможных источников изменчивости данных, с другой — *понимания и доступности* статистических процедур последующего их анализа, а сами эти статистические процедуры и последовательность их применения определять, исходя из структуры и особенностей получаемых данных. Бездумное же применение типичных планов эмпирического исследования, основанных на привычных схемах обработки любых данных (корреляционный анализ, сравнение средних по t-критерию и пр.), как раз и приводит к тому, что, как пишет В.М. Аллахвердов, «эмпирическое обобщение, полученное в результате статистической обработки данных, является внеэмпирической интерпретацией». Конечно, подобного рода «интерпретация», именно в силу того, что она уже внеэмпирическая, спекулятивная, вряд ли достойна того, чтобы «независимо проверяться».

В заключение отмечу, что текст «методологического манифеста» свидетельствует об осознании его автором глубины существующей методологической пропасти. Соглашаясь в целом с духом «манифеста» и с большей частью его содержания, я сделал попытку продемонстрировать сложность и глубину некоторых из обозначенных В.М. Аллахвердовым проблем. Я обратил внимание на то, что *актуальная* методологическая проблема нашей психологии вовсе не сводится к извечному с точки зрения теоретиков и теорий сомнительному

²Среднее как мера центральной тенденции для изучаемого явления имеет смысл в той мере, в какой усредняемые данные позволяют судить об изменчивости этого явления (дисперсии и формы распределения).

статусу любого научного факта (Д. Юм, К. Поппер, Т. Кун, Д. Кэмпбелл). Гораздо важнее на сегодняшний день отчетливое определение критериев эмпирической достоверности самого факта как результата эмпирического обобщения. Без этого любое обсуждение статуса факта «пред лицом» теории, любая «конкуренция теорий» становятся бессмысленными. Говоря словами Д. Кэмпбелла, «наши нынешние стандарты экспериментальных планов представляют собой *научное* достижение, *эмпирический* продукт, а не дарованную логикой милость... доступные коррекции "истины", а не истины логические или аналитические» (Кэмпбелл, 1980, с. 200). Главные методологические проблемы, таким образом, сосредоточены именно в сложившихся стандартах, техниках эм-

пирических исследований, прежде всего — в средствах эмпирического обобщения. Понятно, что одним только текстом «манифеста» (даже снабженного моими замечаниями!) эти проблемы не решить. Тем более учитывая, что речь идет о *методологической культуре*, носителем которой является большинство нашего научного сообщества. Эта культура основана на традициях, сложившихся еще в те времена, когда эмпирический подход благодаря Б.Г. Ананьеву и его единомышленникам делал первые шаги в психологии. Не хотелось бы, чтобы неизменность этих традиций, лежащих в основе нынешней методологии, служила подтверждением тезиса: величие ученого определяется тем, насколько долго его авторитет препятствует дальнейшему развитию науки.

Литература

Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб., 2004.

Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА? (ИЛИ НАШ ОТВЕТ ЛОРДУ ЧЕМБЕРЛЕНУ)

В.Ф. ПЕТРЕНКО

Петренко Виктор Федорович — заведующий лабораторией факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна за цикл исследований в области психосемантики сознания.
Контакты: pit@aha.ru

Резюме

Обсуждаются методологические аспекты построения психологического знания и предмета (или предметов) психологической науки. Рассматривается категория истины применительно к специфике психологической науки. Автор отстаивает конструктивистскую позицию в психологии.

Вначале хотелось бы выразить дружескую симпатию и искреннее уважение В.М. Аллахвердову, инспирировавшему своей яркой и полемической статьей «Блеск и нищета эмпирической психологии» полемику в журнале «Психология», и А.В. Юревичу, внесшему свежую философскую струю в мировосприятие психологов и еще ранее открывшему научную дискуссию по философско-методологическим проблемам на страницах журналов «Вопросы психологии» и «Психологический журнал». Необходимость такого обсуждения давно стала очевидна в силу значительных экономических, социальных и духовных изменений нашего общества, его системы ценностей и, как следствие, переоценки методологических основа-

ний гуманитарных наук. Декларативный отказ официальной идеологии от марксистско-ленинской методологии, от целей и задач социализма (практически выражающихся в формуле «спасение утопающих — дело рук самих утопающих») при частичном сохранении методов промывания мозгов и риторики советского режима, и раскрепощенная встречная творческая активность «научных масс» породили состояние реального идеологического плюрализма, который А.В. Юревич вслед за П. Фейерабендом называет методологическим анархизмом. В.М. Аллахвердов выступает против такого анархизма в психологической науке, ставит задачу построения своего рода «методологической вертикали»

для единственно правильной теории. Он считает, что «не могут быть одновременно верными бихевиоризм, психоанализ, теория деятельности, когнитивизм, гуманистическая психология и пр. Это не разные (а потому, мол, допустимые) описания одних и тех же явлений, а заведомо ошибочные описания, в лучшем случае *за исключением какого-либо одного подхода*».

И здесь можно было бы возразить В.М. Аллахвердову: перечисленные психологические теории работают не на одном поле психологической реальности, бихевиоризм и психоанализ, теория деятельности и когнитивная психология, гуманистическая психология и т. д. просто имеют различный предмет анализа, различную феноменологию и изучают разные аспекты. Предмет науки как идеальная модель задается методами (естественно, различными для указанных подходов) и специфическим языком описания, многие понятия которого операциональны (т. е. в свернутой форме содержат процедуру построения). И если язык бихевиоризма вполне адекватен (по крайней мере, для нынешнего состояния психологической науки) описанию процесса формирования навыка, то вряд ли с его помощью можно описать реальность экзистенциальных переживаний личности или процессы эмпатического сопереживания. В тех же областях, где интересы теорий пересекаются, они скорее по «принципу дополнительности» задают объемный, многомерный взгляд на проблему. И здесь я вполне солидарен с А.Г. Асмоловым, утверждающим, что претензия ученого на единственно правильную позицию является фор-

мой познавательного эгоцентризма. Согласно принципу «необходимого разнообразия» Эшби, чем более развитой является система (а наука является специфической системой знания), тем большее разнообразие должны содержать ее компоненты для поддержания существования и развития этой системы. На мой взгляд, в зависимости от познавательной задачи и области интереса ученый (как и обычный человек) использует различные аксиоматики, логики, познавательные стратегии. И познавательная стратегия естественнонаучного эксперимента при изучении, например, константности восприятия вряд ли уместна в экзистенциальном поиске смысла собственного существования. И вполне успешный ученый-сциентист оказывается младенчески голым, незащищенным и беспомощным перед проблемами жизни и смерти. Мы что-то можем сказать о деталях бытия (например, об объеме кратковременной памяти или оптимальном уровне мотивации) и почти ничего о главном — «ради чего и как жить». И это упрек всем нам, претендующим на роль психолога, «специалиста в области психической жизни», и в этом причина, справедливо указанная Аллахвердовым, тяготения отнюдь не худшей части психологов к религии.

В общем суть моих возражений сводится к тому, что нет единой психологической науки, а есть, скорее, конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем «психология», и ряд областей психологии (например, социальная психология), которые гораздо ближе по языку и методам к родственным научным

дисциплинам (например, социологии), чем, скажем, к психофизике или медицинской психологии. И вполне возможно, что в дальнейшем из «психологии» выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология.

Но приведенные замечания являются пока легкой разминкой в дискуссии, касаются спора о предмете (или предметах психологической науки) и не затрагивают главного смыслового стержня статьи Аллахвердова — о критериях истинности и возможности познания того, «что есть на самом деле».

Понятна озабоченность Виктора Михайловича тем, что «в современной отечественной психологии почти отсутствуют какие-либо объективные критерии оценки научных достижений. Психологи на фоне методологической вседозволенности и теоретической разобщенности стали легко соединять несоединимое, впрягая в одну телегу бихевиоризм, мистику Востока, психоанализ, концепцию деятельности, христианство, экзистенциализм и что угодно еще... Психологи всего мира признают наличие в психологии глубокого методологического кризиса. Просто в отечественной психологии он сегодня проявляется ярче всего» (Аллахвердов, 2005, с. 50).

Можно согласиться с суждением Виктора Михайловича о методологическом кризисе современного психологического знания.

Несмотря на обилие методологических парадигм (бихевиоризм и необихевиоризм, когнитивная психология, теория деятельности, психоанализ, гуманистическая психоло-

гия и пр. и пр.), в психологической науке последние лет 30 наблюдается своеобразный методологический застой. Психологи тех или иных направлений работают в рамках уже сложившихся парадигм, увеличивая объем эмпирии, и совершенствуют качество используемых методик, но не предлагают никаких кардинально новых идей. Почему-то соображения типа: «Достаточно ли безумна эта теория, чтобы быть верной?» (Нильс Бор) — возникают в физике микромира (с ее антиматерией и частицами с нулевой массой покоя, кварками и «странными частицами»), в космологии (с ее черными дырами и темным веществом, Большим взрывом и разбегающимися Вселенными, с крысиными ходами и галактическими струнами, параллельными мирами и матрицами «памяти Вселенной»), но не в психологии, своей умеренностью напоминающей добропорядочного буржуа, строящего свой маленький бизнес на основе пуританских ценностей умеренности и трудолюбия. Мир психологии бесконечно сложнее физического мира и нуждается в кардинальном переосмыслении базовых философских категорий (времени, пространства, реальности, бытия, знания, причинности, закона, смысла, истины, жизни, смерти, предназначения, судьбы).

Но как отличить безумные идеи от просто идей безумца или от «бреда сивой кобылы» самоуверенного графомана? Вряд ли тут помогут «несколько объективных критериев». Такими критериями могут быть и глубокие теоретические знания автора в обсуждаемой области (своеобразная «обязательная программа» перед сольным выступлением),

и собственные эмпирические исследования автора, демонстрирующие владение профессиональным ремеслом, и ориентировка в новейших публикациях зарубежных коллег (отсекающая робинзонов в науке), и широта естественнонаучного образования и гуманитарной культуры, просвещающие сквозь авторский текст, и следование собственной внутренней логике изложения при одновременной способности критически воспринимать ее с позиции оппонента (отсекающей больных шизофренией и идеи «фикс»), и пронзительное чувство свежести и новизны мысли, присущее истинным открывателям, отсекающим убогую массу апологетов и плагиаторов, пережевывающих чужие тексты. Но наряду с перечисленными показателями научной достоверности, присущими и естественнонаучной парадигме, в гуманитарной науке присутствует знание, основанное на чувстве сопереживания, эмпатии, своеобразном резонансе душ автора текста и читателя. Как полагает герменевтика (Х.Г. Гадамер, П. Рикер), если естественные науки — науки о познании, то гуманитарное знание — о понимании. Понимание же — это осмысление места, функции данности в контексте некоего целого. А поскольку любая система развивается, то и понимание подразумевает осознание данного в контексте, еще не реализованного, становящегося бытия. И в этом плане понимание — не констатация наличного состояния, а своего рода пророчество, видение потенциальных возможностей развития. Художественную иллюстрацию понимания личности другого дает Леон Фейхтвангер в романе «Братья Лау-

тензак», посвященном судьбе талантливого гипнотизера, ставшего «пророком партии». Известный скульптор вылепила маску старшего из братьев, увидев его таким, каким он мог бы стать в своем духовном развитии. Всю свою жизнь старший Лаутензак стремился дорасти до «собственного лица», но, связавшись с фашистами, потерпел духовный и физический крах.

Маска, портрет как модель «потребного будущего» (в терминах Бернштейна) или «непотребного» (в терминах В.П. Зинченко), например, в романе «Портрет Дориана Грея» — метафоры прогноза, свойственные гуманитарному знанию. Определение через возможность потенциального развития, сценарный прогноз — черта гуманитарной науки. Можно тут вспомнить и высказывание Н.В. Гоголя в заметке «Несколько слов о Пушкине»: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Интересно также наблюдение Ф.М. Достоевского, опубликованное в статье «По поводу выставки»: «Портретист усаживает, например, субъекта, чтобы снять с него портрет, приготовляется, вглядывается. Почему он это делает? А потому, что он знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает "главную идею его физиономии", тот момент, когда субъект наиболее на себя похож. В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста».

Эта способность видеть веер возможных сценариев (ведь наблюдаемый

человек обладает такой загадочной способностью, как свобода воли) и соотносить свое понимание человека с еще не ставшим, но возможным его бытием, пророчествовать его путь, «его Дао» — презумпция гуманитарных наук, отличие их от естественнонаучных (не понимающих, а изучающих).

Представим себе визуальный клип. Подъезжает молодой богатырь к развилке дорог и видит надпись на гранитном камне: «Направо поедешь — коня потеряешь, прямо — сам погибнешь, а пойдешь налево — начальником будешь». Почесал молодец свой богатырский затылок и повернул налево. И скачет молодец по дороге успеха, и падают солнечные блики на его лицо, и меняется оно, бронзовеет взгляд, обвисают щеки, и вот уже мерзкое мурло на жирном туловище болтается нашлепкой на богатырском коне: добрый молодец превратился в агрессивного гофмановского «крошку Цахеса».

Выбрав путь и идя по нему, человек неизбежно меняется, и наше новое Я — производное от прошлых выборов. Поэтому описывать человека, «как он есть на самом деле» (мы не физики, а психологи), так же неразумно, как пересказывать содержание романа, прочитав только начало. Последнее отчасти возможно, но только по бездарному стереотипному сюжету.

В.М. Аллахвердов определяет научную деятельность как субъективную деятельность, направленную на поиск истины. Оставим в стороне само сочетание «субъективная деятельность», демонстрирующее не совсем адекватное понимание теории деятельности. Деятельность не бывает

субъективной или объективной. Сама категория деятельности, согласно А.Н. Леонтьеву, была призвана снять субъектно-объектную парадигму и описать психологическую (феноменальную реальность) на языке бернштейновских колец, объединяющих внутреннее и внешнее (акцептор действия и эфферентный орган), где субъект и объект, по мысли Леонтьева, являются скорее предельными понятиями — полюсами деятельности. На мой взгляд, разработка категории деятельности по Леонтьеву представляет собой попытку перевести гегелевское саморазвитие духа (см.: Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа) с трансцендентального на уровень единичного субъекта. Выполненные под руководством и в русле идей А.Н. Леонтьева ранние теоретические построения В.А. Петровского, посвященные самоактуализации деятельности (проблема надситуативной активности) и призванные найти внутренние детерминанты саморазвития, построены по такой логике. Но эти, так сказать, методологические нюансы плохо различимы с другого берега.

Обсудим теперь концовку рассмотренного выше суждения Аллахвердова: «Научная деятельность — это субъективная деятельность человека, направленная на *поиск истины*», т. е. истина существует где-то сама по себе безотносительно к субъекту познания, а исследователь «находит ее». Это позиция по духу близка позиции Ф. Энгельса, утверждавшего, что в познании, срывая покрывала незнаемого, мы бесконечно приближаемся к объекту познания. Аллахвердов акцентирует эту идею, утверждая, что «ученый стремится

узнать то, что *есть на самом деле*». Эти представления характеризуют позицию многих не только отечественных, но и зарубежных ученых. Как отмечает Хилари Патнэм, «сегодня многие философы, а возможно, большинство, поддерживают некоторую версию "копирующей" теории истины, т. е. концепцию, согласно которой утверждение является истинным в том случае, если оно соответствует (независимым от сознания) фактам» (Патнэм, 2002, с. 9). Таким образом, теория отражения (или версия «копирующей теории истины») имплицитно содержится в мировосприятии большинства психологов и философов. Особенно парадоксально это звучит в тематике общения, межличностного восприятия, сознания и самосознания, где, казалось бы, уже сама проблематика подразумевает пристрастного наблюдателя, включенного в изучаемый процесс.

Мало того, что эта позиция антикультурно-историческая, так как полагает неизменность и независимость объекта познания от инструментария, социокультурных установок и языка исследователя. Если для естественнонаучных дисциплин с некоторой натяжкой (связанной с тем, что в сопоставлении с человеческой жизнью материя медленно, но все же эволюционирует) можно говорить о законах физического мира, то применительно к человеческой культуре, социуму и отдельной личности (в общем к гуманитарной науке) само познание творит мир. Человек живет в искусственной, им же созданной среде, в пространстве языка, культуры и науки, среди техники, виртуальной реальности компьютерных тех-

нологий и средств массовой коммуникации (т. е. внутри «третьего мира», по К. Попперу), и эта погруженность человечества в искусственную среду, им же созданную, только нарастает. Поэтому познание вне рефлексии мотивов, системы ценностей ученого как представителя некоей культуры (или цивилизации) без анализа методических средств и языка описания в попытке «узнать, что есть на самом деле», — такая же эфемерная задача, как попытка схватить руками голографическое изображение, чтобы пощупать, а какое же оно «на самом деле» без наблюдателя.

Так что есть истина? И возможна ли она? Среди многочисленных статей на эту тему есть одна — моего друга и коллеги А.П. Назаретяна — с красноречивым названием «Истина как категория мифологического мышления» (Назаретян, 1995). В ней утверждается, что понятие истинности неприменимо к модели (модельному мышлению). В ряде современных философских направлений (философия жизни, экзистенциализм, структурализм) это понятие истины утратило значимость, а в творчестве Ж. Дерриды, П. Фейерабенда, Р. Рорти объявляется «идеологически нагруженным» и «устаревшим».

Понятие истины полисеманлично. Классическое определение истины у Фомы Аквинского как «тождества вещи и представления» можно считать предтечей «копирующей теории истины». Позиция «копирующей теории истины» подразумевает единственность «правильной» теории объекта и полагает процесс познания как последовательное приближение познавательной модели к

объекту, к тому, «какой он есть на самом деле». С моей точки зрения, глубина познания и информативность модели не подразумевают ее подобия объекту. Например, Н.А. Бернштейн для описания движения человеческого тела успешно использовал дифференциальные уравнения, но вряд ли можно полагать, что мозжечок, ответственный за координацию движений, непрерывно вычисляет, считает диффуры. Или возьмем аппарат семантических пространств, разработанный Ч. Осгудом и Дж. Келли, успешно моделирующий когнитивные структуры сознания. Но вряд ли мы будем повторять ошибку В. Келера, на старости лет искавшего феноменальные поля в субстрате человеческого мозга, и в свою очередь займемся там поиском многомерных семантических пространств. По мере развития познания модели могут становиться все более информативными относительно объекта, но это не значит — подобными. Картины мира современных национальных культур (например, Франции и Японии) гораздо более многомерны и информативны, чем мировосприятие наших древних человекообразных предков. Но они заведомо различны, ибо впитали всю предыдущую национальную культуру, творчество многочисленных поколений предков. Национальные культуры — сад расходящихся тропок, и глобализация, задавая стандартизацию на более низких уровнях бытия, оставляет и даже отчасти обеспечивает возможность творческого разнообразия на более высоких уровнях человеческого бытия — уровнях человеческого духа. Расширяющая Вселенная Человеческой Сознания обогащает

ся все новыми и новыми инвариантами при одновременном увеличении разнообразия.

Но, помимо копирующей теории истины, есть по крайней мере еще две ее версии. Одна из них — это трактовка понятия истины как правильности исчисления предикатов или правильности символьных (знаковых) преобразований, т. е. истинно то, что соответствует таблице истинности. В этом плане, с точки зрения А. Тарского, доказательство теорем — это система тавтологических преобразований, и вся математика представляет собой парафраз аксиоматических понятий. Радикализация этой позиции привела к утверждению А. Айера о том, что «понятие истины может быть вообще исключено из науки в качестве "псевдопредиката"». «С другой стороны, получило новые импульсы и аргументы понятие теоретической истины, относящееся к семантическим связям внутри сложных концептуальных образований и не предполагающее сопоставления ни с какой онтологией, кроме производной от данной теоретической системы» (Касавин, 2001, с. 69).

Наш спор с Виктором Михайловичем о том, что есть истина, имеет уже некоторую предысторию. Осенью 2004 г. в психологической школе Московского университета, организованной студентами и аспирантами в память А.А. Леонтьева и Д.Б. Эльконина, шла дискуссия о неклассических и постнеклассических формах психологического знания. В выступлении (как и в этой статье) я занимал скептическую позицию в отношении понятия истины как формы соответствия знания объекту познания. Я использовал в докладе выдержки

из Р. Рорти, и Аллахвердов задал «убийственный» и ехидный вопрос: верно (истинно) ли я цитирую, в том смысле, что действительно ли использованная мной цитата соответствует некому фрагменту текста Рорти? (Это легко эмпирически проверить, раскрыв соответствующую книгу на указанной странице.) Чем не «практика — критерий истины»? Мой положительный ответ подразумевал бы необходимость и целесообразность категории истины в данной практической ситуации. Операционально я могу проверить соответствие двух «планов выражения», соотнеся текст моей цитаты с текстом Рорти. Аналогично тому, как математик, доказывая геометрическую теорему, предлагает сделать мысленное наложение геометрических форм друг на друга. (Гипотетически полагается, что мысленное вращение в ментальном пространстве не изменяет метрических соотношений этих фигур. Аналогично предполагается, что разнесенная во времени процедура прочтения двух идентичных планов выражения породит идентичные планы фигуры содержания, которые и составляют суть цитирования.) Но процедура установления тождества текстов, в каком-то плане идентичная процедуре измерения, не идентична построению высказывания об истинности и, тем более, не решает вопроса методологической целесообразности этого понятия. Вот мой ответ Аллахвердову. Необходим концептуальный анализ, своеобразная деконструкция психологической терминологии, выросшей на почве обыденного языка и имплицитно содержащей фигуры мифологического и синкретического мышления. (Чего

только стоит проблема «псевдосубъекта действия», подмеченная еще А.А. Богдановым и описанная нами с Б.А. Ермолаевым в 1976 г.!) Необходимость концептуального анализа базисных понятий, требующая совместной работы психологов, лингвистов и логиков, вполне понимается и разделяется В.М. Аллахвердовым (судя по его предложению использовать индексы достоверности знания и т. п.), но мало осознается подавляющим большинством отечественных психологов, стоящих на позиции наивного реализма и бездумно оперирующих понятиями «объективная действительность», «психологическая реальность» как некоей непосредственной онтологической данностью.

Наконец, существует трактовка истины как некоторого идеала, к которому человек духовно стремится. «В христианстве истина — это не дискурсивное понятие, не теория, не учение, не смесь учений, но живая богочеловеческая Личность, исторический Иисус Христос» (Преподобный Иустин, 2004, с. 71). Ю.А. Шрейдер отмечает, что вопрос «Что есть истина?» некорректен, и, вспоминая библейские слова Христа «Аз есмь Истина» и «Аз есмь Путь» («Я есть путь и истина»), полагает, что следует ставить вопрос: «Кто есть Истина?» (Шрейдер, 1999).

Такая постановка вопроса, на мой взгляд, ближе к гуманитарным наукам, наукам о понимании, где свободный выбор жизненного пути личности предусматривает и личный выбор Истины как выбор пути Будды, Христа, или Магомета, или еще не хоженного пути мыслителя, ученого-первооткрывателя.

Литература

- Аллахвердов В.М.* Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 1. С. 44–65.
- Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организация науки. М.: Экономика, 1989.
- Ермолаев Б.А., Петренко В.Ф.* К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. Владимир, 1976. С. 107–129.
- Назаретян А.П.* Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 105–108.
- Касавин И.Т.* Истина. Истина как норма. Истина как дескрипция. Истина, дескрипция и экспертиза // Новая философская энциклопедия. М., 2001.
- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. № 3. С. 113–121.
- Патнэм Х.* Разум, Истина, История. М., 2002.
- Преподобный Иустин (Попович).* Философские пропасти. М., 2004.
- Шрейдер Ю.А.* Ценности, которые мы выбираем. 1999.
- Элен П.* Удивление — пафос философской мысли // Разум и экзистенция. СПб., 1999.

ВЫБРАТЬСЯ ИЗ НИЩЕТЫ, НЕ ТЕРЯЯ БЛЕСКА

А.Н. ПОДДЬЯКОВ, Я. ВАЛЬСИНЕР

Поддьяков Александр Николаевич — профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, доктор психологических наук. Области научных интересов: исследовательское поведение, мышление и творчество человека, психология решения комплексных задач, психология экономического поведения, обучение и развитие. Имеет более 100 научных публикаций. Информация о его исследованиях представлена в издании «Who's who in science and engineering» (2005–2006). Член редколлегий журналов «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Исследовательская работа школьников», «Mathematical thinking and learning». Член Международного общества изучения развития поведения (ISSBD). Контакты: alpod@gol.ru

Вальсинер Ян — профессор психологии, декан факультета психологии Университета Кларка (США). Области научных интересов: теории человеческого развития, порождение новизны в системах различного уровня и масштаба, развитие и культура, диалогические процессы. Основатель и редактор журналов «Culture & Psychology», «From Past to Future: Clark Papers in the History of Psychology», автор книг «The guided mind» (Cambridge, Harvard University Press, 1998), «Culture and human development» (London: Sage, 2000), «Comparative study of human cultural development» (Madrid: Fundacion Infancia y Aprendizaje, 2001). Под его редакцией совместно с К. Коннолли (K. Connolly) вышел учебник по психологии развития «Handbook of Developmental Psychology» (London: Sage, 2003). Контакты: jvalsiner@clarku.edu

Резюме

Комментируется статья В.М. Аллахвердова «Блеск и нищета эмпирической психологии». Разрабатывается понятие общего методологического цикла, где теоретическая и эмпирическая, дедуктивная и индуктивная стороны познания объединены в одно целое. Анализируются различия эмпирической и псевдоэмпирической науки. Обсуждаются проблемы полноты и непротиворечивости эмпирических описаний и теоретических интерпретаций, использования качественных и количественных методов в психологических исследованиях и проекция этих проблем в обучении психологии.

Статья В.М. Аллахвердова «Блеск и нищета эмпирической психоло-

гии» ставит принципиальные вопросы не только для российской, но и

для современной психологии вообще. Диагноз, поставленный в статье, правилен и для социальных наук в целом. Среди них психология выделяется особо ввиду того, что перманентно испытывает кризис. Манифест В.М. Аллахвердова, работы Б.Ф. Василюка (2003), А.В. Юревича (2001) продолжают анализ психологического кризиса, начатый Л.С. Выготским и К. Бюлером в первой половине прошлого века.

Манифест как жанр может иметь последствия двоякого типа. С одной стороны, он может сказываться на научных прорывах, а с другой — вызывать глубокий социальный, психологический резонанс как в самой науке, так и в обществе. В.М. Аллахвердов объединил сформулированные им методологические принципы под названием психологического манифеста, вызывая ассоциации с Коммунистическим манифестом — текстом того же исторического периода, что и «Блеск и нищета куртизанок» Оноре де Бальзака.

Эффекты Коммунистического манифеста были, мягко говоря, двойственны — и блеск, и нищета. Продолжая предложенную линию ассоциаций, можно заметить, что манифест Уотсона 1913 г. в значительной степени способствовал задержке развития психологии как науки в США. Сходные последствия имело идеологическое вмешательство в развитие науки в СССР в 1936 г. (Постановление ЦК ВКП(б) о педологических извращениях в системе Наркомпроса можно рассматривать как своеобразный манифест.) Направления социального контроля, заданные этими двумя манифестами, были различны, но в конечном счете они привели к об-

щему эквивалентному состоянию — торжеству анархического эмпиризма, который В.М. Аллахвердов справедливо характеризует как научно бесполезный.

Эти иллюстративные пугающие примеры некоторых манифестов приведены для того, чтобы подчеркнуть контраст с манифестом В.М. Аллахвердова, под которым мы готовы подписаться (но не под бихевиористским и антипедологическим). Задача данной статьи — развить предлагаемые В.М. Аллахвердовым пути преодоления анархии эмпиризма.

Разрывы методологического цикла

В.М. Аллахвердов подчеркивает необходимость тщательного увязывания непосредственно наблюдаемых психологических фактов с личной системой научного знания на предмет обнаружения соответствий или же, наоборот, противоречий. Эта связь была потеряна во второй половине XX в. во всем мире, причем ее утрате способствовали не только «ползучие эмпиристы», но и часть теоретиков (гиперрасширение теории деятельности А.Н. Леонтьева на любое движение человека или же поиск фаллических образов в любом непосредственно наблюдаемом психологическом факте психоаналитиками).

Что касается эмпиризма, то сейчас для его полного торжества создаются — причем немислимыми прежде темпами — такие технические возможности, о которых раньше можно было только мечтать. Цифровая видеокамера, подключенная к компьютеру, не сравнима с блокнотом

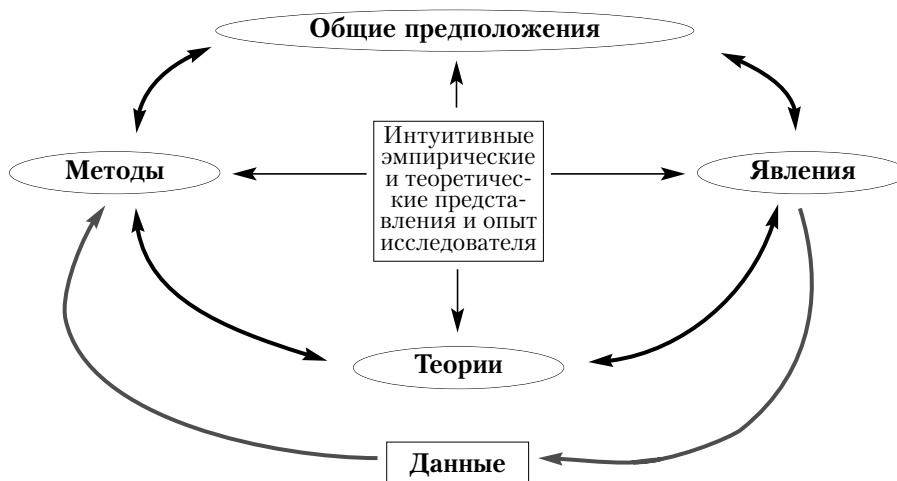
наблюдателя, пытающегося описать поток событий. Но при этом по иронии реальная польза таких «продвинутых» наблюдений может уменьшаться. Теперь мы можем записать почти все, но часто способны выделить в этих записях лишь все уменьшающееся количество аспектов, действительно важных с исследовательской точки зрения. В результате мы слепнем по отношению к неожидан-

ным наблюдениям, и от этого несет ущерб наука.

Неожиданное эмпирическое наблюдение может корректировать и направлять дальнейшие теоретические построения, только если исследователь оперирует общим методологическим циклом, где теоретическая и эмпирическая, дедуктивная и индуктивная стороны познания объединены в одно целое (см. рис. 1).

Рис. 1

Базовая структура методологического цикла (Branco, Valsiner, 1997)

Большинство психологических исследований оперирует лишь одной ограниченной дугой цикла. Накапливаемые данные рассматриваются как коллекция, расширение которой — как надеется исследователь — в конце концов даст осмысленные ответы на существенные психологические вопросы. Теории работают здесь в качестве «зонтиков», под прикрытием которых возможен слепой эмпиризм. Таким «зонтиком» может служить любая теория — когнитивных перспектив, привязанностей, деятельности и

т. д., и эмпирист может их относительно легко менять, оставаясь в центре переменной теоретической моды.

Эмпиричен ли эмпиризм в психологии?

На первый взгляд, это странный вопрос: мы привыкли доверять названиям-ярлыкам. На самом деле анархический эмпиризм не эмпиричен, а псевдоэмпиричен.

Эмпирическое доказательство гипотезы продуктивно, только если

оно ведет к новой идее в большей степени, чем подтверждает существующую. Псевдоэмпиризм проявляется в том, что наше культурально организованное знание, кодированное в системах языковых значений, предопределяет гипотезу об определенном эмпирическом факте, и мы находим этот факт в исследовании. Следует понимать, что при этом мы в значительной степени оказываемся в тавтологическом круге и не открываем ни чего-либо нового, ни чего-либо научного. Мы просто вынесли вовне, экстериоризовали в несколько иной форме те социальные репрезентации, которые существовали в истории культуры данного общества, передавались от носителя к носителю и проходили через множество других экстериоризованных и интериоризованных форм. Передача данных форм может стать особым объектом психологического исследования, но авторы псевдоэмпирических исследований обычно претендуют вовсе не на это.

В псевдоэмпирической науке функция псевдоэмпирических данных иная, чем функция эмпирических данных в науке, направленной на создание нового знания. Псевдоэмпирические данные нужны для весьма специфической цели — «пополнения списка литературы по теме X», «публикации статьи по теме Y». А само осуществление исследования напоминает поход по магазину «Наука: все, что нужно для ученого». Там на полках с названиями «Методы», «Базы данных», «Списки литературы» и даже «Написание диссертаций» пестреют блестящие упаковки с брендами известных товаропроизводителей.

Результат псевдоэмпирического исследования в значительной степени предопределен. Но «чем надежнее можно гарантировать успех исследования еще до его проведения, тем менее он значим для научного сообщества» (Аллахвердов, 2005)...

Манифест В.М. Аллахвердова напоминает психологам, что покупка рекламируемых модных пакетов анализа данных и модных теоретических «зонтиков» — не то, к чему стоит стремиться исследователю, овладевающему искусством создания, а не потребления знания.

Создание теоретических систем и готовность к противоречиям

По мере того как психология будет все больше использовать сложные формальные и математические модели (а в их необходимости мы не сомневаемся), она столкнется с теоремой Гёделя о неполноте и связанными с ней проблемами. В своей теореме 1931 г., имеющей фундаментальное философское и общенаучное значение, К. Гёдель доказал, что внутри любой абстрактной системы выводного знания сколь угодно высокого уровня, начиная с определенного уровня сложности, всегда имеются истинные утверждения, которые не могут быть доказаны средствами этой системы, и ложные утверждения, которые не могут быть опровергнуты. «Во всякой достаточно мощной системе истинность предложений системы неопределима в рамках самой системы» (формулировка А. Тарского, цит. по: Смаллиан, 1981, с. 236). Подчеркнем, **в простых системах неполнота, противоречия — результат логической ошибки, недосмотра**

автора, и эти системы могут быть переделаны в полные и непротиворечивые с логической точки зрения.

Поэтому, если, например, в магазине вам недодали сдачу и в ответ на ваше недоумение эрудированный продавец сослался на теорему, доказывающую неполноту арифметики, уже 70 лет как доказанную Гёделем, не верьте ему. Теорема о неполноте относится к намного более сложным ситуациям и системам.

Для доказательства или опровержения «проблемных» положений теоретической системы высокого уровня требуется разработка более богатой системы выводного знания, в которой, в свою очередь, также будут содержаться свои истинные, но недоказуемые положения, а также ложные, но непроверяемые и т. д. до бесконечности.

Причем на базе каждой предшествующей системы знания можно создать не одну, а множество отличных друг от друга более мощных теоретических систем, поскольку развитие исходной системы может осуществляться в разных направлениях. Поэтому неполнота сложных теоретических систем — источник роста их богатства. Так, на базе геометрии Евклида были созданы геометрии более высокого уровня — Лобачевского и Римана, и Евклидова вошла в них как составная часть. По дальнейшей аналогии нечто сходное произошло в психологии, когда в период преодоления недостатков ассоцианизма были созданы разные психологические школы — бихевиоризм, структурализм и др. (Мы отмечаем дальность аналогии, поскольку с формально-математической точки зрения ассоцианизм не относится к системам, анализируемым Гёделем.)

Если говорить о более конкретной проблеме — математическом, компьютерном моделировании психических процессов, то здесь теорема Гёделя выступает как проблема «паразитных» свойств, всегда имеющихся у моделей высокого уровня (Пятницын, 1984). «Паразитизм» этих свойств состоит в том, что они не отражают свойств оригинала и лишь искажают картину. Их выявление невозможно в рамках самой модели и требует новых моделей и средств, но у моделей следующего поколения, в свою очередь, с необходимостью будут выявлены свои паразитные свойства (ложные непроверяемые утверждения) и т. д.

Отсюда следует, что любая сложная математическая модель, в том числе модель психического, всегда в чем-то неправдоподобна, причем это неправдоподобие может быть скрыто и от пользователя, и от разработчика (Поддьяков, 2003).

В целом с теоремой Гёделя связан ряд фундаментальных положений философии и психологии, в том числе положение о потенциальной бесконечности процесса познания собственного мышления и потенциальной бесконечности его развития (Пенроуз, 2003; Поддьяков, 2000).

Итак, научные теории высокого уровня, моделирующие сложную реальность, неизбежно неполны, содержат ложные утверждения, противоречащие истине, и т. д. Эффект от осознания этих фактов двоякий. Блеск «платя» науки в глазах некоторых людей тускнеет, а в глазах других, наоборот, сияет еще ярче. Кто-то видит на нем дыры обнаружившейся нищеты, а кто-то — изящные и привлекательные вырезы. Они-то и составляют основную прелесть наряда,

причем не только наряда куртизанки. Исследователям второй группы поле науки предоставляет неисчерпаемые возможности для приложения творческих сил.

Полнота и подробность эмпирических описаний

Положение В.М. Аллахвердова о нежелательности описания таких деталей явления, которые не имеют ни теоретического, ни практического значения и никак не обсуждаются, представляется целесообразным рассматривать в контексте предлагаемой им экспликации этапов исследования. С нашей точки зрения, следует различать:

- требование подробности описания данных на этапе публикации или иного публичного представления результатов исследования;
- требование подробности описания феноменологии в процессе самого исследования.

В первом случае целью будет зафиксировать и представить достигнутые результаты внешней аудитории в наиболее четком и законченном виде. Избыточная информация здесь может быть сведена к минимуму.

Во втором случае целью является не только фиксация данных в рамках выбранной на данный момент модели, но и максимально полная ориентировка во всех особенностях нового изучаемого явления, относительно которого мы еще не знаем, что в нем важно с теоретической и прагматической точки зрения, а что нет (Поддяков, 2000; Семенова, 1998). Фиксация в записях неожиданного, удивившего, для чего пока нет четкого обозначения, возвращения к этому

моменту могут стать ключевыми в последующем творческом прорыве.

Какие факты могут показаться существенными, неожиданно значимыми через 2 месяца, через год, через 10 лет после проведения исследования?

На факультете психологии Университета Кларка используется исследовательский и обучающий прием сравнения записей эмпирических исследований, проведенных в разные исторические периоды. Современный просмотр документальных съемок поведения приматов, с которыми экспериментировал В. Келер в первой половине прошлого века, позволил обнаружить интересный факт. Решая созданные Келером задачи-головоломки, обезьяны помогали друг другу — например, придерживая палку для партнера, который совершал основное действие. Этот факт, который мог бы стать классическим, хрестоматийным по своей известности и значимости (совместная орудийная деятельность обезьян!), вообще не получил сколько-нибудь заметного освещения в публикациях Келера. Считал ли он данный факт не имеющим значения по сравнению с центральной темой инсайта? Или понимал его значимость, но опасался пойти на риск, представив научному сообществу факт, который не вписывается в систему наличного знания? Каковы бы ни были причины, некоторая избыточность зафиксированной эмпирической информации позволяла ему впоследствии и позволяет другим исследователям, обращающимся сейчас к его «сырым данным», переосмыслить некоторые события с новой теоретической точки зрения.

Ю.М. Лотман проводил следующее парадоксальное различие между

научным произведением и произведением искусства. Идеальный научный текст должен быть настолько четок и определен, что, прочитав его один раз, человек больше не испытывает необходимости к нему обращаться. Читатель должен иметь возможность схватить суть идеи (в пределе — короткую формулу) и использовать ее во всем разнообразии обстоятельств, в которых она только может быть применена. Поясняющие примеры, отступления и т. п. если и использовались в научном тексте, должны после осмысления прочитанного отпасть как ненужные строительные леса.

К произведению искусства человек, напротив, должен стремиться возвращаться еще и еще раз ввиду его неопределенности, противоречивости, диалогичности.

С точки зрения этого различия протокол психологического эксперимента должен содержать зафиксированные данные двух уровней. Один уровень определяется конкретными целями исследования и используемой теоретической моделью. На этом уровне протокол должен читаться как идеальный научный текст. Взглянул исследователь на данные, объял их мгновенно единой емкой формулой и поспешил представить ее в публикации. А протокол выбросил за ненадобностью: и без него теперь все ясно.

С точки зрения второго уровня протокол идеального психологического исследования должен читаться как произведение искусства. Он дол-

жен тянуть к себе, и каждое возвращение к нему должно давать что-то новое.

Психологическое исследование — это, по В.А. Лефевру, «изучение систем, сравнимых с исследователем по совершенству» (Лефевр 1969).

Статистика и качественная математика: разнояйцовые близнецы, воспитанные отдельно¹

В.М. Аллахвердов справедливо отмечает абсолютную нищету эмпирического анархизма, связанную с тем, что большинство эмпирических исследований в психологии заканчиваются корреляционным анализом данных, и эти данные не могут быть интерпретированы более существенным образом, чем позволяет их псевдоэмпирическое соответствие наличному знанию.

Готовность психолога гордиться той частью исследования, которая «объясняет» полученные данные (обычно в терминах «объясняемой дисперсии»), — это результат социальной договоренности, а не достоверности математического вывода. Движение метода ANOVA от статуса орудия к статусу общей объяснительной модели (Gigerenzer, 1991) создало в психологии иллюзию обнаружения надежных фактов там, где единственным надежным фактом является внутри- и межиндивидуальная изменчивость (Molenaar et al., 2002). Эта изменчивость в большей степени требует тщательного изучения индивидуальностей как

¹В психогенетике максимально различными считают близнецов, которые развиваются из двух разных яйцеклеток, а после рождения воспитываются в разных условиях среды (например, в разных семьях).

самоорганизующихся систем (Lamiell, 2003), чем их легкомысленного объединения в «выборку» из некоторой неизвестной «популяции».

Психологи редко понимают, что статистические методы — лишь очень небольшая часть математики и что числовое кодирование, создающее иллюзию количественного измерения, не гарантирует объективности (Essex, Smythe, 1999). Наиболее значительная часть современной математики — это качественная математика. Но, несмотря на очевидные ограничения количественных, в том числе статистических, методов, психологи по всему миру продолжают поиск невозможного — квантифицированных «истин», количественных законов, представляющих сложные качественные феномены.

Очевидно, что перевод в количественное измерение не может служить универсальным правилом выведения данных из явлений. Он может быть адекватным и теоретически обоснованным при одних условиях и абсолютно ненаучным при других — когда требуется неколичественное выведение. Вопрос о том, какой тип данных больше соответствует поставленной исследовательской задаче, должен решаться на теоретическом уровне, а не на уровне социальной договоренности между участниками исследовательского процесса. Однако социальное соглашение доминирует, и многие психологические журналы автоматически отвергают статьи, в которых отсутствует или «недостаточно представлен» количественный анализ данных, поскольку эти статьи «ненаучны». В действительности абсолютно ненаучна сама эта практика. Для ее преодоления

журнал «Culture and psychology» ввел правило, в соответствии с которым авторы статей должны давать обоснование необходимости используемых методов — как количественных, так и качественных (Valsiner, 2001). Отсутствие такого обоснования является поводом для отвержения статьи или же рекомендации ее существенной переработки. Рецензентам же вменяется в обязанность специально отслеживать это соответствие методов исследовательской задаче. Наличие статистической обработки данных — не менее подозрительное обстоятельство, чем ее отсутствие.

Поддерживая положение В.М. Аллахвердова о необходимости последовательного усложнения используемых методов статистической обработки, мы считаем, что, начиная с определенного уровня сложности метода, надо проверять всю предложенную процедуру обработки, используя наборы случайных данных (метод Монте-Карло). Обнаружение корреляций случайных данных будет свидетельствовать о ненадежности или ошибочности метода и позволит скорректировать его или выбрать другой.

Следствия для обучения

Особую важность обсуждаемые проблемы приобретают при обучении. Если в своей личной исследовательской практике психолог волен выбирать, быть ли ему чистым «теоретиком», эмпириком или даже псевдоэмпириком, то при обучении психологии он обязан давать более общую картину исследовательской деятельности. С нашей точки зрения,

в результате обучения студент должен иметь возможность получить отрефлексированные представления о вышеописанном методологическом цикле и о том, как субъекты исследовательской деятельности разных уровней (от отдельного ученого до различных теоретических, эмпирических и «гармонизированных» психологических школ и направлений) решают для себя проблему соотношения теории, эмпирии, практики. Надо показать студентам, как эти субъекты ищут (или не ищут) зоны развития и роста своего направления в новых теоретических положениях, в новой эмпирии, в методических находках. Мы считаем, что надо дать обучающимся отрефлексированное представление и о «теневой научной методологии» (термин А.В. Юревича), ее целях, функциях и последствиях, чтобы они могли ее узнавать при встрече.

Задача «приглашения к развитию» методологического психологического знания («к развитию можно только пригласить» — В.П. Зинченко) по-разному решается в учебных

курсах В.П. Зинченко, С.Д. Смирнова и И.И. Ильясова на факультете психологии МГУ, Я. Вальсинером в Университете Кларка, К.А. Абульхановой, В.Д. Шадриковым и А.Н. Поддьяковым в ГУ ВШЭ.

В целом, с нашей точки зрения, одна из главных ценностей и целей обучения психологии — развитие творческих способностей к порождению принципиально новых решений, которые не выводимы из уже известных и адекватны новой и изменяющейся психологической реальности. Среди этих способностей будущего психолога одно из важнейших мест, наряду с теоретическими способностями, неизбежно займут способности к познанию психологической реальности на основе реального же взаимодействия с ней, способности к индуктивным обобщениям полученной новой информации по новым, ранее неизвестным основаниям и т. д. Знание, создаваемое на такой методологической основе, с большей вероятностью будет блистать своим теоретическим и эмпирическим богатством, чем исследовательской нищетой.

Литература

Аллахвердов В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, №1 С. 44–65.

Васильюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.

Лефевр В.А. Системы, сравнимые с исследователем по совершенству // Системные исследования. М.: Наука, 1969.

Пенроуз Р. Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Поддьяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М., 2000. Электр. версия: <http://www.researcher.ru/methodics>.

Поддьяков А.Н. Правдоподобие и неправдоподобие виртуальной реальности // 3-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. М.: Психологический институт РАО, 2003. С. 364–366. Электр. версия: http://psynet.by.ru/texts/conf_4.htm.

- Пятницын Б.Н.* Об активности модельного познания // Творческая природа научного познания / Отв. ред. Д.П. Горский. М.: Наука, 1984. С. 121–150.
- Семенова В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
- Смаллиан Р.М.* Как же называется эта книга? М.: Мир, 1981.
- Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.
- Branco A.U., Valsiner J.* Changing methodologies: A co-constructivist study of goal orientations in social interactions // *Psychology and Developing Societies*. 1997. 9 (1). P. 35–64.
- Gigerenzer G.* From tools to theories: A heuristic of discovery in cognitive psychology. *Psychological Review*. 1991. 98 (2). P. 254–267.
- Essex C., Smythe W.E.* Between numbers and notions. *Theory & Psychology*. 1999. 9 (6). P. 739–767.
- Lamiell J.T.* Beyond Individual and Group Differences: Human Individuality, Scientific Psychology, and William Stern's Critical Personalism. Thousand Oaks, Ca: Sage, 2003.
- Molenaar P.C.M., Huizinga H.M., Nesselroade J.R.* The relationship between the structure of inter-individual and intra-individual variability // U. Staudinger, U. Lindenberger (eds.). *Understanding human development*. Dordrecht: Kluwer, 2002. P. 339–360.
- Valsiner J.* The first six years: Culture's adventures in psychology // *Culture & Psychology*. 2001. 7 (1). P. 5–48.

ЗАКОНЫ МЕТОДОЛОГИИ НЕОБХОДИМЫ ДЛЯ НАУКИ

Е.А. СЕРГИЕНКО

Сергиенко Елена Алексеевна — заведующая лабораторией Института психологии РАН, заведующая кафедрой Государственного университета гуманитарных наук, доктор психологических наук. Член Президиума Российского психологического общества. Член Международного общества изучения развития поведения (ISSBD). Контакты: e.sergienko@psychol.rus.ru

Резюме

В комментариях приводятся соображения, усиливающие представления В.М. Аллахвердова о значении методологии для психологической науки. Методология рассматривается как стержень науки, необходимый для дальнейшего развития и психологической теории, и практики. Приводятся аргументы в противовес принципу «методологического либерализма».

Статья В.М. Аллахвердова не может оставить равнодушным ни одного психолога, особенно включенного в эмпирические исследования «делателя науки». В целом я согласна с основными положениями автора, ценю его страстность в отношении к науке, тонкость понимания научных проблем и заострение самых серьезных вопросов психологии, как и науки в целом. Статья эта, на мой взгляд, должна вызвать к жизни возрождение интереса к методологии науки, психологии в частности, консолидировать психологическое сообщество, ибо дискуссия рождает чувство тож-

дественности: мы все об этом тоже думаем, нас это тоже волнует. Более того, консолидация ученых необходима для возрождения роли науки в нашем обществе. Некоторая потеря авторитета науки связана и с феноменами житейской психологии (я опускаю экономические и политические мотивы). Большинство людей хочет слышать авторитетное суждение о реальности (например, что произойдет, если клонировать человека или какой вред приносят мобильные телефоны, повлияет ли развод родителей на психическое развитие ребенка и т. п.). Люди хотят знать наверняка,

что делать, хотя опереться на компетентное, но *конечное решение*. Обращаясь к ученым с такими вопросами, общество желает невозможного. Ни одно научное утверждение не может претендовать на то, чтобы считаться абсолютно истинным. Давая определение суждению как «научному», мы просто указываем способ его возникновения, обозначаем теорию, лежащую в его основании. Научность суждения вовсе не означает его истинности. Суждение может быть верным лишь на определенном этапе в том смысле, что какое-то время будет *лучшим из объяснений* данного факта. Тяга житейского сознания любого человека, даже занимающегося наукой, к четкой дихотомии, психологически объяснима. Упрощение модели мира, явления, события позволяет привести его к рационализации, а значит более ясному осознанию, выбору альтернатив. Однако, как только мы вступаем в область научного анализа, происходит постепенное заполнение континуума, лежащего между полюсами решения. Происходит умножение сложности системы представлений. Умножение сложностей порождает и снижение вероятности предсказаний, прогноза. Одним из критериев развитой научной теории являются ее прогностические возможности. В.М. Аллахвердов подробно останавливается на проблеме описания эмпирических исследований, которые составляют доказательную основу теории, а далее ее прогностические возможности. Хотелось бы обратить внимание на связь прогностических возможностей научного знания (теории) и проблемы детерминизма. Наука сегодня может оперировать вероятностями.

Оценка вероятности применяется и в тех случаях, когда концепция усовершенствуется и когда она отклоняется. Аллахвердов приводит яркие примеры сопоставления фактов с теориями. Это являлось одним из пунктов разногласия между позициями Поппера, Куна и позицией Лакатоса. Как указывает английский философ Мел Томпсон, «раз мы имеем дело с вероятностью, вовсе не обязательно, чтобы каждый факт соответствовал теории, нужно лишь, чтобы теория в статистическом плане отражала происходящее при оценке некоего массива данных. Дюркгейму законы, познаваемые с помощью статистики, представлялись некой силой, достаточной для проявления в ряде случаев, но не овладевающей отдельным человеком. Некоторые могут воспринимать эту силу, другие — нет, однако статистическое число тех, на кого она действует, предсказуемо» (Томпсон, 2003, с. 187). Отсюда следует, что отдельный человек предсказуем в значительно меньшей степени, тогда как общая тенденция поддается количественному определению. Следовательно, делая прогноз на основе существующей научной теории сегодня, наука может указать лишь общие тенденции, но прогноз единичного примера имеет иную (меньшую) предсказательную силу. Иначе говоря, то, что представляется определенным на одном уровне, на другом будет характеризоваться неопределенностью или маловероятной предсказуемостью. В этой связи нельзя не согласиться с суждением автора статьи о правилах использования математических методов статистической обработки эмпирических данных. С одной стороны,

сложные статистические процедуры вносят еще большие погрешности в интерпретацию и часто неоправданны. С другой стороны, как мы уже отмечали, законы и закономерности науки существуют только как некоторые вероятности их воспроизводимости в примерах. Следовательно, безусловно необходимо развитие статистических процедур, но не как последнего звена в доказательствах, а как одного из многих, но веского аргумента.

Важнейшим вопросом дискуссии, поднятым в статье В.М. Аллахвердова, является отношение к методологии науки, психологии в частности. Поскольку в психологии преобладают нечеткие, размытые понятия, то ее положение по сравнению с естественными науками значительно сложнее. Идеи методологического либерализма, ярким сторонником которого выступает, например, А.В. Юревич, возникли как реакция на методологический тоталитаризм недавнего отечественного прошлого. Однако с течением времени становится ясным, что методологический либерализм несет в себе явные опасности. Во-первых, происходит размывание границ научного и ненаучного знания. Во-вторых, наблюдается снижение критериев научного познания, утрата ориентиров научных поисков. В-третьих, это ведет к снижению уровня подготовки научных кадров (поскольку все хорошо и даже недоказанные концепции, сомнительные доводы могут стать предметом научных диссертаций). И, наконец, это приводит к утрате авторитета науки, не имеющей четких законов (принципов) описания, получения научных фактов, их интерпретации. Я выступаю вовсе не за ме-

тодологический тоталитаризм, а за развитие, эволюцию методологических принципов, их постоянную разработку, т. е. за методологические законы. Постоянная разработка проблем методологии, ее понятийного аппарата — одна из важнейших задач науки, а для психологии она особенно актуальна. Полифоничность теорий и концепций совершенно не идентична научной неряшливости, не критичности, использованию несовместимых, недоказанных теорий и концепций. Подобная тенденция методологического «беспредела», даже не либерализма, очень четко просматривается и в проведении научных исследований, и в уровне научной продукции, и уровне многих диссертационных работ. Кроме тех последствий для науки, к которым приводит отсутствие понимания значения методологии, еще большие последствия можно наблюдать в практической работе. Уровень некоторых психологических консультаций, рекомендаций, коррекционной работы, тестирования ниже уровня здравого смысла. Возникает даже подозрение, что психологом может стать любой человек, желающий заниматься психологическим консультированием, а долгие годы образования, профессионального роста, постоянного совершенствования навыков — лишние трудности, не приводящие к успеху.

Статья В.М. Аллахвердова заканчивается методологическим манифестом. Я всецело присоединяюсь к предложению автора и считаю, что для психологической науки настал момент, когда мы или пойдем по пути создания строгой научной дисциплины с развитой методологией, или придем к девальвации психологического

знания, к поглощению психологии более развитыми близкими областями науки (например, биологией: уже наметились сильные тенденции сведения психологии к манипуляции поведением посредством молекулярной биохимии). Признаки такой девальвации проявляются социально, когда на различные ток-шоу приглашают наряду с психологом служителя церкви и астролога.

Мне кажется, что статья В.М. Аллахвердова точно отражает этот критический момент развития нашей науки и обозначает самые болезненные точки ее роста. В дополнение к задаче разработки методологических законов следует отметить серьезную потребность в создании и принятии этического кодекса психолога, что прямо связано с укреплением позиций психологии как науки.

Литература

Томпсон М. Философия науки. М.: Издательско-торговый дом «Гранд», 2003.

НЕОТВРАТИМОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Т.В. ЧЕРНИГОВСКАЯ

Черниговская Татьяна Владимировна — профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Защитила докторскую диссертацию «Эволюция языковых и когнитивных функций: физиологические и нейролингвистические аспекты» по специальностям «Теория языкознания» и «Физиология». Входила в Совет «Проблемы сознания» при Президиуме Академии Наук СССР. Руководитель ведущей научной школы «Петербургская школа психолингвистики».

Сферы научных интересов — психо- и нейролингвистика, когнитивная лингвистика и психология, нейронауки, происхождение языка, теория эволюции, искусственный интеллект. Автор более 200 научных трудов.

Контакты: tatiana@TC3839.spb.edu

Резюме

Методологический кризис экспериментальной науки налицо. Необходима выработка подхода, где органично синтезированы как гуманитарные, так и естественнонаучные знания и парадигмы. Вопросы, стоящие перед психологией, — те же, что и перед когнитивной наукой в целом, и перед нейрофизиологией, лингвистикой, антропологией, и даже перед квантовой физикой, включающей теперь в себя наблюдателя как релевантного и невычитаемого участника. Мультидисциплинарность является неотвратимым настоящим и будущим науки, что влечет за собой огромные трудности и перестройки для встречи с совершенно новым типом знания, включенного в более широкий контекст. Стоит вспомнить, что наш вид — Homo Loquens, и язык является лучшим средством противостоять сенсорному хаосу, а восприятие может быть описано как относительно объективное только благодаря конвенциональности номинации.

Quodcunque ostendis mihi sic, incredulus odi.
Horatius¹

Статья В.М. Аллахвердова «Блеск и нищета эмпирической психологии» ярко и своевременно положила

начало дискуссии о методологическом манифесте петербургских психологов. Хотела бы сразу же отметить,

¹Я не поверю тебе, и мне зрелище будет противно. Гораций

что эта дискуссия не кажется мне еще одним проявлением обычного для наших столиц ревнивого трехсотлетнего противоборства; скорее это смелая попытка ориентировки в пространстве и времени современной экспериментальной науки вообще, методологический кризис которой налицо. Я во многом солидарна с позицией автора, так как недолюбиваю неленивых ученых. На вопрос: «Какова цель вашей работы?» — слишком многие отвечают: «Мы вначале будем исследовать, ставить опыты, собирать материал, а потом обработаем и посмотрим...» На что «мы посмотрим»? Что искали? Что опровергали или подтверждали? — Ничего. А если ничего не ищешь, то ничего и не найдешь! Человечество, похоже, входит в новый этап развития науки. Точнее говоря, возвращается к не вполне забытому старому — когда не было отдельных наук, а была натурфилософия или просто философия — мать всех наук. Я вовсе не хотела бы быть понята как адепт отказа от научной парадигмы вообще. Совсем наоборот: именно сейчас нужно отчетливо представлять себе, что может быть исследовано научными методами, а что — нет. Моя идея заключается в том, что Наука как совокупность *разных* наук себя исчерпала и необходима выработка совсем другого подхода, где будут объединены органично, а не искусственно как гуманитарные, так и естественнонаучные знания и парадигмы. У нас просто нет другого выхода! Поэтому вопросы, стоящие перед психологией, — те же, что и перед когнитивной наукой в целом, и перед нейрофизиологией высшей нервной деятельности, и перед лингвистикой, и перед

антропологией и т. д. Даже перед квантовой физикой! — поскольку она включает в себя наблюдателя как релевантного и невычитаемого участника, ибо его отсутствие меняет свойства изучаемого объекта. В этой связи вспомним В.П. Зинченко: «Внешний мир строится изнутри», М.К. Мамардашвили с единым континуумом Бытия и Сознания: «Мышление и Бытие совпадают» и — его совместный с А.М. Пятигорским призыв описывать мир без дихотомии «субъект — объект». Даже не *междисциплинарность*, а *мультидисциплинарность* является неотвратимым настоящим, не говоря о будущем науки вообще. Да, конечно, это влечет за собой огромные трудности и перестройку сознания. Перестройку образования, и не только высшего. Но у нас, повторяю, нет выхода! Либо мы будем заниматься профанацией изучения поведения неких единиц (неважно каких), закрывая глаза на то, что они обретают смысл только как части целого, либо нам придется открыть глаза и сознание для встречи с совершенно новым типом науки — строгой, соблюдающей все принципы такого рода мыслительной работы, но осознающей свою включенность в более широкий контекст. Собственно, моим ответом будет: не вижу оснований выделять психологию, лингвистику, искусственный интеллект, этологию и целый ряд других наук такого рода из общей сетки когнитивных наук или даже Когнитивной Науки. Что нам делать? Не бояться друг друга, вести постоянный диалог всех сторон, пропитываться идеями — старыми и новыми — соседних областей знаний, пытаться договориться об общем

языке (что крайне трудно, так как одни и те же термины могут обозначать существенно отличные вещи) и напряжением всех интеллектуальных сил разрабатывать методы экспериментальных исследований, не противоречащие, по возможности, отдельным частным наукам. Смирить гордыню и не бояться получить ответ «Так делать нельзя, потому что...» (из чего не следует, что так делать действительно нельзя, но — не зная броду, все же не лезут в воду). Нарушать каноны, *зная*, а не по невежеству. Мои многолетние контакты и совместная работа с представителями очень разных областей знаний говорят о том, что это не только возможно, но и невероятно интересно! Общий язык может быть найден. Антропологи, нейрофизиологи, психологи, лингвисты, философы, культурологи, физики, математики, психиатры, даже теологи — все они, часто не подозревая об этом, существенно трансформировали мое отношение к установившимся парадигмам и даже к собственным научным результатам. И теперь, читая лекции в университете или планируя новые эксперименты, я уже не могу не учитывать всю целостность этой пестрой, но захватывающей картины. А психологам стоит вспомнить, что наш вид — *Homo Loquens*, а значит, серьезного знакомства с лингвистикой не избежать. Язык является лучшим средством противостоять сенсорному хаосу, который атакует нас каждую

миллисекунду: именно он обеспечивает номинацию ментальных репрезентаций сенсорного инпута и, таким образом, «объективизирует» индивидуальный опыт, в какой-то мере обеспечивая описание мира и коммуникацию. Это значит, что именно и только язык, будучи культурным феноменом, хотя и базирующимся на генетически обусловленных алгоритмах, соединяет объекты внешнего мира с нейрофизиологическими феноменами, используя конвенциональные семиотические механизмы. Наше восприятие может быть описано как относительно объективное только благодаря конвенциональности номинации, договору о том, в какие ячейки мы будем упаковывать наши ощущения. Элегантность, размер и качество этих ячеек варьирует от языка к языку и от индивидуума и к индивидууму. Более того, мы сталкиваемся с нарушенным или даже иллюзорным и галлюцинаторным восприятием, но язык и мозг справляются и с этим. Мы должны соединять *слова с событиями и вещами*, и в каких-то случаях это удается лучше (как с цветами и линиями), а в каких-то — хуже (как с запахами и вкусами). Мы можем столкнуться и с синестезией — сенсорной или когнитивной, — когда разные модальности восприятия могут обмениваться опытом и инвентарем... Но это именно тот мир, в котором мы поселились... Вряд ли наши московские друзья будут с этим спорить.

К МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Ю.М. ШИЛКОВ

Шилков Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научные интересы: проблемы онтологии, теории познания, методологии науки, философской антропологии, философии и психологии сознания, философии языка, психологии культуры.

Публикации (общее число — свыше 100): «Гносеологические основы мыслительной деятельности» (СПб., 1992); «Основы теории познания» (СПб., 2000, в соавт.); «История и методология науки: феномен специализированного познания» (СПб., 2004, в соавт.); «Философия: учебник для вузов» (М., 2004, соавтор и редактор).

Контакты: shilkov@js12322.spb.edu

Резюме

Предпринята попытка уточнения некоторых особенностей психологического познания с точки зрения современной методологии науки. Прежде всего, оговаривается различие между методологией познания в классической и современной науке. Затем предлагается эскиз обсуждения трех вопросов:

- 1. Каковы условия установления психологического факта? 2. Каков характер объективности и условий возможности психологического исследования?*
- 3. Третий вопрос связан с проблемой истины в теории психологического познания. Элемент особого внимания присутствует при прояснении специфики психологического эксперимента.*

1. Начну с соображений о разнице между методологией познания в классической и современной науке. Общим необходимым основанием таких различий оказывается понятие научной рациональности. Конечно, его полезность никоим образом не исчерпывается задачей на такое различие. В классической науке (XVII–XIX вв.) имела место недооценка методологического обоснования познания. До сих пор бытует стихийное и распространенное убеждение ученых (психологи — не ис-

ключение) в том, что любые отрасли науки возникали и развивались по мере выявления и решения конкретных проблем; при этом методологические соображения, как правило, не принимались в расчет исследователем: он не придавал им значения. Однако в течение нескольких последних десятилетий познавательная ситуация в науке изменилась. Хотя сама по себе повседневная научная работа по-прежнему приносит какие-то плоды, без методологической рефлексии познания в любой научной

дисциплине сегодня обойтись уже нельзя. Во всяком случае, классическое представление о практике научного познания не приближает нас к истинному пониманию положения дел в современной науке.

Так, классическая наука ограничивалась наивным представлением о «простом» описании и последующей систематизации (классификации) фактов. Достаточно напомнить ходячий тезис «гипотез не измышляю». Современная методология эмпирического познания предлагает, во-первых, обратить внимание на проблематическое представление факта («факты 1» и «факты 2»); во-вторых, прояснить лингвистическую (терминологическую) природу фактофиксирующих предложений; в-третьих, помнить о теоретической (гипотетической) нагрузке эмпирического описания (обобщений).

Что касается методологии теоретического познания, то в классической науке обычно сосредоточивались на объяснительной функции теории. Основные положения теории уже содержались в предположительном строе рассуждений обоснованной гипотезы. Теория приобретала свои отвлеченно-понятийные черты постепенно за счет ресурсов последовательного обобщения опытных данных. Скажем, законы планетарного движения в классической физике явились результатом последовательных сличений данных наблюдений с выдвигаемыми гипотезами (например, известная последовательность опытных шагов по формулировке закона эллиптического движения планет, предпринятая И. Кеплером). Как показывает история развития классической науки,

теория могла существовать и получать дальнейшую разработку и модификации независимо от эмпирических (экспериментальных) результатов. Проверка классической научной теории ограничивалась процедурами ее опытного подтверждения.

Безусловно, методология современного научного познания опирается на классические принципы. Вместе с тем среди методологических новаций, инициированных в философии XX в., можно выделить следующие. Имеет место смещение центра тяжести с теоретического монизма в классической науке в сторону теоретического плюрализма в современной науке, следствием чего является феномен теоретической конкуренции в различных областях естествознания (не говоря уж о гуманитарном знании). Конкурентная способность теории определяется не только ее объяснительным и прогностическим потенциалом. Существенная роль в теоретическом познании отводится, например, процессам математизации, формализации, другим логико-лингвистическим процедурам. Роль современного мысленного (численного, компьютерного) эксперимента или моделирования в теоретическом знании трудно переоценить. Конкурентные отношения между теориями выступают в роли важнейшего фактора их когнитивного развития. Еще один момент современной методологии теоретического познания фиксирует опытную (практическую, прикладную, экспериментальную) нагрузку теории.

2. Какой бы степенью конкретности ни обладало психологическое исследование (в терминах как эмпирико-экспериментальной, так и теоретической

психологии), его первый методологический шаг состоит в уточнении своей предметной области. Напомним, что границы предметной области психологии как науки и в ее пределах любой исследовательской процедуры прямо или косвенно определяются свойствами понятия психики и разнообразием его производных. Дифференциация психических свойств на свойства сознательной и бессознательной психики предполагает разделение предметной компетенции между психологией и психоанализом. В связи с уточнением и конкретизацией предметных признаков психологии как науки возникает вопрос о ее дисциплинарном строении. С методологической точки зрения дисциплинарный образ психологического знания предполагает совокупность дисциплин разного уровня общности.

Создается впечатление, что психологи как бы боятся делать разбор понятия психики, принимая его в качестве само собой разумеющегося известного принципа исследования. Поэтому разговор о методологии психологического познания необходимо предварить вопросом о том, что скрывается за понятием психики. То обстоятельство, что содержание понятия психики сделалось весьма произвольным, расплывчатым, не может не вызывать беспокойства. Во-первых, изучая явления, психологи прямо или косвенно связывают их с предметной сферой психического. Если делается такое допущение, то тогда, во-вторых, возникает вопрос о соответствии методов (средств, форм, приемов) любого психологического исследования его предметной области.

Обязательность предметно-понятийной квалификации психики предполагает, что любое исследование, заявляющее о своем научном статусе, стремится прояснить ключевые эпистемологические вопросы. 1. Каковы условия установления психологического факта? 2. Каков характер объективности и условий возможности психологического исследования? Вопрос о методологическом статусе психологического (научного) факта и вопрос об «объективности» и сегодня находятся в центре внимания методологической дискуссии о природе психологического познания. 3. Насколько истинно психологическое знание? Разберемся в этих вопросах, но лишь в самом первом (точнее, эскизном) приближении.

3. Классический тезис о «спасении явлений (фактов)» является сегодня элементом старого реквизита, за который, впрочем, хватаются и поныне многие психологи. Полагать, будто бы психологический эксперимент по своим предметно-понятийным и технологическим особенностям можно редуцировать к естественнонаучному (физическому, биологическому) эксперименту, было бы просто опрометчиво. Во-первых, тех технологий, от применения которых сегодня зависит продуктивность и истинность физического или биологического эксперимента, в психологическом эксперименте просто нет. Во-вторых, если физик или биолог экспериментируют с явлениями соответствующей природы, так сказать, «напрямую», «непосредственно», то психолог не может пренебречь особенностями того явления (человека, человеческих отношений), с которым он вступает в когнитивные отношения. Специфика

психологического эксперимента начинается с учета предметной корректировки изучаемого явления психической (человеческой) реальности. (О зоопсихологии в данном случае разговор не ведется.) Так, например, экспериментатор должен учитывать, что испытуемого будут беспокоить не столько те задачи, которые перед ним поставлены экспериментатором, сколько наличие собственного мнения и представления о возможностях их решения. Дело в том, что поведение и действия испытуемого (испытываемых) непосредственно не зависят от экспериментальной ситуации. Посредниками при проведении эксперимента оказываются мнения, образы, представления испытуемого, которые он составил о чем-либо или о ком-либо. Мнения испытуемого формируют его жизненный опыт (повседневный, коммуникативный, познавательный и т. п.), управляют его действиями. Вот почему вопрос о том, насколько вообще психология (психологи) в состоянии постичь и репрезентировать (воспроизвести) реальное событие (факты 1), сохраняет свою дискуссионность и в наши дни. Считать, что модель естественнонаучного познания претендует на монополию и универсальный идеал любого исследования, а поэтому может быть пригодна в любой науке, не оправданно.

4. Вопрос об «объективности». По-видимому, с методологической точки зрения целесообразно строить теорию психологического познания как объективной возможности. Подобный опыт методологической рефлексии как в методологии естественнонаучного, так и в методологии гуманитарного познания уже

существует. Речь идет о том, что, например, изучение явлений психологической реальности есть их рациональное конструирование (представление, моделирование). Основа разделения дисциплинарного сообщества в психологии как науке представлена не так называемыми фактическими связями (связями явлений психической реальности), а рациональными отношениями проблемных форм их предметно-теоретического выражения. Хочу подчеркнуть, что объективность психологического познания подразумевает не отражение реальности в понятиях, а рациональное конструирование психической реальности в терминах конкретной психологической дисциплины. Одна из лидирующих функций при обосновании объективности отводится языку (как эмпирической, так и теоретической психологии), а также психологической терминологии (работа с термином как отдельная тема в методологии познания).

Отсюда вывод. Психологическая теория не является отражением психической реальности или какого-то конкретного психического явления, а представляет собой конструкцию, модель этой реальности или конкретного явления; при этом такая теория нуждается в опытном, эмпирическом обосновании. Понятие психологической теории нагружено экспериментальными возможностями. Поэтому она не является теорией о психологической реальности как таковой, а позволяет взглянуть на реальное положение дел в модусе возможного теоретического знания. В этом качестве всякая конкретная научно-психологическая теория является ответом на поставленные

вопросы. Разбор, анализ таких вопросов оказывается существенным условием объективности психологического исследования. Более того, если рефлексивные способности экспериментатора и теоретика позволяют ввести поправки на собственную субъективность и тем самым скорректировать результаты, то подобный феномен осознанной субъективности становится моментом обоснования объективности знания. Наконец, еще одно обстоятельство, обосновывающее объективность психологического знания, заключается в безупречной логике доказательств и рассуждений психолога.

Таким образом, обоснование объективности предполагает психологическую теорию как теорию возможного знания о психической реальности. Среди других ключевых моментов можно назвать работу с языком (терминами), рефлексии собственной субъективности и устранение ее возмущающего воздействия, а также вопрос о логической правильности всех построений.

5. Что касается вопроса об истинности психологического знания (в первую очередь теории), то можно напомнить, что классическая характеристика истины как соответствия (адекватности) знания действительности в современной методологии науки все больше становится анахронизмом. Процедуры проверки или

опровержения, критерии очевидности, конвенциональная теория истины и др. сами по себе являются косвенными приемами, с помощью которых устанавливается истинность результатов. Если говорить об истине как цели исследования, то появляется соблазн подменить истину выгодой, пользой, ценностью. Правда, все эти прагматические заменители истины часто играют весьма продуктивную роль в познании, и поэтому от них нельзя отказываться, впрочем, так же как и от других приемов ее установления. Логические экспликации, идея когерентности истины должны находить апробацию в психологической теории, при выдвижении гипотез. Замечу, что традиционное различие между гипотезой и теорией сегодня все больше и больше стирается, особенно в связи с внедрением в экспериментальную практику электронно-информационных (численных) технологий. И все же сам по себе вопрос обоснования гипотезы в научном познании сохраняет свою методологическую значимость. Эта процедура позволяет отличить выдвижение научной гипотезы от выдвижения других гипотетических суждений. Методология обоснования научной гипотезы позволяет обезопасить научное психологическое исследование и его результаты от всевозможных псевдоисследовательских форм, маскирующихся под науку.

ВОИНСТВЕННЫЙ РОМАНТИЗМ

А.В. ЮРЕВИЧ

Юревич Андрей Владиславович — заместитель директора Института психологии РАН, доктор психологических наук. Автор 8 монографий и 162 научных статей, посвященных актуальным проблемам психологии и науковедения. Член редакционных коллегий журналов «Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Науковедение», ряда российских и международных научных организаций.

Контакты: yurevich@psychol.ras.ru

Резюме

Отвечая на статью В.М. Аллахвердова (публикуемую в данном номере журнала), автор причисляет его к «психологам-романтикам», озабоченным «вечными» методологическими проблемами психологической науки, и характеризует как одного из ее самых ярких современных представителей. Вместе с тем ряд положений его статьи, а также высказанных в ней настроений подвергаются автором критике. По его мнению, В.М. Аллахвердов иногда противоречит сам себе, формулирует слишком жесткие императивы, не вполне адекватно трактует ключевые идеи постмодернизма и недостаточно корректно их опровергает, неоправданно смешивает постмодернизм и феноменологию с иррационализмом, антисциентизмом и т. п.

Современных российских психологов можно разделить на две категории — романтиков и прагматиков. Романтики мучаются над «вечными» проблемами психологической науки, такими, как ее разобщенность на несоизмеримые — в терминах Т. Куна — теории, а точнее, психологические «империи» (такие, как когнитивизм, бихевиоризм и психоанализ), всевозможные «параллелизмы», отсутствие общеразделяемого знания, неотработанность критериев его адекватности, непроясненность вопроса

о том, мы управляем своими нейронами или наши нейроны управляют нами, и т. п. Прагматики зарабатывают деньги, с успехом продавая существующее, весьма несовершенное психологическое знание, резонно полагая, что, если его покупают, оно того заслуживает, и нет смысла ломать мозги над «проклятыми» методологическими проблемами, которые к тому же, как показывает более чем столетний опыт развития психологической науки, все равно неразрешимы.

В.М. Аллахвердов принадлежит к породе психологов-романтиков, которая еще совсем недавно «пассионировала» в психологическом сообществе (вспомним методологический кружок Г.П. Щедровицкого и прочие симптомы увлеченности психологов методологическими проблемами), а теперь если и не вымирает, то выглядит как реликтовый вид, чуждый нашему прагматическому веку, ведь на методологии, в отличие от тестирования или Т-групп, много не заработаешь. Он с неподдельным энтузиазмом истинного романтика устраивает нам «методологические путешествия», например, «по океану бессознательного к таинственному острову сознания» (Аллахвердов, 2003), завлекает «сознанием как парадоксом» (Аллахвердов, 2000), опровергает вроде бы самоочевидные правила проведения психологических исследований. Его чрезвычайно яркие и интересные тексты высвечивают парадоксы там, где, казалось бы, все просто и ясно, и действительно напоминают увлекательные путешествия мысли, причем нередко и по «закрытым территориям» психологического познания.

Автор данной статьи делает эти комплименты В.М. Аллахвердову не для того, чтобы получить с их помощью индульгенцию за содержащуюся ниже критику его очередного яркого и увлекательного текста, а с тем, чтобы сразу же последовать одной из рекомендаций, содержащихся в самом этом тексте, — сделать нормативно обезличенное научное общение более личностным. Но пора перейти к самому тексту В.М. Аллахвердова, к акцентированным в нем идеям и, что очень характерно для ярких и

эмоциональных авторов, к еще более акцентированным там настроениям.

Одной из главных тенденций в развитии современной социогуманитарной науки стало ее заражение постмодернизмом, которое, как принято считать, размывает традиционные основания научного познания. Представители научного сообщества обнаруживают в отношении постмодернизма четыре типа реакции, которые любое сообщество проявляет к каким-либо новым веяниям. Одна его часть постмодернизм попросту не замечает, вторая — замечает, но игнорирует, третья относится к нему положительно, четвертая — отрицательно, как к измене тем правилам, которые не один век верой и правдой служили науке. В.М. Аллахвердов явно принадлежит к четвертому типу ученых: чувствуется, что постмодернизм его раздражает, и он выражает свою раздраженность в присущей ему яркой и эмоциональной форме. Чего стоят, например, одни только характеристики П. Фейерабенда (которого В.М. Аллахвердов считает одним из главных виновников активного распространения постмодернизма в методологии науки), содержащиеся в одном из его текстов. «П. Фейерабэнд же — иногда кажется, что исключительно из желания сказать нечто несусветно неожиданное или даже из PR-соображений, — просто смешивает науку с грязью» (Аллахвердов, 2003, с. 262). Или «г-н. Фейерабэнд, да простят меня его поклонники, имеет большой литературный талант, неплохое знание истории физики, но не имеет научной совести» (Аллахвердов, 2003, с. 260).

В этих высказываниях можно усмотреть иллюстрацию одного из

принципов той системы взглядов (и настроений), которую В.М. Аллахвердов выделяет в своей статье, презентуя как некое идейное целое и подавая как альтернативу постмодернизму и прочим методологическим «безобразиям». Сам же принцип звучит так: *«Субъективизм в науке неизбежен, его проявления следует учитывать, а не скрывать, и, хотя ученый обязан стремиться к объективности, субъективная составляющая научного знания должна адекватно отражаться в научных текстах»* (с. 49). Полагаю, хотя сам В.М. Аллахвердов это не акцентирует, что данное высказывание не следует понимать в том смысле, что, если, например, автор научного текста считает своих оппонентов дураками и проходимцами, он непременно должен сказать об этом в самом тексте или дать им примерно такую характеристику, которую сам В.М. Аллахвердов дает П. Фейерабенду. Но в сформулированном принципе обращает на себя внимание наличие императива, выраженного словом «должен», который присутствует и в других принципах, образующих своего рода реперные точки статьи Аллахвердова: *«...должна ставиться под сомнение»* (с. 52), *«должны специально маркироваться»* (с. 53), *«...ни в коем случае не должны»* (с. 53) или *«авторам следует указывать в своих текстах...»* (с. 51), *«следует исходить»* (с. 56), *«всегда следует учитывать...»* (с. 56), *«...не следует уделять места описанию таких деталей»* (с. 55) и т. п. И хотя в формулировках ряда других принципов, выделенных автором, присутствуют более мягкие формулировки: *«желательно пояснять...»* (с. 53), «же-

лательно, чтобы были описаны процедуры...» (с. 54), *«полезно указать»* (с. 54), *«лучше избирать...»* (с. 57), *«лучше начинать с самого простого»* — (с. 61), все же выдвигаемая им система принципов звучит как набор довольно жестких предписаний. А если учесть, что в основном эти предписания узаконивают отмену других, традиционных методологических императивов, например, требовавших «очищать» научные тексты от всего субъективного, то он, по существу, призывает заменить одну жесткую систему методологических стандартов другой жесткой системой (возможно, В.М. Аллахвердов к этому и стремится), но в отличие от первой, выглядящей как превращение возможных желаний в обязательства по принципу «ты должен хотеть учиться».

Вообще позиция В.М. Аллахвердова оставляет впечатление внутренней противоречивости, относящееся как к отдельным формулируемым им утверждениям, так и к его дискурсу в целом. Он одновременно и выражает раздражение постмодернизмом, и формулирует довольно-таки постмодернистские тезисы (например, о легализации субъективности), и придает им нехарактерный для постмодернизма императивный характер («должен», «следует» и т. д.). В этом автор не противоречит постмодернизму, но противоречит самому себе, ибо требует от научных утверждений непротиворечивости, а легализацию противоречий называет «восходящим к Гегелю словоблудием» (с. 48).

И здесь, видимо, «забит главный гвоздь» позиции В.М. Аллахвердова. Он пишет: «Ученый должен, во-пер-

вых, следить за тем, чтобы итоговое описание не содержало противоречия (поэтому, например, исходно противоречащие друг другу построения психоанализа, бихевиоризма и когнитивизма не могут быть *одновременно* верными), а во-вторых, с опаской относиться к включению в научный текст заведомо непроверяемых утверждений» (с. 48). В этой связи от автора изрядно достается постмодернистам и иже с ними, которые, по его мнению, вместо осуществления научного познания, направленного к истине, культивируют «никуда в итоге не направленный поток сознания» (с. 45), считают, что « $2+2$ равно чему угодно, поскольку любая задача нами субъективно воспринимается и можно придумать такие интерпретации этой задачи, при которых любой ответ будет правильным» (с. 46–47) и т. п.

Вообще-то позиция В.М. Аллахвердова, который настаивает на том, что $2+2=4$ всегда и при всех обстоятельствах, а постмодернисты лишь наводят тень на ясный день, очень привлекательна главным образом своей простотой и однозначностью. Но, к сожалению, так редко бывает, особенно в таких науках, как психология. Здесь подавляющее большинство фактов выглядит как $V=7\pm 2$, т. е. искомое значение равно хотя и

не «чему угодно», но то 5, то 6, то 7, то 8, то 9 — в зависимости от широчайшего круга обстоятельств. И происки постмодернистов тут ни при чем, просто таков характер психологической реальности, делающий *полную* воспроизводимость результатов психологических исследований, а, соответственно, и абсолютную воспроизводимость психологических фактов несбыточной мечтой (представьте себе, чтобы, например, какие-либо две психологические переменные во всех исследованиях обнаруживали один и тот же коэффициент корреляции)¹.

Кроме того, следует различать истинность фактов и истинность теорий, чего В.М. Аллахвердов, обладающий высокой методологической культурой, почему-то не делает, и это выглядит, если воспользоваться шахматной терминологией, как «зевок» гроссмейстера. В общем-то факт, даже психологический, проверить можно, хотя и далеко не всегда. Но, как правило, результаты этой проверки выглядят не однозначно, а как 7 ± 2 , и это в лучшем случае². Но как быть с теорией? Как эмпирически проверить теорию деятельности или психоанализ, являющийся, по общему признанию, набором метафор, ни одна из которых до сих пор не получила эмпирического подтверждения?

¹Это удалось лишь скандально известному английскому психологу С. Барту, который сначала был за свои исследования удостоен престижной премии Торндайка и первым среди психологов произведен в дворянство, а затем, когда выяснилось, что он занимался подлогами, исключен из Британской психологической ассоциации.

²А в худшем вообще никак. Например, в случае спора когнитивистов и бихевиористов по поводу того, что первично: установки или поведение, — весьма напоминавшего спор о яйце и курице, все эксперименты, выполненные когнитивистами, подтвердили первичность установок, а все эксперименты, проведенные бихевиористами, — первичность поведения, что похоронило мечту о возможности «решающих экспериментов» в психологии.

Как в этом случае последовать совету В.М. Аллахвердова — «с опаской относиться к включению в научный текст заведомо непроверяемых утверждений» (с. 48)? И что значит «относиться с опаской»? Вынудить редакторов вычеркивать из психологических текстов утверждения типа «психика — это деятельность» (заведомо непроверяемые) или не считать их авторов учеными?

Еще один «звонк гроссмейстера» — это утверждение В.М. Аллахвердова о том, что построения бихевиоризма, когнитивизма и психоанализа *противоречат* друг другу. Иногда и в самом деле противоречат, но очень редко. Значительно чаще они не взаимно противоречивы, а, в терминах Т. Куна, *несоизмеримы* друг с другом, что порождает разобщенность психологии на «государства в государстве», каждое из которых живет по своим собственным законам (см.: Юревич, 2000, и др). Поэтому весьма странно выглядит констатация автором того, что положения этих теорий не могут быть *одновременно* верными, звучащая как утверждение о том, что не могут быть «верными» разные языки и говорить надо только на каком-нибудь одном из них.

Одна из ключевых идей постмодернизма применительно к психологической науке состоит в том, что основные психологические теории — бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, теория деятельности и др., прошедшие в этой науке своего рода естественный отбор (следовательно, такие теории, как теория флогистона, не в счет), — это равно возможные и равно адекватные способы видения и объяснения психологической реальности, а вопрос о том, какая из них

«верна», предполагающий, что все остальные — «неверны», лишен смысла. И для опровержения этой идеи нужны более весомые аргументы, нежели приводимые В.М. Аллахвердовым. Кроме того, уместно подчеркнуть, что данное утверждение несколько не размывает основания научного познания, не посягает на объективную истину, а лишь акцентирует, что к ней можно прийти разными путями (отсюда вполне рационалистичный образ научного познания как одновременного движения в разных направлениях, которое В.М. Аллахвердов называет «неупорядоченным потоком сознания»).

Странно выглядит и название раздела статьи В.М. Аллахвердова: «Научный рационализм *versus* антисциентизм, анархизм, постмодернизм, феноменология и пр.». «Научный рационализм» — это, по всей видимости, то, что предлагает автор, хотя в истории науки данное словосочетание традиционно наделялось несколько иным смыслом. А вторая часть названия напоминает призывы большевиков бороться одновременно с анархистами, эсерами, меньшевиками, зажиточными крестьянами, нищетой, тифом, беспризорностью и др. Неадекватным представляется и «сгужение в одну кучу» антисциентизма, анархизма, постмодернизма, феноменологии и пр. (что означает это «пр.» остается гадать, но в тексте В.М. Аллахвердова говорится об иррационализме и т. п.). Было бы неплохо различать оппонентов, а не закапывать их в одну братскую могилу.

Наступление эры постнеклассической науки, которое В.М. Аллахвердов приписывает «иррационалистам», первым констатировал вполне

рационалистически настроенный директор Института философии РАН В.М. Степин. Паранаука сейчас камуфлируется под рационализм (об этом см.: Юревич, 2001), а многие ее представители, не имеющие научного, а часто и вообще какого-либо образования, слыхом не слыхивали о постмодернизме и не способны выговорить слово «феноменология». Так что валить все в одну кучу едва ли оправданно, а постмодернизм и, тем более, феноменология вряд ли заслуживают

обвинений в «иррационализации всей общественной жизни» (перефраз известного выражения М. Вебера), которая вызывает вполне справедливое раздражение В.М. Аллахвердова. Научный рационализм, как и вообще науку трезвого вида, давно пора противопоставить антисциентизму во всех его проявлениях — паранауке и т. д. Но при этом едва ли стоит воевать с «постмодернизмом, феноменологией и др.», зачем-то делая противников из потенциальных союзников.

Литература

Аллахвердов В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005 Т 2., № 1. С. 44–65. Далее страницы этого издания указаны в тексте в скобках.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Юревич А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000. № 5. С. 35–47.

Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М., 2001.

Заключительное слово

ГРУСТНЫЙ ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ НАУКУ

В.М. АЛЛАХВЕРДОВ

Резюме

Психологи в целом стоят перед выбором: или удовольствоваться существующим положением дел в психологии (такая у нас странная (или сложная) наука, которая всегда будет распадаться на несовместимые и несоизмеримые части) и стать довольным эпистемологическими пессимистами, или, наоборот, с грустью признать, что в нашей любимой психологии очередной кризис и быть при этом оптимистами, т. е. надеяться на лучшее психологическое будущее. Автор считает позицию эпистемологического оптимизма предпочтительной и призывает коллег продолжить работу над манифестом.

Что думают коллеги о психологическом знании

Рад, что столько замечательных ученых устно или письменно откликнулись на мой текст и признали необходимым наведение порядка в психологии. Конечно, прав А.С. Кармин: научные исследования развиваются по собственной логике, а не в результате призывов и меморандумов. И все же на координационном совете Санкт-Петербургского психологического общества не случайно было принято решение начать работу над методологическим манифестом. Ученым надо договариваться друг с другом о правилах профессиональной деятельности. Как иначе взаимодействовать в собственном доме?

Я эпистемологический оптимист и считаю, что научное знание направлено на постижение истины и дает «луч-

шее из всех возможных на сегодня объяснений» (Е.А. Сергиенко) потому, что оно лучше соответствует реальности. (Боюсь говорить об «относительной истинности» из-за неудачного диалектического прошлого этого термина.) Большинство участников дискуссии близки к этой позиции. Однако достаточно выражен и эпистемологический пессимизм, т. е. принципиальный отказ от утверждения об истинности научных теорий. В.Ф. Петренко: «Понятие истины утратило значимость, устарело». Ю.М. Шилков: «Классическая характеристика истины как соответствия (адекватности) знания действительности в современной методологии науки все больше становится анахронизмом». А.В. Юревич, отрицая любые истины, даже отрицает, что $2+2=4$: «Вообще-то позиция В.М. Аллахвердова, который настаивает на

том, что $2+2=4$ всегда и при всех обстоятельствах, а постмодернисты лишь наводят тень на ясный день, очень привлекательна главным образом своей простотой и однозначностью. Но, к сожалению, так редко бывает, особенно в таких науках, как психология». Правда, уважаемый Андрей Владиславович здесь допускает две неточности. Во-первых, я утверждал нечто иное: «...нелепо считать, что $2+2$ равно чему угодно, поскольку можно придумать такие интерпретации этой задачи, при которых любой ответ будет правильным». Во-вторых, из того, что психологическое знание обычно не имеет такой однозначности, как $2+2$, не следует, что почему-то именно в психологии $2+2$ не равно четырем.

Эпистемологический пессимизм далеко не безобиден. Е.А. Сергиенко подчеркивает, что происходит размывание границ научного и ненаучного знания, снижение уровня подготовки научных кадров и утрата авторитета науки, у которой якобы не может быть четких законов. В психологии оно напрямую ведет к обезцениванию психологического знания, к неспособности психологов реально влиять на социальные процессы. Методологический либерализм (весьма мягкая вариация на пессимистическую тему в исполнении А.В. Юревича) возник как протест идеологическому прессингу прошлого. Однако, по иронии судьбы, именно эпистемологический пессимизм ведет к тоталитаризму (Поппер, 2004). Действительно, если никто не претендует на Истину, если любая точка зрения возможна, то всегда может найтись более сильный или властный, кто скажет: я знаю, как надо.

Ведь если истины нет, то всегда найдется психолог, который, опираясь на свое психологическое знание, способен поддержать ту политическую или социальную идею, которую — с опорой на свое знание — будет отвергать другой психолог (Аллахвердов, 2004а).

Отрицание истинности — весьма рафинированный интеллектуальный изыск — легко сопрягается с самым кондовым эмпиризмом. Эмпирик берется исследовать любые проблемы (точнее говоря, получать эмпирические данные по любому указанному поводу). Однако результаты его исследования, как правило, сами по себе ничего не доказывают, кроме, конечно, того, что он получил именно такие данные. Поэтому всегда найдется вполне добросовестный эмпирик, который проведет другие исследования и, возможно, получит другие данные. Как бы одни психологи ни доказывали вред для подрастающего поколения рекламы на ТВ, показа боевиков и т. п., всегда можно провести другое исследование и зачастую получить противоположные результаты. Кому верить? Тому, кто больше платит? Последовательный эмпирик, принимая за истину только протокольные записи данных, оказывается недееспособным, а возникающее при знакомстве с подобными работами ощущение бессмысленности становится питательной средой эпистемологического пессимизма.

Все коллеги сошлись в одном: психология находится в кризисе (причем в перманентном, добавляют А.Н. Поддяков и Я. Вальсинер). Неясен предмет науки (А.И. Ватулин, Ю.М. Шилков и целый том Ярославского методологического семинара).

Для выхода из методологического застоя нужен кардинальный пересмотр базовых категорий (В.Ф. Петренко). Констатируется методологический беспредел в психологической науке и практике (Е.А. Сергиенко). Особо отмечается присущий именно отечественной психологии — «в условиях идеологической неразберихи и тяги к клерикализму» — возрастающий вал псевдонаучных сочинений и антисциентистских настроений (А.С. Кармин). А.В. Юревич считает, что психология не может пока себя достойно противопоставить паранауке. В целом попали мы, коллеги, в зыбкое болото, заросшее сорняками (М.В. Иванов), в глубокую методологическую пропасть (А.Д. Наследов). Впрочем, кризис еще страшнее, ибо наука как совокупность *разных* наук себя исчерпала (Т.В. Черниговская), а потому существование такой отдельной науки, как психология, — вообще, видимо, атавизм.

Однако создается впечатление, что глубина кризиса не всеми осознается в полной мере. Казалось бы, если психология в кризисе, то и все психологические школы должны находиться в кризисе, а значит, принятый в этих школах взгляд на психику и сознание не только не верен, но и не эвристичен. Однако самое резкое несогласие вызвало как раз мое утверждение, что разные психологические школы, поскольку они противоречат друг другу, не могут быть вместе верными. А.В. Юревич даже называет этот тезис «детской ошибкой» или «зевком гроссмейстера». Я благодарен ему за возведение меня в гроссмейстерский сан в области методологии науки, хотя все же не понимаю, как с позиций методологиче-

ского либерализма можно вообще найти ошибку. Ведь если можно отличать верные высказывания от ложных, то верные, по-видимому, предпочтительнее, но тогда какой же это либерализм? А если их невозможно отличить, то что же такое ошибка? Впрочем, это замечание лишь так, между прочим, для красного словца.

Мои оппоненты рассуждают, наверное, следующим образом: одна школа описывает научение, вторая — ранние сексуальные переживания, третья — эффекты при дихотическом прослушивании. Так почему бы им не сосуществовать, как сосуществуют физика твердого тела и электродинамика? Тем паче, что на практике все это давно перемешалось, и, например, вышедшие из психоанализа его гуманистические оппоненты вполне могут использовать приемы когнитивно-бихевиоральной терапии. Более того, присутствуют же одновременно в физике взгляды на электрон и как на частицу, и как на волну. И ничего страшного. Вот это, мол, и есть неклассическая наука. Пишет А.В. Юревич: «психологические концепции не взаимно противоречивы, а *несоизмеримы* друг с другом, что порождает разобщенность психологии на "государства в государстве", каждое из которых живет по своим собственным законам». В.Ф. Петренко: «нет единой психологической науки, а есть, скорее, конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем "психология"». И далее: «если язык бихевиоризма вполне адекватен описанию процесса формирования навыка, то вряд ли с его помощью описать реальность экзистенциальных переживаний личности». Ю.М. Шилков утверждает нечто

подобное: «Свойства сознательной и бессознательной психики предполагают разделение предметной компетенции между психологией и психоанализом». Даже Е.А. Сергиенко ласково говорит о неизбежной полифоничности теорий, как бы намекая на присутствующую им гармонию.

Не могу принять эти возражения. Просто каждый из нас стоит перед выбором: или удовольствоваться существующим положением дел в психологии — мол, такая у нас странная (или сложная) наука, которая всегда будет распадаться на несовместимые и несоизмеримые части, — и стать довольным эпистемологическим пессимистом, или, наоборот, с грустью признать, что в нашей любимой психологии очередной кризис и быть при этом оптимистом, т. е. надеяться на лучшее психологическое будущее.

Все основные психологические концепции («психологические империи», как их называет А.В. Юревич) претендуют на статус общей теории. Однако опираются они на заведомо противоречащие друг другу утверждения (в отличие от физики твердого тела и электродинамики, которые говорят о разном, но вполне совместимы друг с другом). Так, когнитивизм — главный оплот научного рационализма в психологии сегодня — пытается в пределе все богатство человеческой психики и поведения объяснить логикой познания (Аллахвердов, 2000б; 2005; Максимов, 2003). Соответственно и вся сфера потребностей определяется задачами познания. (Не так важно при этом, что многие представители когнитивной науки, в том числе и когнитивные психологи, отнюдь не всегда являют-

ся последовательными когнитивистами.) Психоанализ же использует энергетические термины и полагает, что человек движим стремлением максимизировать удовлетворение своих инстинктов, которые теснейшим образом связаны с соматическими процессами. Бихевиоризм, в свою очередь, предлагает использовать только термины наблюдения, отказывает в статусе научных терминов таким понятиям, как «сознание» и, тем более, «бессознательное», и ищет причины поведения во внешней стимуляции. Как это возможно вместе соединить?

На сегодня, наверное, и лучшая из психологических концепций едва ли достигает уровня развития физики времен Альберта Великого. Разве бихевиористы верно описывают формирование навыка? Да там все соткано из противоречий и покрыто сиреневым туманом. Прочитав свой вывод: «Исследователи научения рассказывают сказочку.. Поразительно, но вся эта развесистая лапша выдается бедным студентам за образец естественной науки!» (Аллахвердов, 2003, с. 129). Психологи-гуманисты говорят мягче: 99% того, что написано по так называемой теории научения, просто неприменимо к развивающемуся человеческому существу. А блистательный У. Найссер, отмечая постигшую исследователей научения катастрофу, резюмирует: «Сегодня теория научения почти полностью отброшена» (Найссер, Хаймен, 2005, с. 21). Добавим к сказанному мнение А.В. Юревича о психоанализе: «...по общему признанию, это набор метафор, ни одна из которых до сих пор не получила эмпирического подтверждения». А вот

У. Найссер — один из пионеров когнитивной психологии — оценивает уже собственное направление: «Мы накапливали данные, ошибочные по своей природе» (там же, с. 8). Однако же А.В. Юревич пишет: «...основные психологические теории... это равно возможные и равно адекватные способы видения и объяснения психологической реальности, а вопрос о том, какая из них "верна", предполагающий, что все остальные — "неверны", лишен смысла». Но разве после всего сказанного выше так уж бессмысленно выглядит мое утверждение, что все эти «психологические империи» — заведомо ошибочные описания, в лучшем (и маловероятном) случае за исключением какого-либо одного подхода?

Более мягок А.С. Кармин. Он предполагает, что различные психологические направления «не настолько логически строго оформлены в теоретические системы, чтобы можно было жестко разделять их. Они не являются "несоединимыми" — по крайней мере, в том смысле, что допустимо выделять из них отдельные положения и сочетать их друг с другом. Скажем, теория механизмов психологической защиты, взятая из психоаналитической психологии, вполне совместима с идеями гуманистической психологии». Думаю, однако, что даже такая мягкая формулировка не совсем верна. Конечно, все серьезные концепции содержат в себе элементы верного знания, и эти элементы должны включаться в общую теорию. Поэтому можно, например, описать реально существующие процессы, весьма напоминающие вытеснение, в когнитивистских или иных терминах. Однако поступить так, как заметила еще Л.И. Божович, — это значит

«в корне подрывать устои фрейдовского учения» (Божович, 1968, с. 62–63). Ведь это ни в коем случае не будет соответствовать психоаналитической теории защитных механизмов!

А.Г. Асмолов и другие коллеги часто поминают «неклассический взгляд» на электрон как на двойственный объект в качестве аналогии, поясняющей необходимость разных психологических подходов. Я полагаю, что такая аналогия не совсем правомерна. Да, электрон в разных ситуациях ведет себя то как волна, то как частица. Однако показано, что формальное описание электрона как волны (волновая механика Э. Шредингера) и электрона как частицы (матричная механика В. Гейзенберга) в конечном счете полностью эквивалентны друг другу. И не может существовать ученого — приверженца волновой теории, который принципиально не интересуется или, тем более, заранее отвергает выводы корпускулярной. (Для сравнения: разве нет психологов, отвергающих психоанализ?) Различие между разными описаниями электрона напоминает различие между геометрическим и алгебраическим представлением одной и той же функции. Как известно, одни математики мыслят геометрически, другие — алгебраически, но мыслят-то они *об одном и том же!* Мне, однако, трудно представить, как, например, последовательный бихевиорист может мыслить об эдиповом комплексе. Правда, соединять в собственном сознании можно все что угодно. Так, фрейдовскую триаду инстанций личности можно — особенно в постмодернистском экстазе — сопоставлять с ведическими богами, с христианской троицей, даже с тремя

мушкетерами А. Дюма или тремя товарищами Э. Ремарка. Но разве это означает мыслить об одном и том же?

Коллеги часто возражают мне, используя еще один аргумент: разве нельзя, мол, соединять разные подходы на уровне практической деятельности? Можно. Если клиенту помогает, то можно и беса изгонять, и опыт шаманов перенимать. Но только это не наука, а разновидность магии. В этом нет ничего плохого. Практика претендует не на истинность, а на эффективность. И если мы теоретически не знаем, как добиться нужного результата, то не следует ждать у моря погоды — необходимо действовать. В физике практические находки до конца XIX в. опережали уровень теоретического развития, и это только способствовало развитию физической науки. Да, психологическая практика эффективна, хотя мы зачастую не понимаем природу воздействия. Да, психологическая практика во многом *принципиально* эклектична, поскольку каждый психолог обязан сам выбирать удобные для себя и эффективно работающие техники. (Любой практик знает, что иногда он позволяет себе такие приемы, которые, скорее всего, запретил бы использовать своим ученикам.) Однако возможность эффективного соединения разных технических приемов, выработанных в различных школах, еще не доказывает, что теоретические положения, лежащие в основаниях этих школ, совместимы друг с другом.

Мне близка и понятна позиция моих оппонентов. А.В. Юревич — едва ли не самый глубокий методолог в отечественной психологии — не только не хочет попасть в плен какой-либо идеологии, но и пытается стимулировать

творческий поиск во всех возможных направлениях. В период поиска любая активность полезна, все может «идти в ход». А поскольку искать надо в неведомо какой стороне, то и предлагается искать в любой. (Помните, у А. Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда».) Этим же порывом охвачен и В.Ф. Петренко: «Психологи тех или иных направлений работают в рамках уже сложившихся парадигм и не предлагают никаких кардинально новых идей». Он вдохновенно предлагает: надо разрабатывать безумные идеи, ломать сложившиеся стереотипы, использовать любые методы (в частности, эмпатию). Зачем при этом обуздывать свою фантазию какими-то правилами, да еще и требованиями соответствия с реальностью? Отчасти к этой позиции приближается Ю.М. Шилков: психологическая теория не является отражением психической реальности, а представляет собой созданную ученым конструкцию. Ну а зачем мешать творческой свободе конструирования? Все это верно, но — повторяюсь — в период поиска.

Ученый, однако, призван не только искать, но и находить. Научная деятельность отличается от других типов деятельности не самим по себе этапом генерации гипотез (или созданием конструктов), а прежде всего способами отбора наилучшей из всех имеющихся гипотез. Я исхожу из того, что разные науки (естественные, гуманитарные и пр.) отличаются друг от друга не предметом изучения, по поводу которого генерируются различные гипотезы, а способами проверки этих гипотез (Аллахвердов, 2003, с. 171–255). Когда В.Ф. Петренко перечисляет показатели научной достоверности,

которые, как он считает, присущи и гуманитарной, и естественнонаучной парадигме, то он, как мне кажется, ошибается. Его критерии относятся исключительно к гуманитарной парадигме. Например, физикам (в отличие от гуманитариев) глубокие теоретические познания в области исследования (один из предложенных В.Ф. Петренко критериев) иногда могут даже мешать. Сами физики (например, А. Эйнштейн) любили по этому поводу побалагурить.

Надеюсь, А.И. Ватулин не совсем точен, когда заявляет, что при классификации наук мной не выдержано единое основание деления. Другое дело, что разные способы проверки обычно позволяют решать и разные задачи. В естественной науке это проверка гипотез на их соответствие с реальностью, в гуманитарной науке — это интерпретация, т. е. поиск смысла того, что найдено, в практической науке — обеспечение наибольшей эффективности и т. д. В эмпирической науке — это просто компактное и удобное описание наблюдаемых данных.

Что думают участники дискуссии об эмпирических исследованиях

Все в той или иной мере солидарны с призывом к преодолению бездумного («чистого», «ползучего», «наивного» и т. д.) эмпиризма, до сих пор захлестывающего психологические публикации. Все понимают, что в накопленном за полтора столетия океане эмпирических данных без особого толку утонуло не одно поколение исследователей. Как же быть? Продолжать тонуть дальше? И морочить голову студентам, заявляя, что эмпирические исследования — это об-

разец научности в психологии? А потом удивляться, что падает престиж теоретической науки? В итоге многие заявили о готовности подписать манифест. Впрочем, в этой солидарности и много печали. Когда В.А. Аверин во время дискуссии в Петербурге предложил переформулировать итоговый текст манифеста в требования к дипломным и диссертационным работам, то сам тут же признал, что вряд ли найдется достаточное число работ, отвечающих этим требованиям. Впрочем, как заметил М.В. Иванов, «не психология существует для защиты диссертаций, а диссертации для психологии».

На защиту эмпиризма (и то в весьма модернизированном виде) встал один А.Д. Наследов. Вот его ключевое положение, с которым я категорически не согласен: «исходно исследователь должен планировать исследование так, чтобы учесть... максимально возможное число причин изменчивости и произвести измерения с максимально доступной точностью. Далее в ходе статистического анализа данных он получит возможность отсеять несущественные причины». Это идеал «нелегитимного» эмпирика (очень удачный термин Т.В. Черниговской): максимальный перебор вариантов, максимальная точность — в общем, чем больше работы, тем лучше. Однако учесть все возможные причины изменчивости нереально — именно поэтому нужна теория, которая заранее предполагает, какие причины существенны. Отсеять несущественные причины также невозможно, ведь статистический анализ только компактно описывает данные и, в лучшем случае, может говорить о необнаруженном влиянии той или иной причины. Этот анализ

заведомо ничего не говорит ни о сущности явлений, ни о существенности причин. Требование максимально возможной точности — уже просто образец неленивости (разумеется, если не способ умышленного удорожания исследования). Поэтому, хотя сейчас на радость эмпирикам создаются уникальные технические возможности для все более точного измерения, результаты эмпирических исследований стали даже беднее, как отмечают А.Н. Поддьяков и Я. Вальсинер.

Однако дух эмпиризма проникает и во взгляды некоторых других участников. Вот мимоходом роняет А.И. Ватулин: «Целью эмпирического исследования является возможно более точное описание опытных данных, относящихся к изучаемой предметной области. Оно прочно стоит на почве фактов». Да не так уж прочно стоит эмпирическое исследование! Эмпиризм всегда пронизан субъективностью, поскольку заведомо опирается на *субъективное* чувство непосредственной данности. Об этом как раз весь предложенный для обсуждения фрагмент манифеста. Но разве субъективность — это всегда плохо? — спрашивал во время петербургской дискуссии С.А. Маничев. Я благодарен А.С. Кармину, указавшему на разные возможные смыслы при употреблении этого слова, и согласен с тем, что в моем тексте речь идет лишь о таком привнесении субъективности в научное исследование, которое ведет к ошибкам в описании предмета познания (например, когда ему приписывается то, что в нем отсутствует). Или когда собственное мнение возводится в ранг *истинного* и *научного* только потому, что автор субъективно уверен в правильности своей точки зрения и в своей учености.

Хочу обратить внимание на идею, которая при всей своей правильности потенциально содержит угрозу соскальзывания в эмпиризм. Пишет Т.В. Черниговская: «...мультидисциплинарность — является неотвратимым настоящим, не говоря о будущем науки вообще». Все верно. Но как только, не дай Бог, эта самая мультидисциплинарность превращается в самоцель, так сразу же выступает как призыв к эмпиризму. Тогда все сведется к позиции Б.Ф. Ломова, который полагал, что для разработки психологической концепции необходима кооперация психологии «с физиологией, генетикой, вообще биологией человека, с одной стороны, и с общественными науками — с другой» (Ломов, 1984, с. 98). Но ведь это писано одним из самых талантливых последователей Б.Г. Ананьева, ярким представителем эмпиризма, дабы показать, что никакую концепцию в психологии построить невозможно — ведь тогда придется вырывать отдельные связи при изучении целостной системы, а это, мол, «не продвигает нас по пути понимания действительной детерминации поведения». Поэтому единственное, что остается делать, — проводить и проводить многочисленные исследования, чтобы — невозможная задача — рассматривать любое явление со всех сторон, а потому обязательно — в кооперации со многими науками. Зато, пока занят бесконечными всесторонними исследованиями, — не до теории. Думаю, не случайно и когнитивная психология, осознав себя представителем мультидисциплинарной когнитивной науки, тут же начала откровенно дрейфовать в сторону бихевиоризма — предельного варианта эмпиризма.

Известный петербургский психолог Е.П. Ильин во время беседы со мной по поводу обсуждаемого текста заметил: «Ты же выступаешь против ананьевской школы». В какой-то мере он прав. В 60-х гг. прошлого века Б.Г. Ананьев был безусловным флагманом эмпирического подхода в советской психологии. Признающий себя его учеником Н.Н. Обозов однажды подметил: Б.Г. Ананьев обожествлял математику. Похоже, Б.Г. Ананьев действительно надеялся, что применение математических методов обработки данных способно привести к получению лишнего субъективизма содержательного результата. Такой взгляд определял саму идею комплексного подхода и многие его исследовательские программы. И хотя эта его надежда была ошибочной, она ни в коем случае не может быть поставлена в вину Б.Г. Ананьеву. Критикуя эмпиризм, не следует тем не менее забывать его благородное происхождение. Думаю, эмпирическая установка Б.Г. Ананьева в свое время сыграла колоссальную и весьма позитивную роль в истории советской психологии. Передача власти от догматической идеологии фактам — почти единственно возможная попытка хоть чуть-чуть увернуться от идеологического прессинга, со всех сторон накладываемого на отечественных психологов. Именно Б.Г. Ананьев сформировал у своих учеников — представителей ленинградской школы — любовь к факту, стремление к точности научного метода, уважение к статистическим расчетам. Но сейчас иное время. Методологическая опора на чистый эмпиризм (кстати, самому Б.Г. Ананьеву едва ли в полной мере присущая) бесперспективна и сегодня ничем уже не оправдана. Даже А.Д. Наследов это признает.

Однако А.Д. Наследов почему-то не соглашается с моим высказыванием, что эмпирическое обобщение данных является внеэмпирической интерпретацией. Он говорит: *только бездумное* применение типичных планов эмпирического исследования приводит к тому, что эмпирическое обобщение является внеэмпирической интерпретацией. Наверное, здесь сказалась разница в использовании термина. Для меня эмпирическое обобщение данных — это содержательное высказывание на языке психологии. И потому оно всегда содержит внеэмпирическую составляющую, начиная с того (вспомним Д. Юма), что содержит не опирающееся на опыт убеждение: в будущем не произойдет столь существенных изменений, чтобы нельзя было бы строить прогнозы о результате повторных испытаний. Судя по всему, А.Д. Наследов рассматривает эмпирическое обобщение только как статистическое высказывание. Замечу, что критика столь дружественно настроенного оппонента весьма конструктивна, так как побуждает уточнять формулировки основных тезисов.

Он также выступает против тезиса о необходимости последовательного усложнения используемых методов статистической обработки — тезиса, поддержанного многими (М.В. Иванов, А.Н. Поддьяков, Я. Вальсинер и др.). Думаю, и здесь дело в формулировке. А.Д. Наследов справедливо утверждает, что статистический аппарат должен быть не только прост, но и адекватен задаче исследования. (Убежден, что с этим согласны все.) А затем приписывает мне мнение, что само по себе применение сложных организационных (экспериментальных) и статистических процедур

для эмпирического обобщения данных является источником недостоверности получаемых фактов. Е.А. Сергиенко поясняет именно то, что я имел в виду: «...сложные статистические процедуры вносят еще большие погрешности в интерпретацию и часто неоправданны».

Конкретных дополнительных предложений в текст манифеста немного. Интересную идею предлагают А.Н. Поддьяков и Я. Вальсинер: начиная с определенного уровня сложности метода, проверять всю предложенную процедуру обработки, используя метод Монте-Карло. Думаю, для определенных задач это предложение вполне разумно (сам иногда этим пользуюсь). Однако во многих случаях метод Монте-Карло просто неприменим. Стоит ли это считать обязательным правилом? Впрочем, являются ли вообще методологические

правила обязательными? Т.В. Черниговская удачно их характеризует: «"Так делать нельзя, потому что..." (из чего не следует, что так делать действительно нельзя, но — не зная броду, все же не лезут в воду). Нарушать каноны, *зная*, а не по невежеству».

В предложенном мной небольшом фрагменте того, что, быть может, войдет в текст будущего манифеста, обсуждается только один этап или тип научного исследования — эмпирический. Многие (особенно А.И. Ватулин) справедливо обращают внимание на другие важные этапы, не затронутые в моем тексте. Но методологический манифест — дело всего научного сообщества, он не может быть написан одним человеком. Поэтому, коллеги, предлагаю: формулируйте методологические принципы не только для эмпирических исследований, а затем давайте вместе их обсуждать.

Литература

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.

Аллахвердов В.М. Не пора ли нынче, братья-психологи, начать новые песни и не растекаться мыслию по древу? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004а. Т. 1, №4. С. 113–125.

Аллахвердов В.М. Проблема сознания в когнитивистском одеянии // Модернизм в психологии. Материалы Всероссийской конференции. Новосибирск: НГУ, 2004б. С. 11–26.

Аллахвердов В.М. Когнитивизм // Общая психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского // Психологический

лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах. М.: Per Se, 2005.

Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003.

Найссер У., Хаймен А. Когнитивная психология памяти (Memory observed). СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.

Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2004.

Короткие сообщения

**ЛОГИЧЕСКИЕ И ИНТУИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ПЕРВОГО ВПЕЧАТЛЕНИЯ
ОБ ИНТЕЛЛЕКТЕ РЕБЕНКА**

С.С. БЕЛОВА

Механизмы формирования первого впечатления о человеке — важная и увлекательная тема социальной психологии. Она стала разрабатываться еще в 50-е годы XX в. одновременно с ранними теориями атрибуции при описании своеобразной логики вывода умозаключений о психологических особенностях другого человека. Современные исследователи пытаются воссоздать всю когнитивную архитектуру первого впечатления, включая разнообразные неосознаваемые явления, лежащие в основе восприятия людьми друг друга. Однако многое еще остается дискуссионным в этой области.

Например, в отношении оценки точности впечатления существует прагматическая точка зрения (Fiske, 1993; Schneider, 1991), согласно которой точность является достаточной, и выработан подход, подчеркивающий ошибки в межличностном восприятии (Ross, Nisbett, 1991). Дальними от исчерпывающего решения

являются проблемы соотношения имплицитного и эксплицитного социального знания (Fazio, Olson, 2003), выявления ментальных репрезентаций, лежащих в основе впечатления (Claypool, Carlston, 2002), характеристик поведения (behavioral cues), которые оказываются решающими в формировании впечатления о психологических особенностях человека (например, об интеллекте: Murphy et al., 2003; Reynolds, Gifford, 2001; Zebrowitz et al., 2002).

Какова роль языка в создании первого впечатления, основанного на интуитивном опыте, переработке невербальной информации? Этот вопрос изучался нами в экспериментальном исследовании (Белова, 2004), выполненном под руководством Д.В. Ушакова. Нашей задачей было изучение первого впечатления об интеллекте ребенка. Варьируя такое экспериментальное условие, как словесное объяснение испытуемыми того, каким образом они различают

детей с разным уровнем интеллекта, мы зафиксировали два вида субъективных оценок — интуитивные в чистом виде и основанные на вербализованной логике.

Методика

Испытуемым предлагалось оценить интеллект второклассников по видеосюжету. Главной целью ситуации, в которой были сняты дети, было формирование первого впечатления, как можно более целостного, сиюминутного, непосредственного. Ситуации намеренно придали минимум признаков, по которым можно было бы судить об интеллекте (рис. 1).

В случайной последовательности и в равном соотношении в выборке представлены дети с высоким и низким интеллектом, выявленным по тесту «Стандартные прогрессивные матрицы» (Равен и др., 1996), мальчики и девочки.

Независимой переменной явилась вербализация признаков поведения, на основе которых выносятся субъективная оценка интеллекта в результате формирования первого впечатления. Экспериментальная ситуация вынуждала испытуемых экспериментальной группы прервать процесс непосредственной оценки, осмыслить его и дать словесный отчет о том, какие признаки поведения связаны с интеллектом, как они проявляются у детей с высоким и низким интеллектом, а затем продолжить оценивание.

В качестве зависимой переменной регистрировались субъективные оценки интеллекта по пятибалльной шкале. На их основе для групп и отдельных испытуемых рассчитывались показатели точности оценивания (коэффициенты корреляции субъективных оценок с психометрическими), чувствительности в оценивании (разница между средними

Рис. 1. Кадры видеоматериала. Экспериментатор предлагал ребенку: 1) рассмотреть предметы под платком, 2) выбрать тот, что нравится ему больше всего, 3) объяснить почему, 4) выбрать самый ненужный предмет, 5) объяснить свой выбор. Испытуемым разъяснялось, что эксперимент направлен на изучение психологической проницательности, видеосюжет используется только для того, чтобы создать первое впечатление о ребенке.

субъективными оценками, данными детям с высоким и низким психометрическим интеллектом), меры, в которой субъективное оценивание определялось содержанием вербализаций (коэффициенты детерминации).

Многообразие описанных испытуемыми признаков поведения, связанных с интеллектом, было систематизировано по 35 критериям. С помощью экспертов была получена информация об их выраженности в поведении детей. Согласованность экспертных оценок по данным критериям была приемлемой (ср. коэффициент альфа Кронбаха, равный 0.69).

Испытуемыми были студенты вузов и музыкального училища 1–3 курсов разных специальностей (психология, фортепиано, менеджмент, экономика, прикладная информатика), N=81, 26% мужчин, 74% женщин.

Экспериментальная группа: 45 испытуемых, 10 юношей (22%), 35 деву-

шек (88%) в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст — 18.9, станд. откл. — 1.57).

Контрольная группа: 36 испытуемых, 11 юношей (31%), 25 девушек (69%) в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст — 18.7, станд. откл. — 1.55).

Результаты

I. Точность субъективного оценивания интеллекта ребенка и эффект вербализации

Коэффициенты корреляции между субъективными и психометрическими оценками интеллекта, которые мы приняли за меру точности оценивания, в экспериментальной и контрольной группе составили 0,14 и 0,24 соответственно (статистически незначимы), в целом по выборке — 0,19 (табл. 1).

По сравнению с данными, приводимыми в литературе, такой уровень

Таблица 1

Точность субъективного оценивания интеллекта в экспериментальной и контрольной группах

Экспериментальная группа (наличие вербализации)	Контрольная группа (отсутствие вербализации)
Коэффициенты корреляции между субъективной (сумма оценок, данных группой) и психометрической оценками интеллекта	
0.140	0.24
Средние значения индивидуальных коэффициентов корреляции между субъективной и психометрической оценками интеллекта	
0.07* (станд. откл. 0.14, размах (– 0.19) – 0.43)	0.14* (станд. откл. 0.15, размах (– 0.13) – 0.48)
Средние индивидуальные показатели чувствительности в оценивании	
0.23**	0.4**

* $p < 0.06$, ** $p < 0.01$, t-критерий Стьюдента

точности невысок. Например, ранее было показано, что при оценивании интеллекта по фотографии коэффициент корреляции составляет 0.28 ($p < 0.02$) (Zebrowitz et al., 2002), по видеоизображению со звуковым сопровождением — 0.37 ($p < 0.01$), по видеоизображению без звука — 0.23 ($p < 0.05$), по транскрипту ситуации — 0.04 (Murphy et al., 2003). Возможно, объяснение более низкой точности заключается в разнице в возрасте оценивающего и оцениваемого: в упомянутых работах испытуемые оценивали интеллект людей сравнимого с ними возраста, в нашем случае взрослые испытуемые (средний возраст — 18.8) оценивали интеллект детей (средний возраст — 8.7). Это задача большей сложности, так как отсутствует возможность идентификации и при оценивании испытуемым приходится учитывать качества (осознанно или нет), не свойственные им самим.

Точность субъективного оценивания интеллекта выше в условиях интуитивного оценивания без обращения к вербализации. Об этом свидетельствуют два факта: более высокие значения среднего коэффициента корреляции и показателя индивидуальной чувствительности интеллекта в контрольной группе. Последний рассчитывался как разница между средними оценками, данными детям с высоким и низким психометрическим интеллектом.

Мы объясняем полученные результаты следующим образом. Человек обладает невербальными эталонами («категориями», «прототипами»), которые используются для распознавания психологических особенностей окружающих, в частности, их интеллекта. Попытка их осозна-

ния приводит отчасти к подобным им содержаниям, оформленным в слова, которые начинают определять дальнейший процесс оценивания. Возникает следующий вопрос: насколько сформулированные испытуемыми признаки поведения, связанные с интеллектом, позволяют объяснить производимую ими оценку интеллекта?

II. Связь субъективной и психометрической оценок интеллекта с особенностями поведения

Связь субъективной и психометрической оценок интеллекта с особенностями поведения детей была раскрыта с помощью метода обратной пошаговой множественной регрессии. Результаты представлены в табл. 2.

Здесь показательны два факта. Во-первых, значение коэффициента детерминации R-квадрат для тестовой оценки интеллекта существенно меньше, чем для оценок, данных экспериментальной и контрольной группами (0.23 против 0.76 и 0.69). Это означает, что содержание вербализаций в большей степени определяет субъективную, а не психометрическую оценку интеллекта. Во-вторых, субъективные оценки в условиях вербализации в большей степени, чем молчаливо-интуитивные оценки, детерминированы словесно описанными признаками поведения. Об этом свидетельствует различие средних коэффициентов детерминации в экспериментальной и контрольной группах.

Набор признаков, на основе которых строилось первое впечатление испытуемых, представляет реально действующие имплицитные теории

Таблица 2

Связь субъективной и психометрической оценок интеллекта с особенностями поведения детей
(значения бета-коэффициентов значимых регрессоров и соответствующие коэффициенты детерминации; метод обратной пошаговой множественной регрессии, $p < 0.01$)

<i>Независимые переменные</i>			<i>Зависимые переменные</i>
Особенности поведения	Оценка интеллекта по тесту СПМ Дж. Равена	Оценка интеллекта экспериментальной группой	Оценка интеллекта контрольной группой
<i>Значения бета-коэффициентов</i>			
Культура, воспитанность, вежливость	0.48		0.42
Сосредоточенность		0.41	
Длительность размышления		– 0.59	– 0.65
Снятие платка			0.54
Тщательность рассматривания предметов		0.3	
<i>Коэффициент детерминации R-квадрат</i>	0.23	0.76	0.69
<i>Средние индивидуальные коэффициенты детерминации R-квадрат (t-критерий Стьюдента, $p < 0.13$)</i>		0.36	0.3

интеллекта. В экспериментальной группе реализован вариант теории, который выглядит более логичным и подходящим для оценивания интеллекта: умными воспринимаются дети, которые более сосредоточены, быстрее размышляют, тщательнее выполняют задание. Вербализация определила логику формирования первого впечатления. Более точная в своих оценках контрольная группа обращается к такому неочевидному с

точки зрения связи с интеллектом критерию, как манера снятия платка¹. Общим для обеих групп действенным ориентиром в оценке интеллекта стала длительность размышления ребенка при ответе на вопросы: медлительность ассоциируется с недалекостью.

Оценка же интеллекта по тесту Дж. Равена оказалась связанной с единственным поведенческим критерием — «культура, воспитанность,

¹Жест манипуляции с платком после предложения экспериментатора рассмотреть находящиеся под ним предметы. Поведение варьировалось от свободного, быстрого снятия платка и откладывания его в сторону до робкого приподнимания или попыток рассмотреть спрятанное, не касаясь его совсем. Этот жест можно вольно трактовать как своеобразный индикатор смелости, открытости в разговоре.

вежливость», т. е. той внешней характеристикой, по которой наилучшим образом можно предсказать психометрический интеллект ребенка 8–9 лет, является его социальная зрелость в плане умения правильно держать себя в общении со взрослыми, применять знание этикета, соответствовать представлениям о воспитанности. Молчаливо-интуитивные оценки испытуемых строились с опорой на данный критерий.

III. Влияние вербализации на субъективное оценивание интеллекта

Кроме описания различий в точности субъективного оценивания в условиях наличия и отсутствия вербализации, мы рассмотрели абсолютные значения оценок. Мы выявили, что наличие словесного отчета приводит к тому, что субъективные оценки интеллекта становятся более высокими (табл. 3). Это верно в отношении детей как с высоким, так и с низким психометрическим интеллектом.

Рассматривая факт повышения оценок, мы пришли к анализу особенностей речевой продукции. В составе экспериментальной группы мы

выделили тех испытуемых, которые описывали признаки поведения, связанные только с высоким интеллектом (так называемые униполярные описания) (18 человек). Примером униполярного описания служит высказывание: «Чем умнее ребенок, тем быстрее он отвечает на вопросы, более спокоен». Остальные испытуемые (27 человек) либо описывали признаки поведения нейтрально (например, «Я обращаю внимание на опрятность»), либо в связи с низким интеллектом оцениваемых детей (например, «Чем глупее ребенок, тем менее оригинальные ответы он дает»).

Оказалось, что в случае униполярных описаний средние значения также значимо выше (табл. 4).

Описав признаки поведения, связанные с интеллектом и особенно с полюсом ума, испытуемые склонны оценивать уровень его развития у детей более высоко. Мы полагаем, что два описанных факта позволяют сделать заключение о том, что субъективная оценка полюсов выраженности интеллекта не является симметричной. Высокие значения интеллекта приписываются субъектам, поведение которых характеризуется некоторыми ярко выраженными

Таблица 3

Субъективные оценки интеллекта детей с высоким и низким психометрическим интеллектом (ПИ) в экспериментальной и контрольной группах

Группы оцениваемых детей	Группы испытуемых	
	Экспериментальная группа (наличие вербализаций)	Контрольная группа (отсутствие вербализаций)
Дети с высоким ПИ	3.73**	3.48**
Дети с низким ПИ	3.5**	3.08**

** $p < 0.01$, t-критерий Стьюдента

Таблица 4

Субъективные оценки интеллекта детей с высоким и низким психометрическим интеллектом (ПИ) в зависимости от униполярности описаний

<i>Группы оцениваемых детей</i>	<i>Подгруппы испытуемых</i>	
	Описание признаков поведения, связанных с высоким интеллектом	Описание признаков поведения, связанных с низким интеллектом/нейтральное описание
Дети с высоким ПИ	3.83**	3.67**
Дети с низким ПИ	3.61*	3.43*

* $p < 0.12$, ** $p < 0.08$, t-критерий Стьюдента

отличительными признаками, низкие — тем, у кого они выражены в меньшей степени. Иначе говоря, субъективно ум рассматривается как наличие признака, глупость — как его отсутствие.

Выводы

1. Молчаливо-интуитивное оценивание интеллекта ребенка является более точным (т. е. близким к психометрической оценке), чем оценивание с помощью словесного описания признаков поведения, связанных с интеллектом.

2. Вербализуемое знание о проявлении интеллекта в поведении и знание, действительно применяемое при субъективном оценивании, ха-

рактеризует бóльшая или меньшая степень взаимного соответствия. Одни вербализуемые содержания являются декларативными, другие отражают реальные ориентиры в субъективном оценивании. При этом вербализация декларативных признаков приводит к тому, что они начинают в большей мере определять субъективное оценивание.

3. В субъективном оценивании интеллекта существует асимметричность в отношении его высоких и низких значений. Высокие значения интеллекта приписываются субъектам, обладающим выраженными особенностями поведения, в то время как низкие значения приписываются тем, у кого эти особенности выражены в меньшей степени.

Литература

Белова С.С. Субъективная оценка интеллекта другого человека: эффект вербализаций // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под

ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. С. 39–62.

Равен Дж.К., Курт Дж.Х., Равен Дж. Руководство к прогрессивным матрицам

Равена и словарным шкалам. Разд. 3: Стандартные прогрессивные матрицы. М.: Когито-Центр, 1996.

Claypool H.M., Carlston D.E. The effects of verbal and visual interference on impressions: an associated systems approach // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2002. 38. P. 425–433.

Fazio H.R., Olson M.A. Implicit Measures in Social Cognition Research // *Annu. Rev. Psychol.* 2003. Vol. 54. P. 297–327.

Fiske S. T. Social Cognition and Social Perception // *Annu. Rev. Psychol.* 1993. Vol. 44. P. 155–194.

Murphy N. A., Hall J. A., Colvin C. R. Accurate intelligence assessments in social interac-

tion: Mediators and gender effects // *Journal of Personality*. 2003. 71. 3. June. P. 465–493.

Reynolds D.J., Gifford R. The sounds and sights of intelligence: A lens model channel analysis // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. 27. P. 187–200.

Ross L., Nisbett R.E. *The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology*. New York: McGraw-Hill, 1991.

Schneider D.J. Social Cognition // *Annu. Rev. Psychol.* 1991. Vol. 42. P. 527–561.

Zebrowitz L.A., Hall J.A., Murphy N.A., Rhodes G. Looking smart and looking good: Facial cues to intelligence and their origins // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. P. 238–249.

Белова Софья Сергеевна, кандидат психологических наук, Институт психологии РАН

Контакты: sbelova@rambler.ru

Обзоры и рецензии

Размышления над книгой: Т.Н. Ушакова. Речь: Истоки и принципы развития. М.: Per Se, 2004.

Монография Т.Н. Ушаковой «Речь: Истоки и принципы развития» охватывает широкий круг вопросов психологии речи. Открывается книга рассмотрением теоретических проблем, связанных с соотношением понятий «язык» и «речь». Свои взгляды автор монографии представила в виде модели, в которой выделяются базисные структуры, выполняющие языковые функции. Эти структуры находятся в «дремлющем состоянии» до момента поступления «импульса интенций», с которого, собственно, и начинается акт речи. Таким образом, по мнению Т.Н. Ушаковой, исходным пунктом формирования речи является побуждение к экспрессии внутреннего состояния.

Речевые интенции

Побудительные механизмы речи рассматриваются Т.Н. Ушаковой на основе обширного экспериментального материала. Исследования показали, что побуждение к вокализации возникает прежде всех других функций. В отличие от общепринятого положения о том, что речь ребенка возникает как продукт взаимодействия с окружающими его людьми, Т.Н. Ушакова развивает концепцию

внутреннего побуждения к экспрессии ребенком своего состояния. Такой подход позволяет понять принцип возникновения «эгоцентрической речи» как исходной формы такой экспрессии.

Обычно термину «интенция» придается феноменологический смысл. Однако в настоящее время открыты «нейроны интенций» (Rizzolatti, Craighero, 1998). Основное положение этой концепции заключается в том, что у человека и высших позвоночных существует нейронный уровень, на котором моторные программы формируются, но не исполняются. Это положение подтверждается нейрофизиологическими данными: лобно-теменные нейронные сети могут активироваться, не приводя к внешней реакции, которая запускается только при совпадении внешних факторов и внутренней мотивации. Нейроны интенций, участвующие в подражательных движениях, воспроизводящих зрительно воспринимаемые движения другой особи, получили название «зеркальные нейроны». Есть основание полагать, что зеркальные нейроны образуют исходный механизм активации речи ребенка при воспроизведении речи окружающих.

Рассмотрение речи с учетом механизма интенций позволяет приблизиться к пониманию природы аутизма. В настоящее время можно выделить две основные гипотезы его происхождения. Первая гипотеза основывается на результатах изучения вызванных потенциалов мозга — негативности рассогласования и следующего за ней позитивного пика. Оказалось, что негативность рассогласования, отражающая формирование следа кратковременной акустической памяти у детей, страдающих аутизмом, не отличается от нормы. Зато позитивный пик у них снижен, или полностью отсутствует при смене гласных (Seronieni et al., 2003). Эти исследователи заключают, что сенсорная переработка информации при аутизме не нарушается, а причиной его возникновения является редукция ориентировочной реакции, представленной амплитудой позитивного потенциала и специфически нарушенной при замене гласных. Вторая гипотеза происхождения аутизма опирается на данные электрической стимуляции мозга человека в ходе нейрохирургических операций. Такая стимуляция показала участие префронтальной и дополнительной моторной коры в вызове неартикулированной вокализации (Creutzfeldt, 1993). Поскольку именно эти области коры содержат зеркальные нейроны, можно предположить, что аутизм связан с нарушением механизма интенций. Следует отметить, что аутизм ведет к нарушению широкого спектра социально значимых стимулов. Поэтому трудно допустить, что в его основе лежит механизм нарушения внимания, специфически связанного с гласными. Можно предположить, что

аутизм связан с нарушением интенций, включая интенциональную составляющую внимания. В работе А.Р. Лурия (1973) было показано, что нарушение лобных отделов мозга у человека приводит к исчезновению произвольно регулируемой ориентировочной реакции при сохранении ее непроизвольной формы. Подводя итоги, можно заключить, что аутизм является следствием выключения нейронов интенции, в частности тех, которые связаны с произвольным вниманием. Специфичность аутизма определяется разными по своей селективности нейронами интенций.

Подчеркивая роль мозгового модуля, вводящего в действие целостный речевой акт, Т.Н. Ушакова опирается на обширный материал экспериментальных исследований, который показывает, что побуждение к речи является двигателем речевого развития. Согласно этим данным, каждый речевой акт имеет в своей основе побудительный импульс. С этой точки зрения эгоцентрическая речь — это «результат несдерживаемого импульса к говорению» (Ушакова, 2004, с. 61). Таким образом, развитие речи ребенка начинается с формирования речевых интенций, возникающих еще в «дословесный» период речевого развития, сначала в форме неартикулированных вокализаций, которые по мере усвоения языка окружающих становятся средством эффективной коммуникации.

Символьная функция речи

Согласно Ж. Пиаже, речь является продолжением символических операций, которые ребенок производит еще до овладения словом (Piaget, 1932).

Эта символическая функция сводится к «внутреннему подражанию». Исходя из данных относительного участия зеркальных нейронов в реакциях подражания, можно предположить, что символьная функция произрастает из зеркальных нейронов. Переход к собственно символьной функции слова заключается в том, что словесный сигнал, сочетаясь с определенными объектами, становится их заместителем, образуя вторую сигнальную систему (Павлов, 1949).

Почему именно звуковое сопровождение объекта становится его символом? Т.Н. Ушакова объясняет это тем, что речевая система ребенка находится в латентно-возбужденном состоянии, что проявляется, в частности, в «эгоцентрической речи». Эта внутренняя активность слухо-речевой системы подчеркивает звуковой компонент в составе сложного зрительно-акустического комплекса. Воспроизведение звукового компонента образует экспрессию внутреннего состояния, ассоциируемого с соответствующим объектом. Согласно гипотезе Е.Н. Бойко, такое выделение звукового компонента происходит на основе формирования динамических временных связей (Бойко, 2002). Можно предположить, что такие связи образуются между нейронами, кодирующими звуковую оболочку слова, и нейронами, представляющими следы объектов в долговременной памяти. При действии объекта его восприятие сличается со следами долговременной памяти по схеме «снизу—вверх», обеспечивая опознание объекта. При предъявлении слова его словесная оболочка сличается со следами других оболочек слов. Это ведет к опознанию звуковой или зритель-

ной оболочки безотносительно к значению слова. Значение данного слова определяется процедурой «сверху—вниз», когда опознанная оболочка слова активирует следы долговременной памяти, связанные с ней. При замене одного слова другим по схеме «снизу—вверх» определяется перцептивное различие между оболочками заменяемых слов (например, по количеству букв в каждом слове). По схеме «сверху—вниз» каждая оболочка слова, поступающая на экран долговременной памяти, активирует соответствующий набор нейронов. Возбуждения этих двух наборов нейронов вычитаются в специальных фазических нейронах ON и OFF, определяя семантическое различие между словами.

Как проверить такую сложную схему? Новые возможности открывает регистрация вызванных потенциалов мозга человека на замену одного слова другим. Амплитуда негативного пика вызванного потенциала с латенцией 180 мс (N 180) содержит в себе два различия — перцептивное (различие в количестве букв) и семантическое (различие в составе нейронов долговременной памяти). Многомерный анализ матриц амплитуд N 180, полученных при замене цветковых названий, показал, что перцептивное пространство словесных оболочек является двумерным. Слова в соответствии с числом букв располагаются вдоль полуокружности. Семантическое цветовое пространство также оказалось двумерным, но слова расположились вдоль окружности в соответствии с положением цветов на цветовом круге Ньютона: от красного к желтому, зеленому, синему и через пурпурный цвет снова к

красному (Измайлов и др., 2003). Эти данные подтверждают два пути кодирования слов: «снизу—вверх» для перцептивных процессов на уровне оболочек слова и «сверху—вниз» для семантических операций. То, что в основе формирования символической функции слов лежит процесс ассоциативного обучения, показывают опыты С.Г. Коршуновой (Коршунова, 2004) с искусственными цветовыми названиями. В качестве таковых ею были выбраны трехбуквенные псевдослова, состоящие из последовательности: согласная — гласная — согласная. До начала сочетания псевдослов с цветовыми стимулами были изучены вызванные потенциалы на смену псевдослов, и на основе матриц амплитуд N 180 было построено перцептивное пространство этих псевдослов. Оно оказалось двумерным. Псевдослова разместились вдоль полуокружности в соответствии с характеристиками образующих их гласных. Затем было проведено ассоциативное обучение, в ходе которого отдельные псевдослова сочетались с разными цветовыми стимулами. Обучение заканчивалось, когда испытуемые безошибочно называли цветовые стимулы соответствующими псевдословами. После завершения обучения производилась регистрация вызванных потенциалов на смену искусственных цветовых названий и методом многомерного анализа было построено их геометрическое пространство. Оно оказалось четырехмерным: к двум осям, определяющим вклад гласных, добавились еще две оси, представляющие семантику цветовых названий. Искусственные цветовые названия разместились на плоскости вдоль окружности в соот-

ветствии с порядком расположения цветов на круге Ньютона. Такое расположение искусственных цветовых названий, совпадающее с расположением реальных цветов на круге Ньютона, требует объяснения. Ведь вызванные потенциалы определялись сменой только цветовых названий. Объяснение сводится к образованию двусторонних связей между нейронами, представляющими псевдослова, и нейронами, кодирующими следы в цветовой долговременной памяти. При предъявлении искусственного цветового названия на основе ассоциаций по схеме «сверху—вниз» происходит активация нейронов цветовой долговременной памяти, связанных с данным искусственным цветовым названием. Предъявление другого искусственного цветового названия ведет к активации другого набора нейронов долговременной цветовой памяти. Замена возбуждения одних нейронов долговременной памяти другими ведет к возбуждению физических нейронов, измеряющих различия в уровне активации нейронов памяти. Чем ближе друг другу по степени возбуждения эти две популяции нейронов долговременной памяти, тем меньше возбуждение физических нейронов и тем меньше семантическое цветовое различие. Разряд физических нейронов определяет амплитуду вызванного потенциала, который является мерой семантического цветового различия. Совпадение семантического цветового пространства с цветовым пространством реальных цветов объясняется тем, что следы долговременной цветовой памяти сами формируются под влиянием цветовых восприятий. Данные, полученные С.Г. Коршуновой, подтверждают

два механизма вычисления различий: перцептивные различия между оболочками слов вычисляются по схеме «снизу—вверх», а семантические различия — по схеме «сверху—вниз». В основе семантических различий лежат двусторонние связи между нейронами, представляющими оболочки слов, и нейронами долговременной памяти, сохраняющими следы цветочных стимулов (Коршунова, 2004).

Рассмотренная схема отображения следов в долговременной памяти и образования ассоциаций между ними находит подтверждение в работах под руководством профессора Мияшита (Miyashita et al., 1991). Используя 97 генерируемых компьютером зрительных паттернов, исследователи применили их при тренировке обезьян по схеме образец—эталон, при которой животные должны были реагировать в случае их совпадения. Стимулам присваивались номера, с тем чтобы каждый раз при тренировке предъявлялась одна и та же последовательность стимулов. После длительной тренировки проводилась регистрация реакций нейронов антеро-вентральной височной коры при нанесении стимулов, использованных при обучении. Было установлено, что отдельные нейроны отвечали только на специфические для них зрительные паттерны. Эта избирательность реакций нейронов была приобретена в ходе обучения, поскольку 97 новых зрительных паттернов, не использованных при обучении, реакций нейронов не вызывали. Селективные разряды нейронов характеризовались корреляцией спайковых разрядов на стимулы, соседствующие в стимульной последовательности. Таким образом, в ходе обучения развивались два

процесса: запечатление зрительных паттернов отдельными нейронами и формирование ассоциаций между соседними нейронами. Низкий уровень корреляции между разрядами соседних нейронов привел исследователей к предположению, что ассоциативная долговременная память представлена в нейронах периринальной коры (область 36, по Бродману). В новых экспериментах (Voshida et al., 2003) проводилась выработка парных ассоциаций между зрительными паттернами, после чего регистрировались реакции нейронов периринальной коры и вычислялись коэффициенты корреляции между разрядами ассоциированных нейронов. При сравнении корреляций антеро-вентральной височной коры и периринальной коры было обнаружено, что если в антеро-вентральной коре коэффициент корреляции составлял 14%, то в периринальной коре — 51%. Это свидетельствовало о том, что нейроны периринальной коры образуют механизм ассоциативной долговременной памяти. Введение красителей в область максимальной активности периринальной коры показало, что эти нейроны получают входы от нейронов антеро-вентральной височной коры, фиксируя долговременные ассоциативные связи между нейронами, представляющими следы стимулов. Активность этих нейронов сопровождается увеличением концентрации и-РНК, кодирующей мозговой нейротрофический фактор, участвующий в формировании синаптических связей. Таким образом, запечатление образов в долговременной памяти и формирование между ними ассоциативных связей реализуется разными популяциями нейронов.

Важнейшей функцией речи является символьное кодирование числа. Но что является сенсорной основой численного кодирования? При регистрации активности нейронов в основании интрапариетальной борозды у обезьян были найдены нейроны, избирательно реагирующие на определенное число элементов (от 1 до 5), представленных на экране компьютера. Избирательность реакций нейронов определялась именно числом элементов, а не их качественными характеристиками. Реакции нейронов, представленные числом спайков, имели колоколообразную форму, сходную с характеристиками детекторов ориентации линий и детекторов направления движения зрительных стимулов. Можно сказать, что это были детекторы числа зрительных объектов. Сигналы этих нейронов с небольшой задержкой поступают на нейроны левой префронтальной коры, выполняющие функции элементов рабочей памяти при удержании информации о числе объектов на интервале отсроченной реакции (Nieder et al., 2004). Исследования, проведенные методом функциональной магнитно-резонансной томографии у человека, показали, что задние отделы париетальной коры связаны с численными операциями. При этом их активация происходит на численные значения независимо от модальности. Кроме того, эта область отвечает на слова (написание и произнесение), означающие число. Поражение данного отдела ведет к нарушению арифметических операций, что коррелирует с анатомическими отклонениями от нормы. Применение метода вызванных потенциалов показало, что при замене одной цифры на другую

(в пределах от 1 до 9) негативный пик N 180 содержит информацию как о перцептивных характеристиках (форме цифр), так и их семантических характеристиках — численных значениях. Многомерный анализ матриц вызванных потенциалов на замену цифр показал, что перцептивные характеристики образуют двумерное пространство, определяемое «округлостью» или «угловатостью» каждой цифры. Двумерное семантическое пространство образует полуокружность. По одной оси численные значения цифр возрастают, а по другой — убывают. Аналогично тому, как это имеет место при кодировании интенсивности зрительных стимулов, где интенсивность определяется активностью двух противоположных нейронов — «яркостного» и «темного». Можно предположить, что кодирование численной информации на перцептивном и семантическом уровне происходит так же, как и других признаков (Коршунова, 2004).

Детское словотворчество

Большое место в рассматриваемой монографии занимает проблема образования ребенком новых слов, не представленных в языке взрослых. Значение этой проблемы возрастает в связи с тем, что автор в приложении дает конкретный материал детского словотворчества. Это позволяет читателю провести анализ самостоятельно. Особый интерес представляет образование детских неологизмов по типу «народная этимология». Т.Н. Ушакова подчеркивает роль «вербальной сети»: ребенок привлекает из состава знакомых ему слов фрагмент и заменяет им часть

нового для него слова. Например, «мазать» (знакомое слово) — «вазелин» (новое для ребенка слово) — «мазелин» (синтезированное слово). Этот частный случай синтеза слов можно представить в виде динамического стереотипа как активность выработанной последовательности нервных элементов. В случае синтеза нового слова активация одного слова вызывает активацию нервной структуры другого слова. В результате «создается новая цепочка звуковых последовательностей и возникает новое "синтезированное" слово» (с. 129). Представленная схема находит подтверждение при изучении реакций нейронов височной коры человека в ходе нейрохирургических операций (Creutzfeldt, 1993). Регистрация спайковых реакций нейронов при предъявлении звуков речи и повторении их пациентом производилась от верхней и средней височных извилин. В фоне эти нейроны обладали низкой частотой генерации потенциалов действия (0.1 спайк/сек). Простые звуки (тон, шум) не вызывали в них реакций, зато слова приводили к спайковым разрядам с латенцией 80–200 мс. Некоторые нейроны отвечали только на начальный или последний слог, представляя собой своеобразные детекторы слогов. В качестве примера можно привести разряд нейрона на предъявление слова «christmas tree», состоящий из трех групп спайков в соответствии с максимумами акустических сигналов (Creutzfeldt, 1993). Нейроны реагируют также при повторении слов пациентом, но разряды никогда не предшествуют речи, что указывает на их сенсорную природу. От этих участков мозга регистрируются также вызванные потенциалы на речевые звуки, а их

локальная электрическая стимуляция ведет к прерыванию называния, не нарушая понимания (Creutzfeldt, 1993).

Моторная реакция обнаруживается за 250 мс до произвольного произнесения слова в зоне Брока доминантного полушария. Здесь регистрируется нарастающая деполяризация (премоторный потенциал), которая за 120 мс до начала произнесения слова сменяется моторным потенциалом, предшествующим речевой реакции. Аналогичные потенциалы регистрируются в субдоминантном полушарии, но меньшей амплитуды (Creutzfeldt, 1993). Можно предположить, что премоторный потенциал, связанный с подготовкой речевого акта, определяется активацией нейронов интенций, а моторный потенциал — возбуждением командных нейронов, определяющих при участии мотонейронов структуру речевого жеста.

Мозговые механизмы грамматических операций

Овладение речью означает усвоение фонологических, грамматических и семантических правил речи. В основе усвоения фонологических правил лежит формирование гностических нейронов восприятия фонем, слогов, слов и сочетаний слов. Реализация речи требует участия нейронов интенций, командных нейронов и мотонейронов. Семантические процессы основаны на интеграции, в которой одни нейроны представляют следы долговременной памяти, а другие (также представляющие долговременную память) выполняют функцию их символов. Такие символы могут образовывать сложные комбинации. Следует различать семантически

допустимые комбинации и семантически недопустимые. Современные исследования вызванных потенциалов мозга человека показали, что семантические ошибки приводят к возникновению негативного потенциала с латенцией 400 мс (N 400). В случае сенсорной афазии семантическая ошибка может игнорироваться. При этом негативный потенциал N 400 не возникает.

Грамматические структуры представлены в зоне Брока доминантного полушария. В норме грамматическая ошибка приводит к возникновению позитивного компонента вызванного потенциала с латенцией 600 мс (P 600). У лиц, страдающих аграмматизмом, при поражении области Брока доминантного полушария при грамматической ошибке (например, нарушении принятого порядка слов) компонент P 600 не возникает, зато может появиться компонент N 400. Это указывает на то, что при поражении канала обработки грамматической информации мобилизуется канал семантической обработки, более сохраненный у лиц, страдающих моторной афазией Брока (Nagoort et al., 2003).

Говоря о механизмах формирования грамматических нейронных структур, Т.Н. Ушакова подчеркивает принцип генерализации и дифференциации, ведущий к стабилизации динамического стереотипа, который составляет основу грамматически допустимой речевой последовательности. Подготовка речевого акта начинается с «концептуальной заготовки», которая до начала генерации речи представлена нейронами интенций высшего уровня. Эта концептуальная схема в процессе синтаксического кодирования трансформируется в интенцию грамматической структуры,

еще не уточненной на фонологическом уровне. На уровне фонологического кодирования подключаются фонологические нейроны интенций. Реализуется речевой акт командными нейронами, получающими информацию от нейронов интенций разного уровня и поэтому избирательно активирующими определенные «речевые жесты». Применение позитронной эмиссионной томографии (ПЭТ) показало, что формирование сложных предложений, описывающих зрительную сцену на экране компьютера, приводит к максимальной активности участка коры, прилегающей к зоне Брока. Значительно меньшую активность вызывает описание той же сцены короткими фразами, и еще более слабую активность дает описание сцены отдельными изолированными словами. Нарушение функций данной зоны коры ведет к устойчиво сохраняющемуся аграмматизму в форме «телеграфного стиля» (Indefrey et al., 2001). Из представленных данных можно заключить, что синтаксическое кодирование требует участия грамматически селективных нейронов.

В случае моторной афазии Брока, вызванной инсультом, опухолью или травмой доминантного полушария мозга, понимание речи и чтение в основном сохранены, но при этом нарушены спонтанные высказывания. Это выражается в том, что больной не в состоянии описать схему в грамматически правильной форме. Существительные соединяются друг с другом без прилагательных, наречий и предлогов, образуя телеграфный стиль (аграмматизм). Отдельные фонемы, и особенно комбинации согласных, произносятся с искажениями.

Однако это не результат чисто моторных дефектов, а нарушения на синтаксическом уровне (Creutzfeldt, 1993). Возвращаясь к описанной ранее работе (Indefrey et al, 2001), можно обнаружить параллелизм в степени нарушения грамматических функций при моторной афазии и величиной активации мозга в зависимости от сложности грамматических конструкций. Так, описание зрительной сцены отдельными, не связанными между собой словами здоровым испытуемым характеризуется более низким локальным кровотоком по сравнению с описанием сцены грамматически сложными предложениями. Это можно объяснить тем, что отдельные слова не активируют грамматически специфичные нейроны, что снижает общее число активированных нейронов и уменьшает связанный с этим локальный кровоток.

Представление о грамматически специфичных нейронах, реализующих у человека грамматические операции, объясняет безуспешные попытки обучить обезьян использованию грамматических конструкций в связи с отсутствием у них таких нейронов.

Роль условнорефлекторных механизмов в овладении речью

Т.Н. Ушакова подчеркивает роль условных рефлексов в становлении семантики и грамматических форм речи. Участие условных рефлексов в речевом развитии начинается еще в дословесный период. Обычно овладение речью связывают с механизмами подражания. Однако, кроме подражания на ранних этапах речевого развития, совершенствование лепета ребенка происходит за счет положитель-

ных подкреплений, которыми могут служить такие неречевые стимулы, как прикосновение матери или ее приближение к ребенку; при этом такие контакты должны следовать сразу за вокализацией. Если же реакции матери возникают случайно по отношению к вокализации ребенка, то совершенствование лепета не происходит. Прогресс лепета включает стабилизацию частотного состава вокализаций и переход к членению их на слоги. Важно подчеркнуть, что при этом работает не механизм подражания речи взрослого, а придание более совершенной формы дословесной вокализации, возникающей в результате положительного подкрепления собственной активности ребенка (Goldstein et al., 2003). Такое совершенствование лепета происходит в русле естественного развития внутренней, генетически заложенной программы. С переходом к словесному периоду развития речи возрастает роль подражания речи взрослых, но и здесь существенную роль играют внутренние механизмы в форме словотворчества. Аналогичный процесс наблюдается при усвоении грамматики, правила которой могут творчески применяться ребенком к словам, ранее в таких грамматических формах не использовавшимся. Такое активное усвоение речи идет под влиянием внутренних импульсов при участии нейронов интенций. Анализ внутреннего механизма развития речи ребенка составляет концептуальное ядро монографии Т.Н. Ушаковой, в которой систематически прослеживается внутренняя детерминация развития речи от первого крика новорожденного через эгоцентрическую речь до произвольно контролируемых форм речи.

Литература

- Бойко Б.И. Механизмы умственной деятельности. М.; Воронеж: Модэк, 2002.
- Измайлов Ч.А., Соколов Е.Н., Коршунова С.Г., Фурсова Е.А. Вызванный потенциал как мера семантических цветовых различий у человека // А.Р. Лурия и психология XXI века / Под ред. Т.В. Ахутиной и Ж.М. Гозман. М.: Ф-т психологии МГУ, 2003. С. 283–289.
- Коршунова С.Г. Отражение перцептивных и семантических различий в амплитуде вызванного потенциала мозга человека (в печати).
- Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Павлов И.П. Полное собрание трудов. М.; Л, 1949.
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: ОГИЗ, 1932.
- Ушакова Т.Н. Речь: Истоки и принципы развития. М.: Пер Сэ, 2004.
- Cerponiene R., Lepisto T., Shestukova A., Vauhala R., Alku P., Naatanen R., Yaguchi M. Speech-sound-selective auditory impairment in children with autism: they can perceive but not attend // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2003. Vol. 100, № 9. P. 5567–5572.
- Creutzfeldt O.D. Cortex cerebri: performance, structure and functional organization of the cortex. Gotingen: Mary Creutzfeldt, 1993.
- Goldstein M.H., King A.P., West M.J. Social interaction shapes babbling: testing parallels between birdsong and speech // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2003. Vol. 100, № 13. P. 8030–8035.
- Hagoort P., Wassenaar M., Boven C. Real-time semantic compensation: electrophysiological evidence for multiple-route plasticity // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2003. Vol. 100, № 7. P. 4340–4345.
- Indefrey P., Brown H., Hellwig F., Amunts K., Herzog H., Seitz R.J. A neural correlate of syntactic encoding during speech production // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2001. Vol. 98, № 10. P. 5933–5936.
- Miyashita Y., Sakai K., Higuchi S., Masui N. Localization of primate long-term memory in the primate temporal cortex // L.R. Squire, M.M. Weinberger, G. Lynch, J.L. McGaugh (eds.). Memory: organization and locus of change. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 239–249.
- Nieder A., Miller E.K. A parieto-frontal network for visual numerical information in the monkey // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2004. Vol. 101, № 19, P. 7457–7462.
- Rizzolatti G., Craighero L. Spatial attention: mechanisms and theories // M. Sabourin, F. Craik, M. Robert (eds.). Advances in psychological science. Vol. 2: Biological and cognitive aspects. Hove, Psychological press, 1998. P. 171–198.
- Yoshida M., Naya Y., Miyashita Y. Anatomical organization of forward fiber projections from area TE to perirhinal neurons representing long-term memory in monkeys // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2003. Vol. 100, № 7. P. 4257–4262.

Соколов Евгений Николаевич, академик РАО, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Контакты: ensok@mail.ru

В. Куинси, Т. Скилинг, М. Лалумьер, В. Крейг. Юношеская делинквентность: понимание происхождения индивидуальных различий

Vernon L. Quinsey, Tracey A. Skilling, Martin L. Lalumiere and Wendy M. Craig. Juvenile Delinquency: Understanding the Origins of Individual Differences. Washington, DC: American Psychological Association, 2004.

В последние годы как в психологическом, так и в медицинском сообществах наметилась тенденция комплексного подхода к изучению психических состояний, расстройств, нарушений поведения. Все больше исследователей обращаются в своих изысканиях к построению биопсихосоциальных моделей, которые позволяют учитывать влияние самых разных факторов и охватывать наблюдаемые феномены в максимальной полноте их проявлений.

Небольшая по объему, но насыщенная по содержанию рецензируемая коллективная монография представляет один из возможных вариантов подобного мультидисциплинарного подхода и затрагивает вопросы, издавна волновавшие исследователей человеческой психики и касающиеся поиска причин разнообразия форм поведения.

Цель данного труда — приблизиться к пониманию происхождения индивидуальных различий асоциальности с позиций интегративного объяснительного подхода, а именно к пониманию

склонности к агрессивному, антисоциальному, делинквентному поведению в детском, подростковом и юношеском возрасте. Теоретической базой монографии являются принципы эволюционной психологии, поведенческой генетики, психологии развития, так как именно эти научные направления позволяют на современном уровне объяснить поведение человека с учетом взаимосвязанных причинных факторов: биологических, психологических и социальных.

Книга носит концептуальный характер и не предназначена для обучения конкретным методам оценки или лечения расстройств поведения. Однако используемая авторами концептуальная основа содержит значительный объяснительный потенциал, что позволяет не только ознакомиться с современными биологическими теориями и последними научными достижениями в этой области, но и наметить принципы построения профилактических программ, призванных уменьшить уровень делинквентности.

Предвидя смешение понятий, авторы вносят терминологическую ясность в обсуждаемую тематику. Термин «проблемное поведение» используется для описания поведения, которое отстает от социальных норм. «Асоциальное поведение» — более узкий термин, обозначающий нарушение социальных контрактов. «Криминальное поведение» включает противоправные деяния. «Делинквентность» связана с криминальным поведением в юношеском возрасте. В более широком смысле термины «преступление» и «делинквентность» определяют такое поведение человека, которое приводит к нарушению закона и влечет за собой наказание. Это понимание традиционно и близко отечественным определениям «Делинквентное поведение — отклоняющееся поведение, которое в своих крайних проявлениях представляет собой уголовно наказуемые действия». (Психологический словарь, 1998).

Монография состоит из введения, шести глав и эпилога. В каждой главе представлен емкий и многоплановый обзор по обозначенной тематике с привлечением иллюстративных эмпирических фактов. К особенностям изложения материала можно отнести использование информации разного уровня сложности. Сведения повышенной сложности, представляющие интерес для профессионалов, вынесены в отдельные модули.

В первых трех главах содержится необходимая для последующего анализа информационная база, представлены ключевые понятия и наиболее значительные открытия в области эволюционной психологии и поведенческой генетики, касающиеся де-

линквентности и механизмов формирования антисоциального поведения. Приводимые исследования мало известны в сфере гуманитарных и социальных наук, однако представляют большой интерес и могут расширить наше понимание противоправного поведения. В завершающих главах обсуждаются возможности практического приложения интегративного теоретического подхода.

Авторы предупреждают об идеологических параллелях, приводящих к генетическому детерминизму, сексизму, расизму и т. д., и настаивают на необходимости научного подхода к изучению поведения человека, который должен опираться только на эмпирические факты и касаться существа дела.

В первой главе («Эволюционная психология») обсуждаются наиболее важные понятия, относящиеся к области эволюционной психологии, такие, как адаптация, родительский вклад, сексуальный выбор, альтруизм, генетический конфликт и выбор партнера в их связи с делинквентностью. Как известно, эволюционная психология сосредоточена на свойствах индивидуумов и изучает психологические особенности, которые присущи всем представителям вида, в том числе вариации человеческого поведения в зависимости от пола, возраста, условий развития, а также существующих условий социальной и биологической среды.

В качестве возможных причин половых различий в поисках пары, стремления к риску, агрессии называются гормональные факторы. Установлена связь между гормональным влиянием, экологическим отбором и поведением. Отдельно обсуждается

роль половых гормонов как активаторов биологически значимых форм поведения.

Авторы считают, что различия возраста, пола, родственных связей, способов реализации ресурсов, будущих перспектив связаны с желаниями, мотивацией и поведением, включая асоциальные тенденции и делинквентное поведение, и согласуются с принципами естественного отбора. Изучение поведения с эволюционистских позиций, по сути, сводится к изучению окружающей среды, при этом всегда приходится учитывать, что эволюция работает на выживание и относительный репродуктивный успех вида, а не на благополучие отдельных индивидуумов.

Во второй главе («Поведенческая генетика и делинквентность») приводятся результаты масштабных генетических исследований. В поведенческой генетике традиционно изучаются близнецовые пары, семьи с усыновленными детьми, их приемные и биологические родители. Большинство переменных, характеризующих психику человека, обнаруживают ненулевую наследуемость. В первую очередь это касается когнитивных способностей, а также психопатологии, в том числе делинквентности. Молекулярные генетические исследования подтвердили наличие нескольких общих генов, отвечающих за поведенческие девиации и психопатологию. Гены могут влиять на возникновение делинквентности посредством воздействия на личность и интеллект или через толерантность к алкоголю. Влияние генов более заметно у лиц женского пола, тогда как влияние окружающей среды больше проявляется у мужчин,

что связано с биологически предопределенной вариабельностью поведения мужских особей, необходимой для выбора пары. Сочетанное влияние генетики и окружающей среды на возникновение агрессии и нарушений поведения обнаруживалось у тех приемных детей, которые не только воспитывались в неблагоприятных внешних условиях, но и имели биологических родителей с асоциальным личностным расстройством. Иными словами, наследственная предрасположенность реализовывала себя в определенной ситуации, способствующей формированию делинквентного поведения.

Третья глава («Непосредственные механизмы развития юношеской делинквентности») посвящена обзору большого числа переменных, связанных с юношеской делинквентностью, — от биодемографических до социоэкономических. Здесь же кратко представлены наиболее значительные социологические теории делинквентности, которые традиционно используют данные показатели, и приводятся примеры эмпирических проверок этих теорий.

Последние литературные данные свидетельствуют о том, что для детей от 6 до 11 лет наиболее точными предикторами делинквентного поведения являются прежде всего предшествующие проступки, мужской пол, низкий социально-экономический статус, асоциальные родители. Для подростков от 12 до 14 лет большее значение имеют отсутствие устойчивых социальных связей, асоциальные родственники и предшествующие правонарушения.

Признавая вклад социальных факторов, авторы тем не менее обращают

внимание на то, что сами по себе семейные характеристики, такие, как безработица родителей, семейное насилие, супружеские разногласия, развод, по сравнению с индивидуально-типологическими факторами не имеют столь определяющего значения. Они могут вызвать нарушения детско-родительских отношений, что оказывает большее влияние на формирование делинквентных форм поведения. Роль семьи сказывается и в действии таких факторов, как психическое состояние родителей и их родительская компетентность. Обнаружено, что у малолетних правонарушителей гораздо чаще, чем у их сверстников, были депрессивные или эмоционально неустойчивые матери или родители с асоциальным или зависимым поведением.

Предикторы делинквентности, помимо генетической предрасположенности, имеют отношение к индивидуальному поведению, средовым факторам, семейной истории. Характеристики семьи включают проживание с асоциальными родителями, жесткую дисциплину, физические наказания и пренебрежение, бедные семейные контакты, семейные установки, способствующие насилию. Однако, как считают авторы, избытие переменных не столько способствует, сколько препятствует пониманию механизмов делинквентного поведения. Поэтому наиболее перспективными в плане построения интегративной теории авторам представляются иные критерии оценки, базирующиеся на различиях отдельных групп делинквентных подростков.

В четвертой главе («Классификация юношеской делинквентности в

интегративной теоретической перспективе») авторы, ссылаясь на предшествующие исследования, выделяют три группы подростков, обнаруживающих делинквентное поведение. Первая группа — это подростки, противоправное поведение которых проявляется только в юношеском возрасте и заканчивается по достижении взрослости. Две другие группы также характеризуются ранним началом противоправных действий, однако эти действия сохраняются впоследствии на протяжении всей жизни. Одна из этих групп включает лиц, асоциальное и агрессивное поведение которых связано с их нейропатологией, являющейся следствием пре-, пери- и/или постнатальных проблем, иногда в сочетании с семейным неблагополучием. Другую группу составляют правонарушители с психопатической структурой личности. Эти три группы рассматриваются с точки зрения теоретического интегративного подхода, основывающегося на позициях эволюционной психологии, поведенческой генетики и психологии развития.

Имея в виду, что юность — период интенсивного соревнования за приобретение статуса, ресурсов, подходящей пары, авторы считают, что многие мальчики в этот период жизни вовлекаются в поведение, связанное с риском, которое иногда оказывается за пределами закона. Первичная причина их риска — различный репродуктивный успех в видовом окружении, а непосредственные причины — это те факторы, которые помогают им получить доступ к вещам, статистически способствующим репродуктивному успеху в видовом окружении.

Причины делинквентного поведения второй группы связываются с патологией и не влияют на селективную историю вида, за исключением того, что эти причины создают неудобства в социальном соревновании. Представители этой группы могут быть идентифицированы с помощью нейропсихологических тестов и других маркеров нарушений развития.

Причины асоциального поведения лиц из третьей группы авторы не считают патологичными. В силу определенной констелляции характеристик, включающих раннюю репродукцию, слабую родительскую заботу, поиск риска, агрессивность, эта подгруппа качественно отличается от других. Возможно, эти индивидуумы следуют качественно иной жизненной стратегии, подталкиваемой естественным отбором в целях сохранения вида.

Глава пятая («Половые различия агрессивности и женская делинквентность») посвящена обсуждению одного из наиболее стойких убеждений, что мужчины агрессивнее женщин. Приводятся результаты наблюдений, из которых следует, что эта тенденция с разной степенью выраженности проявляется на протяжении всего периода развития, будучи минимальной лишь в раннем возрасте. Наиболее очевидны половые различия в тяжести совершаемых агрессивных поступков: мужчины с большей вероятностью, чем женщины, совершают серьезные преступления, связанные с насилием, тогда как лица женского пола чаще проявляют косвенную агрессию (например, распространение слухов и сплетен). Возникают вопросы, почему мужчины и женщины выражают свою аг-

рессию разными способами и в чем истинная причина половых различий асоциального поведения.

Авторы обращаются к истории этой проблемы, ссылаясь на ранние биологические, социологические и психосоциальные теории, а также на современные исследования женской делинквентности в подростковом возрасте. Они приходят к выводу, что половые различия не объяснимы ни с демографических, ни с социальных, образовательных или медицинских позиций. Более того, предикторы противоправного поведения сходны для подростков как мужского, так и женского пола.

Анализируя сравнительные исследования агрессивности у человека и приматов, авторы предполагают, что половые различия в уровне и типе агрессии имеют отношение к сексуально обусловленным стратегиям поиска партнера. При этом, поскольку диапазон вариабельности мужских особей шире, они более агрессивны, чем женские, благодаря чему поведение, связанное с риском, для них более естественно. С этих позиций можно объяснить и женскую агрессивность, которая проявляется тогда, когда выгода такого поведения превосходит издержки. Такие ситуации могут возникать при недостатке ресурсов или партнеров. Авторы признают, что в случае женской делинквентности еще менее ясно, когда именно асоциальное поведение является результатом патологии, а когда — чувствительной к изменениям внешней среды разновидностью репродуктивных и социальных стратегий.

Глава шестая («Предупреждение и вмешательство») является логическим

завершением научного обсуждения проблемы происхождения индивидуальных различий в области юношеской делинквентности. Наиболее успешными в плане предотвращения противоправных актов авторы считают те программы (преимущественно поведенческие и когнитивно-бихевиоральные), которые ориентированы не только на саму молодежь, но и на всю систему социального взаимодействия и при этом учитывают криминогенный характер потребностей молодых людей из группы риска. Вместе с тем профилактические и реабилитационные программы могут быть эффективны, только будучи тщательно спланированными, систематическими и последовательно реализованными. Важно, чтобы эти программы базировались на теоретических этиологических принципах, обеспечивающих рациональный подход. Успех также зависит от точности скрининговых методов, оценивающих наибольший риск хронического асоциального поведения.

Авторы считают, что ранняя профилактика и предупреждение противоправных поступков позволят распознать их возможный смысл. Не исключено, что во многом асоциальное поведение является проявлением мощной тенденции следования собственным интересам. Давно известно, что индивидуальные различия в асоциальном поведении обнаруживаются уже на ранних этапах развития. Однако, имея наследственное происхождение, они проявляются в зависимости от обстоятельств, что определяет их многообразие и ставит задачу всестороннего учета комплекса индивидуальных, контекстуальных, ситуационных и сопутствующих факторов.

Авторы выражают надежду, что их труд послужит построению более полной теории юношеской делинквентности. По крайней мере, ставящиеся в исследовании вопросы являются ключевыми для понимания сути этого явления.

К несомненным достоинствам монографии можно отнести изобилие эмпирических фактов и цитируемых исследований. Однако, несмотря на широкий спектр излагаемых взглядов и стремление к научной корректности, в попытке авторов создать интегративную теоретическую перспективу прослеживаются редуccionистские тенденции. Индивидуальные различия юношеской делинквентности объясняются в терминах адаптации, наследственности, жизненных стратегий, вариативности поведения, целесообразности и движущих сил естественного отбора. При этом подросток выступает в качестве объекта множественных воздействий как внешних средовых условий, так и внутренней запрограммированности. По нашему же мнению, для истинно интегративного теоретического подхода к объяснению индивидуальных различий в области юношеской делинквентности необходимо изучение всего комплекса биопсихосоциальных факторов, включая и мотивационно-смысловые аспекты личности, поиск идентичности, роль нравственных выборов и ценностных установок, столь актуальных в юношеском возрасте.

Монография может быть интересна и студентам, начинающим обучение, и специалистам в области психологии индивидуальных различий, эволюционной психологии,

поведенческой генетики, и всем, кто жаждет приблизиться к пониманию природы человеческой агрессии и противоправного поведения.

Литература

Психологический словарь / Под ред. Л.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов н/Д, 1998.

Кулыгина Майя Александровна, медико-психологический центр поликлиники МГИМО(У) МИД РФ, кандидат психологических наук
Контакты: kulygina@mtu-net.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

T.N. Ushakova. Semantics of Speech: Name, Word, Utterance

The term, semantics, stands here for the psychological processes of understanding, or «making sense of», different aspects of the world, including language. The author traces key moments of semantic development in a child: from the first appearance in a baby to the emergence of naming, or the phenomenon of giving names to objects. The author considers both psychological and psychophysiological content of word semantics and suggests an original view of how thoughts are articulated through words.

Theoretical and Empirical Research

O.A. Konopkin. Conscious Self-Control: the Structure/Function and Content Aspects

The author analyses two main aspects of regulatory processes that determine their perfection, the stage of development and characteristics of performance. The former, «structural-and-functional aspect», relates to the inner mechanisms of conscious voluntary self-control. The latter, to deal with so-called psychological content, relates to psychological means with which the individual realises the functional structure of control. The second aspect has advantages: it enlarges and deepens the image of control processes, both cognitive and pragmatic; it shows the role of emotions, motivations and personality; it demonstrates the functional unity of the mind in the conscious self-control processes. The live process of psychological control exists as a basic unity

of both structure (form) and content, each of which alone is insufficient.

Special Theme of the Issue. In Search of Philosophical Reference Points

V.M. Allakhverdov. Splendour and Misery of Empirical Psychology: Towards a Methodological Manifesto of Petersburgian Psychologists

The author argues against two statements typical of contemporary psychology: first, that the scientist's activity is always subjective and that science therefore cannot pursue truth; second, that empirical data are objective and do not depend on the person. Although science is a subjective activity, its ambition is to describe reality adequately. Experience tells us that science has both subjective and objective elements. Yet we cannot allow contradictions in science; «anything does not go». If two conceptions are based on two mutually contradictory presuppositions, they cannot be equally true. Sometimes behaviourism, psychoanalysis and cognitivism are described as various descriptions of the same phenomena. The author disagrees with it and argues that only one approach can be correct. The more we can see what is subjective in the text, the better we understand and assess it. Psychologists should report about their preliminary expectations and how much the results of their research match the latter. The author believes that any data claim is an interpretation and as such should be double-checked.

A.I. Vatulin. A Turning Movement

The author considers «methodological anarchism», or theoretical pluralism,

a hot topic of today's discussions in Russian psychology. What are we to do if different conceptions exclude or ignore each other? The author believes that polyphony is not acceptable: otherwise, psychology becomes a manipulative device in pursuit of political or commercial aims. To be a science, psychology requires a certain methodological apparatus shared by the entire psychological community. As a remedy, the author presents some recent approaches, including V.P. Bransky's theory. The article may be of interest for psychology teachers and everyone concerned with what the author calls chaos in contemporary psychology.

M.V. Ivanov. An Ode to the Demythologised Experiment

By clarifying methodological principles, Allakhverdov's article helps find a way out of the crisis in psychology. The author argues that establishing rules for making explicit objective and subjective elements in scientific research is the most important.

A.S. Karmin. Methodological Reflection Without an Exclamation Mark

The author discusses the paper by Allakhverdov, «Reflection on the science of psychology with an exclamation mark». He argues against what he calls a «post-modernist» rejection of rationality, objectivity, and truth in scientific knowledge. Psychologists should move away from theoretical pluralism towards constructing a methodological foundation for their science.

A.D. Nasledov. Splendour and Misery of Theoretical Psychology: Empirical Validity of Scientific Facts

The author denies that either a search for empirical proof of theoretical state-

ments or relations between fact and theory are main problems of contemporary psychology. He believes that our main concern should be with the criteria of validity of empirical facts. Psychological fact is a product of empirical and statistical generalisations, the validity of which should be considered at the first place. The author believes that Russian psychology is not sufficiently sensitive to incorrect generalisations. As a result, empirical facts are not taken for an argument, and any theoretical discussion becomes meaningless.

V.F. Petrenko. What Is Truth? Our Response to the Lord Chamberlain

The author discusses psychology's methodology and subject matter. Regarding the category of truth in psychology, he argues in support of constructivism.

A.N. Poddiakov and J. Valsiner. How to Get out of the Misery without Loosing Splendour

Commenting on Allakhverdov's article, the authors introduce the term, «methodological cycle», which unites theoretical and empirical, deductive and inductive knowledge. Making a distinction between empirical and pseudo-empirical science, the authors discuss possibility of comprehensive non-contradictory empirical descriptions and theoretical interpretations, uses of qualitative and quantitative methods in psychological research, and reflection of these problems in teaching.

E.A. Sergienko. A Science Needs Methodological Laws

The author sympathetically comments on the paper by Allakhverdov. She argues against the principle of «methodological liberalism» claiming that metho-

dology is a core element of science indispensable for its theory and practice.

T.V. Chernigovskaia. An Inevitable Present

The article is an attempt to find one's bearings in an empirical science under a crisis. The author argues for an approach that unites the natural sciences and the humanities. The same questions that puzzle the cognitive science, neurophysiology, linguistics, anthropology and even quantum physics (the latter includes the observer as a relevant and non-reducible participant) challenge psychology. It has to be multidisciplinary, and that brings the problems of combining different kinds of knowledge. In our species, which is called *Homo Loquens*, language is the best way to counteract the chaos brought by the senses. The author believes that objectivity is the matter of description.

Y.M. Shilkov. Towards a Methodology of Psychological Knowledge

The author applies contemporary philosophy of science to psychological knowledge. Differentiating between classical and contemporary science, he discusses three questions: 1) what are the conditions of establishing a psychological fact? 2) What is the nature of objectivity and conditions of possibility of psychological research? 3) What is truth in psychological knowledge? The author pays special attention to the nature of psychological experiment.

A.V. Yurevich. Militant Romanticism

Responding to Allakhverdov's article in this volume, the author calls him a «romantic psychologist». «Romantic psychologists» [the term was introduced by A.R. Luria] are deeply concerned with the «eternal» philosophical or methodo-

logical issues. Yet the author finds discrepancies in the article in question: contradictory claims, imperatives that are too hard, and confusion between postmodernism, phenomenology, irrationality and anti-scientism.

V.M. Allakhverdov. A Sad Optimistic View on Psychological Science: What My Colleagues Think of Psychological Knowledge

The article sums up the discussion. The author emphasises that even those participants, who are willing to sign the manifesto in question, allow more or less explicit empiricist claims. Psychologists face a choice: either to be a happy epistemological pessimist satisfied with the status quo (that is, accepting that psychology is an odd science lacking unity) or to remain optimistic hoping for the better (and accepting that psychology is in yet another crisis). Preferring the former position - epistemological optimism - the author invites his colleagues to continue with the manifesto.

Work in Progress

S.S. Belova. Logic and Intuitive Basis of the First Impression of the Child's Intelligence

The article describes results of an experimental research. In this research, experimental subjects were shown a short video of a child and asked to give their opinion of the child's intelligence. The experimenter wanted to know how precise such an evaluation can be, which basis it is given on, which behavioural features are used, and how the verbal description of the child's behaviour influences the outcome of evaluation. The intelligence was measured with J. Raven's Standard Progressive Test.

Институт психологии РАН

при участии

Российская академия наук

Евроталанта,

*Европейского комитета по образованию одаренных и талантливых
детей и подростков при Совете Европы*

проводит

Первую международную конференцию

«Творчество: взгляд с разных сторон»,

*посвященную 85-летию со дня рождения выдающегося российского психолога
Якова Александровича Пономарева.*

15–18 сентября 2005, Москва—Звенигород

Заявки на участие принимаются по адресу: journal@psychol.ras.ru

Подробная информация на сайте: <http://psychol.ras.ru/ponomarev/rus.html>

Журнал зарегистрирован 14.03.2005 в Федеральной службе по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77–19534.

Подписано в печать 07.06.2005. Формат 70x100/16. Печ. л. 10,5.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Тираж 600 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ГЕО-ТЭК».
г. Красноармейск, Московской области. Тел.: 584-16-23, 916-36-42.

